

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА

Шарданова Ирина Валерьевна

Концепция истории в автобиографии “Воспитание Генри Адамса”

Специальность 10.01.03. Литературы народов стран зарубежья
(литературы Америки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Шогенцукова Н.А.

Нальчик – 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3	
ГЛАВА 1. АВТОБИОГРАФИЯ Г. АДАМСА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....		24
1.1. О РОЛИ АВТОБИОГРАФИЗМА В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....		24
1.2. “ВОСПИТАНИЕ ГЕНРИ АДАМСА”: БИБЛИЯ ИЛИ ПЕСНЬ ОБ АПОКАЛИПСИСЕ?.....		35
ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ГЕНРИ АДАМСА.....		46
2.1. ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ХАОС. КРАТКИЙ ОБЗОР ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ.....		46
2.2. ОТ СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМА КО ВТОРОМУ ЗАКОНУ ТЕРМОДИНАМИКИ.....		60
ГЛАВА 3. “ВОСПИТАНИЕ ГЕНРИ АДАМСА”: ОТ ПОЭТИКИ ТЕКСТА К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ.....		118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		147
БИБЛИОГРАФИЯ		155

Введение

Усилившийся в последние десятилетия интерес к документальной и художественно-документальной литературе расширил границы литературоведческого анализа, вовлек в его сферу такие произведения, которые традиционно оставались за его пределами: дневники, биографии, мемуары, автобиографии, письма, хроники. Но прочтение произведений названных жанров представляет для специалистов немалую трудность, ибо принципы анализа их поэтики остаются пока неразработанными. Между тем, в произведениях документальных и художественно-документальных жанров личность может быть раскрыта не менее глубоко и всесторонне, чем в произведениях художественных жанров. Примером, доказывающим это является автобиография знаменитого американского деятеля середины XIX - начала XX веков Г.Б. Адамса - "Воспитание Генри Адамса".

О значительной роли Адамса в истории американской культуры и о масштабе его популярности на Западе свидетельствует большое количество трудов, посвященных изучению его творчества. Среди многочисленных исследований выделяются работы Р.Спиллера (1), Р.Блэкмура (2), Э.Самюэlsa (3), Р.Мейна (4), К.Портер (5), Т.Кули (6), Г. Каузера (7), В. Вассестрома (8), В.Деккера (9), Дж.Кокса (10), А.Барра (11) и других. В нашей стране произведения Генри Адамса, на сегодняшний день, - большая редкость. На русский язык переведена лишь малая часть его работ: автобиография "Воспитание Генри Адамса" (в 1988 г.) и роман "Демократия" (в 1989 г.). В отечественном литературоведении кроме статей М.М.Кореневой (в книгах "Проблемы становления американской литературы" (12); "Писатели США" (13)) и послесловия к "Воспитанию" А.Н.Николюкина (14) нет публикаций по творчеству Г.Адамса. В третьем томе "Литературной истории США" (15)

можно найти статью Р.Спиллера (перевод М.М.Кореневой). О Г.Адамсе упоминается во втором и третьем томах "Истории Соединенных Штатов Америки"(16), в монографиях Е.А.Стеценко (17) и М.В.Тлостановой (18).

Недостаточная изученность наследия Г.Адамса в отечественной науке определяет актуальность данной диссертации. Необходимость оценить его творчество во всем многообразии и выработать целостное представление об этом сложном явлении американской духовной жизни кажется нам бесспорной. В данный момент в российском литературоведении нет исследования, в котором была бы изучена связь исторических взглядов Адамса с национальной и европейской философией рубежа XIX-XX столетий. Большую сложность представляет анализ проблемы творческой эволюции, специфики историзма, двойственного характера мировидения и творческого метода Адамса. Необходимо осмыслить процесс становления писателя под влиянием его интереса к естественным наукам, проанализировать автобиографию "Воспитание Генри Адамса", явившуюся кульминацией этого процесса. Кроме того, нам кажется важным исследовать не только сугубо научные взгляды Адамса, но и поэтику "Воспитания", систему художественных средств, при помощи которых автор организует сложное текстовое полотно произведения.

Настоятельная потребность в исследовании автобиографического творчества Генри Адамса видится нам закономерной еще и ввиду того, что любая область науки и искусства, выходя за рамки своей специфики, рано или поздно приводит к научно-философской и культурологической рефлексии. Так, философское осмысление особенностей жанра автобиографии, раскрывает иную грань научных исследований. Это касается и нового прочтения классических произведений мировой литературы.

В данном случае "Воспитание Генри Адамса" - это не просто автобиография в привычном смысле, где повествуется о богатом жизненном опыте автора,

его взаимоотношениях с окружающим миром. В ней представлен сложнейший генезис научных взглядов Адамса-историка, формировавшихся в период революционных открытий в области естествознания. Мы считаем, что сочетание автором художественных и научно-исследовательских задач внутри автобиографического произведения не случайно.

Автобиографический жанр в истории американской литературы всегда имел большое значение - многие знаменитые американцы обращались к нему, чтобы поведать миру уникальную историю своей жизни. На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что интерес к автобиографическому жанру - традиционная особенность как авторского, так и читательского вкуса американцев. Однако, стремление Г. Адамса создать собственную автобиографию объясняется не только популярностью в Соединенных Штатах литературы подобного рода. Понятие "автобиография" для него гораздо шире традиционного повествования о судьбе отдельного человека. Оно непосредственно соединено с философскими представлениями автора о природе исторического познания.

В адамсовской концепции истории особенно важна идея о неразрывной связи времен, обусловленной причинно-следственными отношениями. Настоящее, по его мнению, логически сочетает в себе элементы прошлого и будущего. При таком подходе становится возможным, как ему кажется, объяснить историю, исходя из опыта отдельного человека, а его частная жизнь, "биография" обретает особую значимость. Согласно Адамсу, каждый может постичь историю цивилизации, анализируя свой жизненный опыт, так как он содержит в себе элементы прошлого. Следовательно, история для Адамса становится субъективной. Но через субъективное отношение, через автобиографию, историк дает масштабную картину всемирной истории в ее прошлом, настоящем и будущем. Иначе говоря, "Воспитание" из автобиографии конкретной личности превращается в "автобиографию всего человечества".

Таким образом, поставленные цели исследования определили структуру диссертации. Во введении рассматриваются общетеоретические вопросы автобиографического жанра. При этом подчеркивается сложный и противоречивый характер научных дискуссий относительно природы, принципов анализа и поэтики жанра. В первой главе ставится задача проследить пути развития автобиографической традиции в литературе США. Это необходимо для выявления общего и особенного в "Воспитании Генри Адамса", ставшего классикой американской автобиографической литературы. Вторая глава посвящена исследованию исторической концепции Адамса, формировавшейся в период глубокой трансформации гуманитарных наук. Дается краткий обзор философских течений конца XIX - начала XX веков, прослеживается влияние открытий в области естественных наук на методологию и научные взгляды Г.Адамса. Здесь же мы предлагаем сравнительный анализ ранних научных теорий автора и динамической концепции истории, возникшей в поздний период творчества. Исследуются различные стороны его мировидения - взгляды на историю, общество, политику, государство, мораль, религию, искусство, процесс познания и другие. В третьей главе говорится о своеобразии художественной системы "Воспитания Генри Адамса", об особенностях его поэтики, сквозь призму которой читатель также постигает авторскую "философию жизни", проникает в удивительный мир творческой фантазии писателя.

Материалом диссертации послужили художественные ("Демократия", "Эстер"); художественно-документальные ("Воспитание Генри Адамса"); культурологические ("Мон-Сен-Мишель и Шартр") произведения Г.Адамса; его исторические работы ("Очерки по англосаксонскому праву", "История Соединенных Штатов Америки", "Тенденции в изучении истории", "О роли фаз в развитии истории", "Послание американским историкам"); письма Г.Адамса друзьям и коллегам. Кроме того, нами широко использовались работы представителей современных философских течений, а также классиков

западной философии; критические труды, посвященные жанру автобиографии и творчеству Генри Адамса в частности.

Поскольку объектом нашего исследования является произведение автобиографического жанра, необходимо попытаться рассмотреть его особенности. К теоретическим вопросам автобиографического жанра обращаются не только теоретики, но и историки литературы, выбравшие для анализа автобиографию. И если в 1954 году американский исследователь У. Шумейкер не без основания утверждал, что "не существует единого мнения относительно критерия формы и содержания автобиографии" (19.с.1.), то за сорок пять лет положение изменилось - по всем основным проблемам жанра накоплен большой разнообразный материал, точки зрения исследователей по многим принципиальным пунктам совпадают. В то же время остается пространство для дискуссий, которые питают разные методологические позиции и постоянный процесс переоценки ценностей.

Анализ теоретико-литературных исследований в сфере жанра автобиографии позволяет говорить об определении этого жанра в широком и узком смыслах. Относится ли автобиография к художественной прозе, представляет ли собой документальное или синтетическое повествование - ответить на этот вопрос и означает определить названный жанр в широком смысле слова. Интересные рассуждения на этот счет содержатся в статье американского исследователя Б. Дж. Мандела "Современное понимание полноты жизни", опубликованной в сборнике "Автобиография: эссе теоретические и критические" (1980 г.). "Автобиографы заимствуют технику создания произведения у художественной прозы, - отмечает Мандел, - но это не делает автобиографию художественной прозой, подобной тому, как использование Дворжаком фольклорных мотивов не делает его "Новую всемирную симфонию" народной песней" (20.с.53). По мнению Олни, коренное отличие автобиографии от произведений традиционных художественных жанров со-

стоит в том, что в каждый момент повествования автобиограф стремится доказать: "это происходило со мной" (21.с.53). Относя автобиографию к сфере небеллетристического повествования, Олни протестует против того, чтобы считать художественную прозу сердцевиной литературного процесса, а автобиографию - второразрядным жанром. Не формулируя прямо выводы, он подводит читателя к мысли о синтетической природе анализируемого жанра.

Новые оттенки взаимоотношения документального и художественного повествования в автобиографии находят литературоведы в 70-ые годы. Утверждая, что автобиография занимает промежуточное положение между беллетристикой и историей, Томас Кули в предисловии к работе "Сотворение жизни" пишет, что автобиография не отличается от романа по степени красноречия, но имеет и принципиальное сходство с документальной литературой, "хотя автобиографы и наслаждаются свободой, недостижимой для историков и биографов, они не свободны от того, что с ними произошло" (6. Предисловие).

Точки отталкивания автобиографии от беллетристики четко определяет М.К. Блейзинг, автор монографии "Искусство жизни. Исследование американской автобиографической литературы". "Автобиографии присущее тождественность автора, повествователя и героя. Однако, в ней не возникает так называемого "культа личности". Принцип объективного изображения персонажей не нарушается, в то время, как в беллетристике они являются второстепенным фоном, зеркалом героя-повествователя" (22.Предисловие). Хотя последнее положение, на наш взгляд, не носит всеобщего характера, а применимо лишь к отдельным произведениям, тем не менее выводы Блейзинг укрепляют теоретическую базу для изучения автобиографии.

Новую проблему в исследуемой сфере ставит Л.А. Ренза в статье "Вето на образность. Теория автобиографии". Согласившись с тем, что "автобиография - это мутация, гибридный жанр, смешение правды о жизни ав-

тобиографа с вымыслом", он предлагает неожиданную формулировку: "Автобиография - это ни художественная литература, ни документальная литература, ни соединение этих двух начал. Это уникальный способ самоисследования личности" (22.с.273, 295). К сожалению, Ренза не раскрывает сформулированное им положение. Его идея, однако, дает толчок к размышлениям и заставляет сомневаться в полноте определения автобиографии как совокупности художественного и документального начала.

Выявление конкретных элементов структуры автобиографического произведения - вот цель, которую преследует определение этого жанра в узком смысле слова. Некоторые исследователи считают подобную задачу невыполнимой. Эту мысль, в частности, высказывает Дж. Олни в своей работе 1972 года "Метафора личности". "Определение автобиографии как литературного жанра представляется мне невозможным, - пишет он, - так как придется или включить в него так много компонентов, что оно уже перестанет быть определением, или, наоборот, исключить так много особенностей, что будут отсечены необходимые определяющие его черты" (21.с.42). О трудности определения автобиографического жанра говорит и американский исследователь Г. Мэй в монографии "Автобиография". В подтверждение своего тезиса он приводит мнение Д. Гасдорфа и Д. Старобински, которые считают, что в жанре автобиографии отсутствуют закономерности (24.с.10).

Сомнения таких известных специалистов в области теории автобиографии, какими являются перечисленные авторы, свидетельствуют о действительной сложности предмета исследования. Однако, размышляя о сложности задачи и даже об отсутствии ее решения, они все-таки дают определение жанра, так как без обозначения границ и структуры объекта изучения анализ его невозможен.

Д. Старобински называет автобиографию "биографией, написанной главным действующими лицом" (25.с.74). Дж. Олни определяет ее как "точ-

ку зрения писателя на свою собственную жизнь" (21.с.42), а в заглавной статье уже упоминавшегося сборника "Автобиография. Эссе теоретические и критические", вышедшего под его редакцией, он говорит о трех элементах автобиографии: "auto", "bios" и "grapho" - "личность", "жизнь" и "момент написания" (26.с.6). В работе 1980 года Дж. Олни более терпим к определениям и, делая обзор критики по истории и теории автобиографии, даже приводит формулировку французского филолога Ф. Лежона, показавшуюся ему, видимо, наиболее достойной внимания: "Это ретроспективное повествование о жизни реального человека, в котором подчеркиваются индивидуальные черты жизни и, в особенности, история становления личности" (26.с.28).

Д. Гасдорф, чьи исследования в области жанра автобиографии получили высокую оценку Дж. Олни ("вначале был Дж.Гасдорф и его статьи" (26.с.8)), не формулирует определение автобиографии как таковое. Однако в статье "Условия и границы автобиографии", которую А. Стоун назвал "эпохального значения эссе 1956 года" (27.с.7), приводит блестящий анализ генезиса и структуры этого жанра (28.с.28-48). Одни и те же черты подмечают в автобиографии У. Шумейкер и Д. Моррис. "Автобиография, - считает Шумейкер, - это правдивая запись, история личности, написанная ею самой и скомпонованная как единое целое" (19.с.106). "Автобиография..., - по Моррису, - это разновидность истории, повествование о событиях, происшедших на протяжении определенного времени" (29.с.11). Простое и в то же время емкое определение дает автобиографии М.К. Блейзинг. Автобиографическими она считает те работы, в которых герой, повествователь и автор обозначены одним и тем же именем (22. Введение).

Автор самой известной у нас работы по истории автобиографического жанра в литературе США "Американская автобиография. Ее пророческий вариант" Г. Каузер, анализируя конкретные произведения, придерживается, как он замечает, определения Б. Мандела - "автобиография есть ретроспективное пове-

ствование о жизни человека в целом или в важнейшем ее периоде, правдиво написанное со специальной целью человеком, прожившим описываемую жизнь" (30.Введение). В это определение, по утверждению Каузера, не укладывается трансценденталистская автобиография, в частности, "Уолден, или Жизнь в лесу" Г. Торо, для повествовательной структуры которого характерна не ретроспективность, а сиюминутность (30. Введение).

Имея собственную ценность, приведенные здесь определения в то же время решают еще одну задачу - скрыто информируют о принципах, методологии создания автобиографии, затрагивают такие важнейшие в этой сфере вопросы, как проблема правды, проблема времени, сущность автобиографического "я", соотношение художественного и документального, критерии отбора материала, способ типизации. В ряде исследований, в частности, в уже называвшихся работах Дж. Олни, Т. Кули, М.К. Блейзинг, А. Стоуна, эти вопросы являются предметом специального рассмотрения.

М.К. Блейзинг высказывает мысль о том, что процесс создания автобиографии - это процесс трансформации истории в литературу, процесс превращения определенного "я" в неопределенное "я", личного бытия в общественное (22.Введение). Тожественную мысль высказывает и Дж. Олни в своей работе 1972 года: "Хотя в каждой автобиографии специфичны место, время и характеры, и именно это делает ее реальной, она скорее универсальна, чем локальна, скорее вечна, чем конкретно исторична" (21.Введение).

Блейзинг не называет принципы трансформации, считая, что они носят индивидуальный характер, и рассматривает их применительно к конкретным произведениям. Подробно анализирует она особенности автобиографического "я", выявляя такие всеобщие его черты, как одновременное нахождение в двух ипостасях: наблюдаемый и наблюдатель, история и историк, герой и поэт. Говоря о сосредоточенности автобиографии на одной личности, Блейзинг для обозначения этого явления вводит термин "нарцис-

сизм автобиографии" (22. Введение).

Своеобразным развитием взглядов М.К. Блейзинг является концепция А. Стоуна. По его мнению, в процессе создания автобиографии происходит движение не только от частного к общему, но и вновь возвращение к частному. "Автобиография создается человеком, оглядывающимся назад", - говоря об этом, Стоун приводит формулировку Д. Гасдорфа: "Автобиография - это второе прочтение опыта, и оно более правдиво, чем первое, потому что включает осознание события" (27.с.59).

Проблема правды занимает в теории Стоуна одно из основных мест. Являясь своего рода информацией о культуре и индивидууме, автобиография в то же время, как считает исследователь, представляет собой лишь версию происходившего, ибо создатель автобиографии отбирает материал в соответствии со своими установками. Отвечая на вопрос, в чем же состоит правдивость автобиографии, Стоун формулирует важнейший вывод: "документальная ценность автобиографии заключается в том, что в ней конкретизированы время, традиции, культура" (27.с.7).

Проблема правды волнует практически всех литературоведов, обращающихся к изучению жанра автобиографии. Одним из первых ее поставил У. Шумейкер в своей известной работе 1954 года "Английская автобиография. Ее истоки, содержание и форма". Шумейкер выдвинул тезис о невозможности достижения в автобиографии абсолютной правдивости, так как автор, во-первых, не все помнит, и, во-вторых, не может судить себя правильно (19.с.36, 49).

В ином ракурсе рассматривает проблему правды Т. Кули - как стремление автобиографов уйти от нее и практическую невозможность это сделать. Как говорил Марк Твен, "беспощадная правда присутствует между строк" (31.с.65). Кули отмечает то, что американские автобиографы говорят в своих книгах о себе, было проверено по другим источникам, и совпадений

оказалось гораздо больше, чем несовпадений. Более четко, чем предыдущие исследователи, формулирует Кули принципы отбора автобиографического материала - автор отбирает такие события и случаи, которые представляют его образ (6.Введение).

В той или иной форме все исследователи касаются и способов типизации в автобиографии. В литературе известны два способа типизации - воплощение многократно повторенных типических черт в индивидуальном образе и перенесение в художественное произведение готового "типа", обнаруженного в жизни. Для автобиографии, как и для других художественно-документальных жанров, характерен второй способ. Первый для нее просто невозможен, так как он связан с созданием вымышленных образов. "Закономерным является тот факт, что в центре автобиографии находится личность исключительная - в социальном, нравственном или духовном смысле, - считает Е.И. Журбина, - ибо именно она "попадает в фокус типизации" (32.с.114).

Наша точка зрения на методологию создания автобиографии состоит в следующем. На первый взгляд может показаться, что отбор материала - излишняя для автора задача, поскольку законы жанра диктуют ему по возможности просто и правдиво рассказать о своей жизни. Однако в практической творческой деятельности автобиографа и понятие "правдивость", и понятие "своя жизнь" приобретают многозначный характер. Диапазон этих понятий становится предельно широк. Понятие "искренность" оказывается зависимым, как минимум, от трех факторов. Это: психологические особенности личности автора; его философские установки; художественные приемы, используемые создателем автобиографии. Под психологическими особенностями личности автора мы подразумеваем степень ее "открытости", желание и возможность раскрыться перед людьми. Степень правдивости автобиографа не может не зависеть от его философской позиции. Едва ли способствует

описанию тонких душевных переживаний философия прагматизма с ее культом дела, выгоды. Что же касается, например, философии экзистенциализма, то ее сосредоточенность на отдельном человеке, поиске "подлинной" личности (в противоположность "не подлинной") низводит принцип правдивости до уровня условности. Пределы авторской откровенности могут варьироваться от лишь намеченной штрихами внутренней жизни до глубокой исповедальности, граничащей с историей болезни, то есть выходящей за пределы искусства.

Многозначным для автобиографа, является не только понятие "правдивость", но и понятие "своя жизнь". Создавая повествование о прожитом, автор должен решить следующие важные вопросы: какие периоды своей жизни он хочет описать; что он намерен акцентировать в прожитой жизни - событийную сторону или духовную; сформулировать свое жизненное кредо. Таким образом, отбор материала важный в художественном творчестве вообще, приобретает особое значение в создании произведений художественно-документальных жанров - из обилия всевозможных фактов автор в соответствии со своими психологическими, философскими и эстетическими установками выбирает необходимые.

Приведенные выше положения, имеющие всеобщий характер для жанра автобиографии, видоизменяются, когда анализируется конкретное произведение, являющее собой пример той или иной жанровой разновидности. Вопросы методологии и классификации автобиографического жанра оказываются органично связаны между собой. Трудно найти другую сферу теории исследуемого жанра, где бы царил такой субъективизм, как при рассмотрении вопроса внутрижанровой типологии. И хотя каждый литературовед обосновывает предлагаемую им классификацию, доля волюнтаризма здесь столь велика, что на сегодняшний день данная проблема не может считаться решенной.

"Субъективная" и "объективная" - такие два вида автобиографий выделял в своей работе У. Шумейкер. "Объективную" разновидность он затем подразделяет на "воспоминания" и "хроники типа *res gestae*". "Субъективная" автобиография, по Шумейкеру, включает те произведения, в которых "много внимания уделено психологическим состояниям... Воспоминания имеют природу общественных анекдотов: *res gestae* включает не только мемуары, но и повествования о приключениях, занятиях, успехах" (19.с.54). Как видим, критерий, по которому проводится разделение, весьма неопределенный. Более того, У. Шумейкер смешивает понятия "автобиография", "воспоминания" и "мемуары", которые обозначают разные жанровые системы. И хотя в рассуждениях исследователя о субъективной стороне автобиографии много ценного - он, в частности, обоснованно заявляет, "что развитие субъективного начала в автобиографии имело такое же литературное значение, как появление романа" (19.с.74) - предлагаемая автором работы классификация не может быть принята ни как теоретическая, ни как рабочая концепция.

Во многом уязвимо и понятие "пророческая автобиография", выдвигаемое Г. Каузером. Он считает пророческую автобиографию одной из основных жанровых разновидностей американской автобиографии, хотя в то же время утверждает, что она как поджанровая структура не имеет четких границ (7. Введение). Объединяя под этим названием автобиографии Б. Франклина, Ф. Дугласа, Г. Торо, У. Уитмена, Г. Адамса, М. Икса, Н. Мейлера, Р. Персига Каузер следующим образом объясняет вводимый им термин: "Видя противоречия между тем, какова Америка есть, и тем, какой она могла бы стать, автобиографы вновь и вновь обращались к пророчествам... Пророческая автобиография обычно создается в периоды общественных кризисов; она акцентирует внимание не на отдельной личности, а стремится консолидировать людей; она более обращена в будущее, чем в прошлое" (7. Введение). Приведенное здесь определение столь расплывчато, что оно едва ли

дает возможность вычлениить из общего числа автобиографий пророческую. Научно необоснованным представляется и рассмотрение в одном ракурсе перечисленных автобиографий, глубоко различных по времени создания, художественному методу, стилистике.

Спорной, хотя и довольно интересной, является типология У.Хоурта, который выделяет три разновидности жанра : "автобиография как риторика", "автобиография как драма" и "автобиография как поэзия" (33.с.85-111). За этими броскими наименованиями у Хоурта стоит скрупулезный анализ мировой автобиографической литературы и точность критериев. К первой группе - "автобиография как риторика" - он относит автобиографии-доктрины (религиозные, исторические или политические). Ее цель - дидактическая, автор хочет представить частную жизнь как идеальную форму поведения. Две американские автобиографии отнесены им к этой разновидности - Г. Адамса и М. Икса. Не идеи, а характеры, сцены и события доминируют, по мнению исследователя, в автобиографиях Б. Франклина и М. Твена, которые он определяет как автобиографии-драмы. Изучить самого себя - такую задачу, как считает Хоурт, ставит перед собой сомневающаяся в себе, критично настроенная личность, приступая к созданию автобиографии как поэзии. Именно так определяет литературовед произведения Г.Торо и Г.Джеймса (33.с.106).

Более обоснованным является взгляд на исследуемую проблему Т. Кули, перу которого принадлежит уже упоминавшаяся монография. Противопоставляя автобиографии XIX и XX веков, Т. Кули считает, что в основе первой лежит культивация, то есть раскрытие всех внутренних возможностей личности, а в основе второй - воспитание, то есть формирование характера под влиянием внешних обстоятельств. "Водоразделом" между ними Кули называет "Воспитание Генри Адамса"(6.с.16). Исследователь связывает появление новой автобиографии не только с чисто литературными явления-

ми, но и с достижениями психологии во второй половине XIX века.

Развернутую внутрижанровую типологию автобиографии или, по его выражению, разновидности автобиографической ситуации, предлагает А.Стоун. Приведем ее полностью. Первая ситуация - старый человек оглядывается на свою богатую событиями жизнь, чтобы поставить прошлое индивидуума на уровень факта культуры. Вторая ситуация - верующий человек описывает выполнение им духовной миссии. Третья разновидность - автобиографии о детстве и юношестве. Четвертая ситуация - опыт столкновения с насилием. Пятая разновидность - женская автобиография. Шестая ситуация - творческое сотрудничество субъекта автобиографии и профессионального писателя. Седьмая разновидность - автобиография, пограничная с психологическим романом (27.с.19-25). При всем уважении к известному исследователю, нельзя не отметить явную ненаучность разработанной им внутрижанровой структуры. В ней отсутствует единый критерий: Стоун обращается то к тематике, то к личности автора, то к способу создания произведения, то к его поэтике. И если в качестве плана к его творческой монографии структура Стоуна приемлема, то как теоретическая концепция она, довольно спорна.

Безусловно, каждая из приведенных типологий может вызвать упреки в произвольности, так как реальный историко-литературный материал не укладывается в жесткую схему разновидностей автобиографического жанра: существуют произведения, сочетающие в себе черты двух, а то и всех трех жанровых разновидностей, или вообще выбивающиеся за пределы какой-либо классификации. На наш взгляд, классификация - это не конечная, вечная схема. Она должна совершенствоваться в процессе развития литературы, отражать характерное для современной культуры слияние различных жанров, их синтезирование.

Разноречивость рассмотрения, а часто и нерешенность многих теоре-

тических вопросов жанра автобиографии может, на наш взгляд, быть объяснена сложностью данной проблемы. Автобиография полно, как никакой другой жанр, отражающая личность, усложняется по мере развития внутреннего мира и внешних взаимосвязей этой личности. Постоянно идущий в современной автобиографии процесс переоценки ценностей осложняется многоликостью этого жанра - обращенностью его и к беллетристике, и к публицистике, и к истории, и к психологии, и к философии.

В следующей главе речь пойдет об истории жанра автобиографии в американской культуре, о проблемах возникновения, становления, трансформации, о путях его развития. Особое внимание уделяется автобиографии Генри Адамса и ее значению в американской и мировой литературе.

Примечания:

1. Сплиллер Р. Генри Адамс // Литературная история США. В 3 тт. М., 1979, т.3
2. Blackmur R. Henry Adams. N.Y., 1980
3. Samuels E. Henry Adams. The Major Phase. Cambridge, 1964
4. Mane R. Henry Adams on the Road to Chartres. Harvard, 1971
5. Porter C. Seeng and Being // The Plight of the Participant Observer in Emerson, Jams, Adams and Faulkner. Middletown, 1981
6. Cooly T. Educated Lives: The Rise of Modern Autobiography in America. Ohio, 1976
7. Couser G. American Autobiography: The Prophetic Mode. Massachusetts, 1979
8. Wasserstrom W. The Ironies of Progress: Henry Adams and the American Dream. Illinois, 1984

9. Decker W. *The Literary Vocation of Henry Adams*. Carolina, 1990
10. Cox J. *Recovering Literature's Lost Ground: Essays in American Autobiography*. Louisiana, 1989
11. Burr A. *The Autobiography. A Critical and Comparative Study*. N.Y., 1909
12. Коренева М.М. Генри Адамс // Проблемы становления американской литературы. М., 1981
13. Коренева М.М. Генри Адамс // Писатели США. М., 1990
14. Николюкин А.Н. Живой свидетель истории США. // Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
15. Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979, т.3
16. История Соединенных Штатов Америки. М., 1985, тт. 2-3
17. Стеценко Е.А. Судьбы Америки в современном романе США. М., 1994
18. Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000
19. Shumaker W. *English Autobiography. Materials and Form*. Los Angeles, 1954
20. Mandel B.J. *Pull of Life Now // Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Ed. by J. Olney. Princeton, 1980
21. Olney J. *Metaphors of Self. The Meaning of Autobiography*. Princeton, 1972
22. Blasing M. K. *The Art of Life. Studies in American Autobiographical Literature*. Texas, 1977
23. Rensa L. A. *The Veto of the Imagination: A Theory of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Ed. by J. Olney. Princeton, 1980
24. May G. L. *Autobiography*. N.Y., 1979.
25. Starobinski J. *The Style of Autobiography // Essays Theoretical and Critical*. Ed. J. Olney. Princeton, 1980

26. Olney J. *Autobiography and the Cultural Moment //Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, 1980
27. Stone A. E. *Autobiographical Occasions and Original Acts*. Philadelphia, 1982
28. Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography // Essays Theoretical and Critical*. Ed. J. Olney. Op. cit.
29. Morris J. *Versions of the Self*. N.Y., 1966
30. Couser G. *American Autobiography*. N.Y., 1984
31. Марк Твен. Из "Автобиографии". *Собрание сочинений в 8 томах*. М., 1980, т. 8
32. Журбина Е. И. *Теория и практика художественно-документальных жанров*. М., 1969
33. Howarth W. L. *Some Principles of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. N.Y., 1980

Глава 1. Автобиография Генри Адамса в контексте национальной художественной культуры

1.1. О роли автобиографизма в истории американской литературы

Закономерен тот факт, что становление американской литературы связано с документальными и художественно-документальными жанрами. Пуритане самые обыденные, повседневные действия и события понимали как знаки высшего и делали выводы о нем через наблюдения за будничным, которое не было отделено от "сферы духа, они связаны единством стоящей за ними надмирной и надличной высшей идеи", - отмечает М.М. Коренева (1.с.145). Первые поселенцы Америки не стремились к созданию монументальных художественных полотен - они запечатлевали процесс формирования новой нации прежде всего путем обобщения опыта реально существовавшей личности или коллектива, используя документальные и художественно-документальные жанры.

Если у истоков европейских литератур был героический эпос - "Поэма о Беовульфе" в Англии, "Песнь о Роланде" во Франции, "Песнь о моем Сиде" в Испании, "Песнь о Нибелунгах" в Германии, - то истоки американской литературы относятся к XVII веку и связаны они с жанрами дневников, мемуаров, путевых заметок, хроник, оставленными первыми поселенцами Нового Света. Как отмечает Р.Сейр, до того, как американцы начали писать пьесы, романы, стихи, многие из них написали уникальные дневники и автобиографии..." (2.с.146). Это и был своеобразный американский героический эпос, который в отличие от европейского, создавался самими участниками событий. Психология американских первопроходцев весьма точно охарактеризована авторами "Литературной истории США": "Перспектива государственной, мореплавательской, экономической, писатель-

ской, военной карьеры настолько захватывала этих людей и мгновенно поглощала их, что они чуть не заявили, что золотые кольца Беовульфа уже обнаружены" (3.с.43).

Дневники, письма и хроники ("Общая история Виргинии, Новой Англии и Островов Соммерса" Д. Смита, "История Плимутского поселения" У. Брэдфорда, "Дневник" Д. Уинтропа, "Ключ к языку Америки" Р. Уильямса и ряд других произведений) не только содержали сведения о природных условиях Америки и обычаях местного населения. Они отражали образ мышления и характер осваивавших новые земли людей. Это было важным шагом на пути создания национальной литературы США. Безусловно, определенное влияние на становление американской литературы оказала английская литературная традиция. "Особенно близки американским колонистам были те английские писатели, - пишет Я. Н. Засурский, - которые шли в авангарде борьбы против феодализма" (4.с.10). Прежде всего это Джон Мильтон, творчество которого отличалось ярко выраженной тираноборческой направленностью.

В противоположность документальным памятникам слова первые появившиеся в Америке романы - "Власть чувства" (1789) Вильямса Хилла Брауна, "Шарлотта Темпл" (1791) Сусаны Роусон, "Кокетка" (1797) Ханны Фостер, главное внимание в которых уделено теме обольщения, - были созданы в духе европейского сентиментализма и не несли в себе черт национального своеобразия. "Всю жизнь Адамс видел, - пишет он в своем "Воспитании", - как Америка стояла на коленях перед литературной Европой, и на протяжении многих предшествующих поколений - чуть ли не две сотни лет - европейцы смотрели на американцев сверху вниз и разговаривали с ними покровительственно. Это было в порядке вещей" (5.с.382).

Таким образом, в то время, как американская художественная литература XVIII века зачастую копировала европейские образцы, произведения документальных и художественно-документальных жанров отражали

процесс формирования национального характера. По мнению Л.Я. Гинзбурга, здесь находит проявление одна из закономерностей мирового литературного процесса, заключающаяся в том, что "психологические открытия, которые на данном этапе в законченной форме еще невозможны в устоявшихся, канонических жанрах... возможны уже в пограничных видах литературы - в письмах, дневниках, мемуарах, автобиографиях" (6.с.76). Психологические открытия в американской литературе конца XVIII в. были сделаны прежде всего в жанре автобиографии. Справедливы высокие оценки критиков первой значительной американской автобиографии - "Автобиографии" Бенджамина Франклина (1791), созданной всемирно известным философом, ученым-естествоиспытателем, журналистом, дипломатом. Как показало время, автобиография Франклина явилась не только родоначальницей жанра, но заложила основы всей национальной литературы США. Франклиновская концепция "человека-работника", творца, активно вторгающегося в общественную жизнь, стала в ней одной из стержневых.

На всем протяжении развития американской литературы, автобиографический жанр играл в ней активную роль, часто по степени популярности затмевая беллетристику. Этот жанр, дающий возможность автору проанализировать свою жизнь в контексте эпохи, привлекал внимание известных американских писателей - Генри Торо, Марка Твена, Генри Адамса, Шервуда Андерсона, Теодора Драйзера, Энтоня Синклера, Ричарда Райта, Эрскина Колдуэлла, Уильяма Дюбуа, Джеймса Болдуина, Уильяма Сарояна, Лилиан Хеллман и других.

Жанр автобиографии прошел все этапы развития литературного процесса в США. Воплощая эстетические и литературные принципы каждой культурной эпохи в соответствии со спецификой своей художественно-документальной природы, жанр автобиографии запечатлел процесс развития не только художественных, но и других форм общественного сознания - политики, философии, морали.

Литературоведы, обращаясь к истокам американской автобиографии, в числе первых называют "Мою жизнь" Т. Шепарда (1605-1649), "Автобиографию" Инкриса Мэзера (1639-1723), "Повествование о жизни Джонатана Эдвардса" (1703-1758) и ряд других произведений. Далекое не первой хронологически оказывается в этом ряду "Автобиография" Б. Франклина, но именно ей исследователи отводят главенствующую роль в становлении жанра. Г.Каузер определил принципиальное отличие франклиновского повествования от перечисленных выше: "Франклин, в отличие от своих предшественников по жанру, делает акцент не на анализе природы Бога и его мистическом участии в бытии человека, а на активности самого человека" (7.с.42). В "Автобиографии" Франклина в полной мере отразились особенности эпохи, занимающие столь значительное место в американской истории. Ф.Пейтт, автор труда "Первое столетие американской литературы", заслуженно называет произведение Франклина "Книгой номер один среди книг новой Америки" (8.с.17). В американском литературоведении трудно найти такое исследование автобиографического жанра, в котором не упоминалось бы имя Бенджамина Франклина. Его автобиография изучена в различных ракурсах: как воплощение эстетической программы автора (9), как свидетельство его политических взглядов (10), как одно из американских пророчеств (7). Она проанализирована в различных контекстах - собственно литературном, психологическом (11), историческом (12).

Центральным положением у Франклина выступает концепция личности, ее гражданское начало. Любой человек обязан заботиться прежде всего не о своем благе, а о благе страны. Первый фактор - влияние философии европейского Просвещения с его духом демократизма, свободы, верой в силу разума, его способность изменить мир. Вторым фактором - особенности национального развития США, страны, вышедшей в XVIII веке на самостоятельную дорогу: нарождавшаяся американская нация освобождалась от

английского господства. Называя свое повествование "Жизнь Бенджамина Франклина, им самим описанная для сына его", автор подчеркивает свои дидактические цели. Говоря о необходимости для молодого человека изучать ремесла, развивать деловые качества, совершенствовать свое духовное начало, Франклин во главу угла ставит формирование гражданских качеств личности. "Автобиография" Франклина полна оптимизма: человек - носитель разума, а разум - венец всего, он позволяет человеку достичь любых вершин и целей. Эта мысль станет лейтмотивом всех сочинений американских просветителей, обращенных к молодому поколению.

"Автобиография" Франклина не превратилась в музейную ценность, которую превозносят лишь за то, что она - первое явление подобного жанра. Произведение великого просветителя дало импульс развитию автобиографического жанра на столетие вперед. Идею разумности человеческого существования, основанного на постоянном труде и гармонии с природой, высказанную Франклином, философски углубляет романтик Г. Торо в своей автобиографической книге "Уолден, или Жизнь в лесу" (1854). Отдельные положения концепции "Воспитания", предложенные Франклином, нашли воплощение в автобиографии Генри Адамса - "Воспитание Генри Адамса" (1907). Линию гражданской ответственности личности за судьбу общества, четко подчеркнутую Франклином, заостряет Марк Твен в своей чрезвычайно сложной по проблематике "Автобиографии". Каждое из двух ведущих направлений американской литературы XIX века - романтизм и реализм - дал свой образец автобиографии: "Уолден, или Жизнь в лесу" Генри Торо и "Автобиография" Марка Твена.

Вопрос о жанровой природе "Уолдена" решается литературоведами неоднозначно. Э.Ф. Осипова считает, что произведения Торо - это не просто "описание... двухлетнего отшельничества, записки писателя-натуралиста или воспоминания о прожитом, а философское и автобиографическое эссе" (13.с.63). Подобное определение дает "Уолдену" и А.Н. Ни-

колюкин (14.с.59). Значительное место определению жанра "Уолдена" отведено в статьях С.Н. Кузнецовой (15) и А.И. Старцева (16), посвященных исследованию художественного своеобразия книги.

Являясь художественно-документальным повествованием о важнейшем этапе жизни автора, "Уолден", как нам кажется, обладает жанровыми признаками автобиографии. Анализ художественной структуры произведения позволяет сделать вывод о тождественности автора и героя. Торо, хотя и довольно скупо, приводит в произведении свои биографические данные, объясняет, по каким причинам он решил поселиться в лесу, и что побудило его взять в руки перо. В этих объяснениях и прямых обращениях рассказчика к читателю происходит столь свойственное произведениям автобиографического жанра "обнаружение автора". Сугубо личностный характер носит и восприятие Торо всего процесса жизни в лесу. Два года, проведенные писателем в хижине и описанные в "Уолдене", действительно занимают огромное место в его жизни, так как именно в это время реализовалось его стремление находиться вдали от цивилизации.

Как отметил А.Н. Николюкин, повествование Г. Торо имеет типично философский характер. Кроме того, для него характерны черты романтической утопии, что проявляется в постоянном осуждении автором не только современной ему Америки, но и цивилизации вообще. Черты утопии в "Уолдене" связаны также с художественным методом Генри Торо и с тем, что его романтизм, как и вся романтическая литература США 30-50-х годов XIX века, приобретает трагическую окраску. Однако понимание автором экспериментаторского характера жизни на берегу Уолдена, постоянно прорывающейся в повествование, вопреки высказываниям автора, его интерес к людям, реалистический образ самого автора, не позволяют отнести "Уолден" к жанру романтической утопии.

На наш взгляд, данное произведение может быть определено как романтическая, точнее трансценденталистская, автобиография. Эту точку

зрения отстаивает в дискуссии о месте Торо в американской автобиографической литературе и Г. Каузер. Обнаруживая в "Уолдене" тщательный отбор материала, глубокую символику, стремление к идеализации образа повествователя, Г. Каузер соглашается с тем, что это произведение не является автобиографией в общепринятом смысле. Однако реальность личности автора и изображаемого окружения, правдивые комментарии ясно говорят, по его мнению, о жанровой принадлежности книги. Исследователь определяет "Уолден" как трансценденталистскую автобиографию с "характерным для этого литературного жанра, стремлением к отражению жизни в ее настоящем как процесса" (7.с.63).

Мысль о том, что "Уолден" не укладывается в привычную схему, высказывает и Томас Кули (11.с.13). Автобиографией считает "Уолден" и М.К. Блейзинг. Те, кто отказывают произведению в принадлежности к этому жанру, считает она, основывают свое мнение на "урезанном определении" автобиографии. Полемизируя с теми, кто считает автобиографическую форму "Уолдена" лишь маской для автора, повествующего в действительности об открытии личности, М.К. Блейзинг отрицает подобного рода трактовки. "Они приравнивают автобиографию к фактическому репортажу, - считает исследователь, - забывают о том, что названный жанр всегда связан с самораскрытием личности" (12.с.2.)

Восприняв просветительскую идею "естественного человека", романтики логически развили ее до идеи "вселенского человека". Центральная коллизия литературы XVIII века - человек и общество - была признана ограниченной и заменена в романтизме коллизией личность - вселенная. Если Франклин в "Автобиографии" прослеживает процесс становления гражданина, то Торо стремится освободить человека от общественных связей, которые он считает оковами, и приблизить его к вселенной.

Рационалистической упорядоченности Франклина Торо противопоставляет свободу от какой бы то ни было иерархичности. Он доказывает

относительность "вечных" истин и упрекает человечество в том, что оно слишком "основательно" живет. Если Франклин постоянно стремится овладеть достижениями цивилизации, то Торо уходит в мир "простых" вещей. Отсутствие "мгновений" в "Автобиографии" Франклина и пронизанность ими автобиографии Торо связаны с глубоко различным отношением авторов к человеческой жизни. Для Франклина она еще не стала неповторимой ценностью, для Торо жизнь - высший дар. Отсюда его горечь при виде закрепощенного человека.

Антикапиталистическая направленность со времен "Уолдена" становится одной из основных закономерностей жанра автобиографии в американской литературе. Ею пронизана и "Автобиография" Марка Твена. Трактовки гражданского долга, концепции личности у Франклина и Твена обусловлены своеобразием художественного метода, индивидуальными особенностями писательской манеры, разными историческими эпохами. И Франклин, и Торо запечатлели, по замечанию Дж. Кокса, две полярные эпохи национальной истории: "радужную эпоху буржуазного развития и начало его кризиса" (10.с.143). Однако, "Автобиография" Твена имеет немало точек соприкосновения с франклиновской. Твен наследует у него такие приемы автобиографического повествования, как ориентированность на читателя и введение документов. В жизни Франклина и Твена, воссозданной в их автобиографиях, много сходных эпизодов: странствия, безденежье, работа в типографии, занятие литературным трудом. Твен, так же как и Франклин, предстает в "Автобиографии" достойным гражданином, глубоко обеспокоенным судьбой своей страны. Одной из основных у Твена становится идея детерминированности человека средой, в то время, как Франклин, согласно эстетической концепции просветительского реализма, сводит общественное влияние на человека к влиянию идей, мнений, просвещения и, в конечном счете, обосновывает поступки героя не средой, а разумом. Он уверен, что для совершения великого дела достаточно соста-

вить хороший план и выполнять его. Точка зрения Марка Твена на этот вопрос прямо противоположна.

"Автобиография" Твена - это непрекращающаяся острая полемика с философией и художественным опытом Просвещения, в которой всесторонне проявляется его талант сатирика. Прежде всего Твен высмеивает себя. Он иронизирует над своими детскими религиозными предрассудками, над своими скитаниями, над своей славой писателя - то есть над всем тем, к чему Франклин относится уважительно. М. Твен часто выставляет себя в невыгодном свете, рассказывает о комических ситуациях, в которых чувствовал себя неловко. Его стремление постоянно иронизировать над собой продиктовано не только тем, что приписывание себе всяческих недостатков - один из любимых приемов Твена-юмориста. Он кардинально отличается от Франклина, предлагающего в "Автобиографии" идеал героя, относящегося к себе с гипертрофированным почтением, тем, что создает образ живого человека. Реализм XIX века создал новый принцип рассмотрения человека: тип не накладывается на жизнь извне, а выводится из нее. Именно этому принципу следовал в своем произведении М. Твен. Прошлое в его "Автобиографии" пронизано настоящим. Для повествования Твена характерна та временная объемность, которая практически отсутствует в произведении Франклина, и которая станет неотъемлемой чертой художественной автобиографии в американской литературе XX века.

"Серьезным вкладом в углубление мироощущения личности" (2) явилась опубликованная в 1907 году автобиография писателя, философа и дипломата Генри Адамса. Говоря о новаторстве Адамса в истории жанра автобиографии, Т. Кули подчеркивает, что оно прежде всего заключалось в изображении характера как постоянно меняющегося, текучего явления, находящегося под постоянным воздействием внешних сил. С книги Адамса, считает исследователь, в США начинает существовать новая автобиогра-

фия, которая, в отличие от автобиографии Франклина и автобиографии XIX века, прослеживает не культивацию, а воспитание характера (11.с.22).

Некоторые американские исследователи (в частности, М. Старки) не согласны с определением "Воспитания" как автобиографии. Книга, безусловно, автобиографична, пишет Старки, но по замыслу Адамса, описание его личного опыта должно входить в повествование только так, как входит "автопортрет художника в созданное им многофигурное полотно" (17). Эту точку зрения он подтверждает тем, что пересказывая историю своей жизни, Адамс делает значительные пропуски. На наш взгляд, доводы, приведенные М. Старки, не являются препятствием для определения анализируемой книги как автобиографии. Они подтверждают одну из существенных особенностей жанра автобиографии XX века, в котором акцент делается на анализе духовного становления личности, рассматриваемой в широком контексте окружающего мира.

Адамс нарочито объективирует процесс формирования собственного "я", выбирая форму повествования от третьего лица. Р. Спиллер вполне оправданно называет "Воспитание Генри Адамса" портретом, "спроецированным на экран для анализа и изучения" (18.с.175). Выбор подобной формы повествования не случаен - он соответствует авторской концепции человека как объекта скрупулезного исследования. "Со времен "Исповеди" Жан-Жака Руссо и, в основном, благодаря ему, личность, - с точки зрения Генри Адамса, - становится моделью, и модель эта должна быть изучена так же, как любая геометрическая фигура" (19). Квалифицируя иронию Адамса как нигилизм, а его желание познать смысл человеческой жизни как желание доказать ее бессмысленность, Р. Спиллер называет автобиографию Адамса "описанием одного крушения", историей, "завершившейся пророчеством всеобщего распада" (18.с.174). Однако, несмотря на это, Спиллер называет "Воспитание" произведением, "наполненным глубоким гуманистическим смыслом" (18.с.189).

С Генри Адамсом в американской литературе связано зарождение так называемой "автобиографии духа", представленной в дальнейшем именами Шервуда Андерсона ("История рассказчика", 1924); Уильяма Сарояна ("Не умирать", 1963 и "Дни жизни и смерти и бегство на Луну", 1970); Лилиан Хеллман ("Незавершенная женщина", 1969) и рядом других. Как уже отмечалось, для Генри Адамса центральной проблемой его произведения стала духовная эволюция главного героя. Он не просто стремится создать масштабную картину жизни американского народа на протяжении нескольких десятилетий (и себя внутри нее), но и ставит своей целью рассмотрение событий американской истории в контексте мировой, всеобщей истории. Подобный ракурс видения границ автобиографического повествования положил начало новому философскому направлению в художественно-документальной литературе США.

1.2. "Воспитание Генри Адамса": Библия или песнь об Апокалипсисе?

Каково значение книги Адамса в американской культуре и чем она привлекает современного читателя? "Со временем "Воспитание", как любое выдающееся произведение, стало объектом мифологизации, - считает А.Н.Николюкин. - Произошло определенное переосмысление книги, превратившее ее в памятник литературы, наполненный некоего скрытого, пророческого смысла"(20.с.604). Несмотря на пессимизм и глубокое разочарование автора в высоких гуманистических идеалах американской демократии, книга учит непреходящим, общечеловеческим истинам, придающим ей "сверхтекстовое содержание"(20.с.604). Благодаря этому "Воспитание" стоит в одном ряду с лучшими образцами литературы США.

С наибольшей глубиной художественное дарование Адамса, по мнению большинства исследователей его творчества, проявилось именно в

"Воспитании". В основе этого обширного автобиографического повествования лежит идея о том, что развитие человечества шло от целостности и единства человеческого сознания и бытия в прошлом (в эпоху высокого Средневековья (XI-XIII вв.)) к множественности и раздробленности сознания и бытия людей XX столетия. Два знаменитых произведения Адамса, "Мон-Сен-Мишель и Шартр" и "Воспитание Генри Адамса" стали наиболее полным выражением взглядов мыслителя.

По замыслу автора "Воспитание" должно было стать продолжением написанного в 1904 году исследования ("Мон-Сен-Мишель и Шартра"). В течении трех лет Адамс работал над рукописью. Впоследствии он сам неоднократно вспоминал, что процесс написания был крайне сложен и мучителен. Не один раз "Воспитание" подвергалось коренной переработке. В 1907 году, отпечатав книгу в количестве 40 экземпляров, Адамс рассылает "Воспитание" друзьям и знакомым, о которых упоминалось в книге, с просьбой внести замечания и поправки. Некоторые "корректоры" откровенно заявляли о нежелании возвращать книгу автору с пометками или без них. В письме к Г.О.Тейлору Адамс сетует на подобное отношение друзей к возложенной на них миссии: "Исправленные экземпляры давно должны были вернуться ко мне, но мало кто выполнил свое обещание... Теодор Рузвельт и вовсе отказался возвращать книгу... С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что подобного рода исправления бессмысленны... Ведь книга не претендует ни на что, кроме единственной цели - воспитать себя"(21.с.365). Однако в 1915 году автор подготовил новый отредактированный макет "Воспитания", опубликовать который распорядился после своей смерти. В 1918 году Массачусетская ассоциация историков издает книгу с предисловием Адамса, подписанным его другом и учеником Генри Кэботом Лоджем. Книга имела большой успех и стала неотъемлемой частью культуры США не только благодаря своим литературным достоинствам:

она выразила сокровенные мысли и стремления американцев на пороге XX столетия.

"Воспитание" - произведение сложное и многоплановое. Само название книги включает в себе массу смысловых оттенков. "Education" можно трактовать и как "образование", и как "просвещение", и как "развитие каких-либо способностей", и даже как "дрессировку". Причем каждое из перечисленных значений вполне уместно, когда речь идет о какой-то отдельной части автобиографии. Например, в начале книги Адамс подробно описывает тот классический вариант *образования*, который стремится получить в Европе. Затем, дипломатическая служба в Англии способствует *развитию* заложенных в нем фамильных политических талантов. Путешествуя, посещая мировые культурные центры, герой постоянно *совершенствует* свой интеллектуальный и эстетический уровень. А когда речь идет о человеке как о биологическом виде, Адамс нередко приравнивает "education" к *дрессировке*. В единственном на сегодняшний день переводе, сделанном М.А.Шерешевской, предпочтение отдается значению "воспитание", которое, на наш взгляд, является самым емким смысловым эквивалентом "education".

Но что имел в виду Адамс, говоря о воспитании, какой смысл вложил он в это понятие? Его автобиография не просто дидактическое повествование о богатом опыте выдающегося человека и не попытка продемонстрировать идеальный вариант воспитания. Скорее "Воспитание" - это воплощение извечных философских раздумий о месте человека во вселенной, о природе познания, о мере личной свободы в выборе жизненного пути, о способности индивидуума адекватно реагировать на окружающий его мир, понимать глубинный смысл бытия. Исследователь творчества Адамса литературовед Роберт Спиллер считал, что Генри Адамс поставил центральный вопрос века и бился над ним с неиссякаемой энергией. "Почему чело-

век снова потерпел крушение? Какие новые условия вновь преопределили тщетность мечты о совершенстве?" (18.с.174).

И это не просто разочарование в достижениях американской демократии или справедливости политических институтов. Проблема имела гораздо более глубокие корни. Адамс понимал, что сохранить прежние гуманистические идеалы, заложенные основателями американской республики, становится невозможно в условиях бурного роста капиталистических монополий и научно-технического прогресса. "Новый мир показался Адамсу химерическим. Он был готов признать его реальным в том смысле, что тот существует вне его сознания, но признать разумным не мог" (5.с.378). "Автор "Воспитания" один из первых заговорил о кризисе современного естествознания, - считает А.Н.Николюкин. - И один из первых оказался в плену идей, порожденных этим кризисом. Оказавшись перед лицом открытий естественных наук на рубеже XIX-XX веков, он попытался осмыслить новое в науке с позиций идеалов своих предков"(20.с.617). Вскормленному на идеях XVIII века, Адамсу было нелегко вступить в век XX-ый: "что могло выйти из ребенка, который с детства впитывал дух семнадцатого и восемнадцатого веков, но обретя сознание оказался вынужден вести игру картами двадцатого?" (5.с.9).

Автобиография Адамса изначально полна разного рода противоречий, витиеватых переплетений эстетических и философских принципов разных эпох. Человек, создающий автобиографическое произведение, находит в прожитой им жизни материал, достойный внимания современников и последующих поколений - иначе вообще не имеет смысла братья за перо. Апелляция к франклиновскому дидактизму присутствует у Адамса уже в предисловии, когда он называет его образцом самовоспитания. Автобиография Франклина полна веры в человеческие способности, в силу его разума. Это вполне объяснимо: американское мышление основывалось на ощущении своей уникальности и богоизбранности, на способности каждо-

го гражданина примером собственной праведной жизни внести посильный вклад в построение Града Божьего на земле. Естественно, что отпрыск одной из самых знаменитых пуританских фамилий Новой Англии, впитавший идеалы своих предков, пытался преподать американцам наглядный урок. "Все было определено заранее, когда шестнадцатого февраля тысяча восемьсот тридцать восьмого года на Бикон-Хилле в Бостоне родился Генри Адамс, третий сын Чарлза Френсиса Адамса, третьего сына Джона Квинси, старшего сына Джона Адамса, - восьмое поколение рода, с тех пор, как они обосновались в Массачусетсе... Адамсы рождались, чтобы править" (5.с.32).

Судьба Америки волновала его с юношеских лет, когда он только вступал на путь своего политического образования. Богатый жизненный опыт не должен был исчезнуть без следа. Чувство личной ответственности за происходящее пересилило природную скромность, и Адамс приступает к работе над "Воспитанием". С другой стороны, в том же предисловии он противопоставляет франклиновской концепции творца концепцию Руссо с его отказом от всякого рода монументов человеческому его. Отсюда столь контрастное сочетание внутренней цели произведения с ее художественной реализацией: ощущение собственной несостоятельности как писателя и ученого, но при этом осознание необходимости решения поставленных задач.

С присущей ему иронией, Адамс охарактеризовал "Воспитание" как "доисторическую многоножку, растянувшую свои двадцать ног (то есть первые двадцать глав - примечание И.Ш.) так далеко и бессмысленно, что оставшиеся пятнадцать еле поспевают за ними, семена и спотыкаясь" (10.с.254). Автор остался неудовлетворен своим творением, считая его неуклюжим как в решении глобальных проблем всемирной истории и собственного воспитания, так и в художественном отношении. "Наивны были попытки соединить в повествование дидактику и высокохудожественный

стиль, - признавался он в своем письме к Г. Тейлору. - Но перо работает само по себе и действует как рука, вновь и вновь переформирующая пластический материал, пока не получится наиболее подходящая к нему форма. Форма, как Вы знаете, никогда не бывает произвольна, это что-то вроде развития, как процесс кристаллизации" (21.с.62).

Адамс несомненно прав, говоря о прямой зависимости художественной формы от внутреннего состояния творца, от самовосприятия личности в окружающем ее мире. Постигая себя, создатель автобиографии стремится открыть людям новую модель мира, собственную Вселенную. Но далеко не все свои находки Адамс открывает для посторонних глаз: несмотря на скрупулезное, детальное описание своей жизни, автор виртуозно владеет приемами умолчания. "Он не щадил себя, когда считал, что тема не может обойтись без исповеди, - замечает Р. Спиллер, - но в других случаях, если это отвечало его намерениям, свободно опускал важные факты, догадаться о которых можно было лишь косвенным путем. В книге многое нужно читать между глав" (18.с.175).

Адамс полностью опускает факт ужасной трагедии, перевернувшей всю его жизнь. Молчание, спровоцированное самоубийством его жены (Мэрион Адамс) и длившееся двадцать лет, разделило "Воспитание" на две совершенно разные по характеру и стилю части. Это не просто романтическая поза, усиливающая драматизм повествования, скорее констатация факта личного поражения, свидетельство длительной и болезненной сублимации внутренних установок Адамса, переосмысления ценности процесса воспитания, введение нового ракурса.

В наиболее общем виде проблема, изложенная в первой части автобиографии, заключается в следующем: является ли история просто механическим развитием по пути наименьшего сопротивления и способен ли человек каким-то образом контролировать ее течение. Адамс поэтапно анализирует опыт полученного воспитания с одной-единственной целью - по-

нять, имеет ли оно какую-нибудь практическую значимость или представляет собой лишь теоретическую ценность для отдельной личности. Смысл образования - в способности объективно осознавать происходящие вокруг процессы и себя внутри них. Воспитание как совокупность накопленной жизненной энергии должно было стать для Адамса источником силы и внутренней свободы.

Заканчиваясь "Провалом"(1871), первая часть переключает внимание читателя на вторую часть книги, призванную явить результат двадцатилетних размышлений. Здесь мы видим поставленные ранее вопросы сквозь призму динамической теории истории, по которой человек представляет собой определенную форму энергии, способную лишь реагировать на последовательный силовой поток (историю), движимый по изменчивым и неподдающимся описанию законам. В подобной ситуации воспитание переходит в разряд абсурда. "Что мог делать учитель 1900 года? Безрассудно смелый - содействовать (хаотическим энергиям - примечание И.Ш.), непроходимо глупый - сопротивляться; осмотрительный - балансировать между тем и другим, что испокон веков чаще всего и пытались делать и умные, и глупые. Но как бы там ни было, сами силы будут продолжать воспитывать человека, а человеческий ум - на них реагировать. Все, на что мог рассчитывать учитель, - это учить как реагировать"(5.с.592).

Человеческий разум постоянно ставит перед собой нескончаемый ряд вопросов. Пытаясь их разрешить, он еще больше погружается в противоречия: зачастую полученные ответы весьма парадоксальны и логически необъяснимы. Эмерсон писал в своем эссе: "...метод природы - кто мог бы подвергнуть его анализу? Стремительный поток не остановится для того, чтобы мы его рассмотрели. Мы никогда не сможем загнать природу в угол, - найти конец нити, - нащупать камень фундамента... Человеческая мысль членит и противопоставляет, диктует: или-или. А природа может свистать

всеми ветрами разом и при этом оставаться гармонически цельной" (22. с.210, 211).

Смириться с ролью стороннего наблюдателя множественности XX века, бессильного что-либо изменить, означало для американского историка не просто признать некомпетентность исторической науки (равно как и других наук, " находящихся в замешательстве"(5.с.349)), но и окончательно убедиться в поражении мессианской доктрины - "Америка как эксперимент". В конце концов Адамс отказался от подобной теории в пользу теории судьбы. С его точки зрения, судьба эта была не только predetermined, но и зловещей.

Артур Шлезингер в своих "Циклах американской истории" сказал: "Генри Адамс кончил тем, что стал эсхатологом наоборот, уверенным, что наука и технология стремительно ведут планету к Апокалипсису без искупления в Судный день" (23. с. 36). Никто не был знаком с чередой исторических катаклизмов лучше Адамса. Став свидетелем революционных научных открытий в области естественных наук, он пришел к пониманию того, что человечество подверглось серии технологических потрясений, на уяснение и освоение каждого из которых требовались десятилетия. Каждое из этих потрясений ускоряло движение истории. "Человек оседлал науку, и она его понесла, - писал он своему брату. - Я твердо уверен, что пройдет немного столетий, прежде чем наука станет хозяином человека. Контролировать машины, которые он изобретет, будет вне его сил. Когда-нибудь существование человечества окажется во власти науки, и род человеческий совершит самоубийство, взорвав мир" (24. с.327). Его соотечественники были против такого вывода. "Вы, американцы, воображаете, что не подпадете под действие общих законов", - ворчал циничный барон Якоби в "Демократии" Адамса (25. с.82).

Его младший брат (тоже историк) Брукс Адамс, оперируя такими понятиями, как централизация и скорость социальных процессов, ставил

под сомнение возможность того, что на какую-либо нацию не действуют законы роста и упадка цивилизации. Г.Адамс развил идею Брукса до предела заложенных в ней возможностей, применив к первым годам Американской республики более точную формулировку о цикличности (23). "Взмах маятника, - писал он, - измеряется периодом примерно в двенадцать лет. После подписания Декларации о независимости понадобилось двенадцать лет для выработки действительной конституции; следующие двенадцать энергичных лет вызвали реакцию против созданной к тому времени системы правления; третий двенадцатилетний период заканчивался колебанием в сторону проявления еще большей энергии, и даже ребенок мог бы рассчитать результат еще нескольких подобных повторов" (23. с.210).

В итоге задача, первоначально заключающая для Адамса ограниченную проблему американской цивилизации, со временем расширяется до новой философии, рассматривающей морфологию всемирной истории. Мира - как истории. "Историческое исследование в самом широком объеме, - говорит Освальд Шпенглер, - включающее также и все виды сравнительно-психологического анализа чужих народов, времен, нравов имеет для души целых культур то же значение, что дневники и автобиографии для отдельного человека" (26. с.135). С этой точки зрения, "Воспитание Генри Адамса" - не просто автобиография в узком смысле, повествование о становлении конкретной личности, но и автобиография целого поколения, отдельного "исторического гештальта" (26), входящего в общий поток всемирной истории.

Многими исследователями творчества Г.Адамса отмечалось, что на протяжении всей своей долгой и плодотворной жизни он пытался постичь логику исторического процесса, основную движущую силу, некий перво-двигатель, направляющий его течение (7, 9, 11, 12, 17, 18). На наш взгляд, наиболее ярко эта сторона адамсовского дарования проявилась именно в "Воспитании" - произведении, наполненном глубоким философским смыс-

лом и отражающем концептуальные взгляды автора относительно центральных проблем философии истории. В следующей главе предпринята попытка анализа научных теорий Адамса в контексте историко-философской и естественно-научной мысли середины XIX - начала XX веков.

Примечания:

1. Коренева М.М. Творчество Э.Тейлора и пуританская традиция // "Истоки и формирование американской национальной литературы XVII-XVIII веков". М., 1985
2. Sayre R. *Autobiography and the Making of America // Essays Theoretical and Critical*. Ed. by J.Olney. Princeton, 1980
3. Джонс Г.М. Европейский фон // Литературная история США: в 3 т. М., 1971
4. Проблемы становления американской литературы: сб. статей под ред. Я.Н. Засурского. М., 1981
5. Генри Адамс. "Воспитание Генри Адамса". М., 1988
6. Гинзбург Л.Я. "О психологической прозе". Л., 1977
7. Couser G.T. *American Autobiography. The Prophetic Mode*. Amherst., 1979
8. Patte F.L. *The First Century of American Literature. 1770-1870*. N.Y., 1966
9. Sayer R. *The Examined Self: Benjamin Franklin, Henry Adams, Henry James*. Princeton, 1964
10. Cox J.M. *Autobiography and America // Virginia Quarterly Review*, 1971
11. Cooly T. *Educated Lives: The Rise of Modern Autobiography in America*. Columbus, 1976
12. Blasing M.K. *The Art of Life. Studies in American Autobiography Literature*. London, 1977

13. Осипова Э.Ф. Генри Торо. Очерк творчества. Л., 1985
14. Николукин А.Н. Американский романтизм и современность. М., 1968
15. Кузнецова С.Н. О художественном своеобразии книги Г.Торо "Уолден, или жизнь в лесу" // Ученые записки Ульяновского педагогического института, 1970, № 7
16. Старцев А.И. От Уитмена до Хемингуэя. М., 1972
17. Starky M. Introduction // H. Adams. The Education of Henry Adams. N.Y., 1964
18. Спиллер Р. Генри Адамс // Литературная история США в 3-х т. М., 1979, т.3
19. H.Adams. Introduction // H. Adams. The Education of Henry Adams. N.Y., 1964
20. Николукин А.Н. Живой свидетель истории США // Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
21. H.Adams and His Friends: A Collection of His Unpublished Letters. Ed. H.D.Cater. Boston, 1974
22. Ральф Эмерсон, Генри Торо. Библиотека литературы США. М. 1992
23. Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992
24. Цитата по: Blackmur R. Henry Adams. N.Y., 1980
25. Адамс Г. Демократия. М., 1989
26. Освальд Шпенглер. Закат Европы. в 2-х т. М., 1993, т.1

Глава 2. Генезис научно-исторических концепций Генри Адамса

2.1. Постигание истории: закономерность или хаос. Краткий обзор философско-исторических течений

"Чрезвычайно трудно восстановить мозаичное полотно минувшего во всей его полноте, когда утрачены многие фрагменты и неясен общий

замысел, - рассуждает о природе исторического познания Е.А. Стеценко. - Поэтому историк неизбежно оказывается перед проблемой отбора, домысливания и осмысления, уподобляясь читателю древнейшей книги, "безмолвной" без его прочтения и раскрывающей ему столько своей мудрости, сколько он в состоянии постичь. Его цель - максимальное совпадение научного творчества с творчеством жизни, создание адекватных моделей исторического процесса" (1.с.4).

Знаменитое изречение Гераклита о непостоянстве мира ("Все течет, все меняется") как нельзя лучше подходит к человеческому мышлению в области истории. Историческое сознание, каким мы знаем его сегодня, сформировалось сравнительно недавно. История и естественные науки занялись изучением исторических процессов и размещением их в "надлежащей" последовательности лишь в последние несколько сот лет. Даже в наше время понимание исторического процесса продолжает меняться от одного поколения к другому. Создается впечатление, что каждая эпоха приобретает собственную "истинность" относительно своей социальной структуры. Г. Гегель писал: "Слово история означает в нашем языке как объективную, так и субъективную сторону, как историю деяний, так и сами деяния; им обозначается как то, что свершалось, так и историческое повествование" (2.с.58).

Принципиально новый взгляд на личность и природу человеческого сознания складывается в гуманитарных науках на рубеже XIX-XX веков под влиянием разнообразных научных открытий, прежде всего в области естественных наук. В литературе он приводит к углублению приемов познания человека. Истинная литература, как и любой вид творчества, это всегда постижение Высшего, постижение основополагающих принципов существования человека, общества, космоса. "Каждый человек, - пишет Адамс в своей автобиографии, - достаточно уважающий себя, чтобы жить полезной жизнью, пусть даже автоматически, должен быть в ответе

перед самим собой и, если обычные формулы оказались несостоятельными, вывести собственные для своей вселенной" (3.с.564).

Считая, что у науки и искусства изначально общие цели, Фридрих Шлегель писал: "У всех наук и искусств, направленных на высшее, а не просто на потребности и низшую жизнь, в основе лишь один предмет - бесконечное, абсолютно чистое благо и прекрасное, божество, мир, природа, человечество" (4.с.38). Вопросы, которые решал и решает род человеческий на протяжении тысячелетий, легли в основу многопланового и монументального автобиографического произведения Генри Адамса. - Существует ли логика истории? Существует ли по ту сторону всего случайного и неподдающегося учету в отдельных событиях некая метафизическая структура истории человечества, принципиально независимая от повсеместно зримых, популярных, духовно-политических строений поверхностного плана? Что есть человек и какова его роль в историческом процессе?

Тема нашей работы подразумевает анализ концептуальных взглядов Адамса относительно истории как таковой и американской в частности. Центральные проблемы "Воспитания" - кто мы, откуда и куда идем; что есть мир, жизнь, смерть, космос, любовь, красота; есть ли смысл в постижении истории? - расширяют границы нашего анализа. Подобный ракурс позволяет говорить не столько об истории в чистом виде, сколько о философии истории.

Для начала необходимо уточнить, что в современной науке философия истории делится на спекулятивную (предметную) и критическую (аналитическую). Под спекулятивной философией истории понимается рассмотрение самого исторического процесса, а под критической - рассмотрение знания об историческом процессе, изучение результатов анализа истории. Таковы, например, философия истории Дж. Вико, Г. Гегеля, К. Маркса, Н. Бердяева, О. Шпенглера и других. Критическая философия ис-

тории изучает такие вопросы, как степень эффективности методов познания исторических фактов и событий (философия истории Р. Коллингвуда, Г. Риккерта и других).

Спекулятивная философия истории позволяет формулировать определенные концептуальные постулаты, на основе которых историю можно рассматривать как целенаправленный процесс, а именно, анализировать отдельные исторические факты и события сквозь призму причинно-следственных отношений, то есть анализировать частное на фоне общего и понять общее через частное. "Историческое время, - пишет Э. Трельч, - это поток, в котором ничто не ограничивается и не обособляется, а все переходит друг в друга, прошлое и будущее одновременно проникнуты друг другом, настоящее всегда продуктивно заключает в себе прошлое и будущее..." (5.с.50). Критическая философия истории стремится повысить степень достоверности знаний об исторических процессах. Однако в литературе чаще всего встречается классификация философии истории по направленности исторического процесса. В этом случае выделяют линейные (линейные), циклические и "спиралевидные" модели движения истории. Следует еще раз подчеркнуть, что по этому принципу могут классифицироваться только спекулятивные парадигмы философии истории.

Для позитивистов XIX века философия истории означала открытие общих законов, управляющих ходом событий, о которых обязана рассказать история. С этой точки зрения "Воспитание Генри Адамса" выражает позитивистское стремление автора "вывести универсальный закон истории" (3.с.318). Позитивизм рассматривал исторический процесс в виде закодированной системы знаний, которую человек в состоянии осмыслить и унифицировать. На наш взгляд, для более глубокого анализа адамсовских концепций необходимо подробнее остановиться на спекулятивных трактовках истории.

Содержание и проблематика философии истории существенно изменялись в ходе исторического развития. У историков классического периода преобладало убеждение в цикличности хода истории. Согласно этой теории история повторяется в серии регулярно возвращающихся и, как правило, приводящих к исходной точке событий. Этот взгляд в качестве единственной движущей силы предполагает божественное руководство. Представления греческих историков о цикличной природе культурного роста находят заметное отражение во взглядах современных исторических школ. Историк и философ Освальд Шпенглер утверждал, например, что всякая цивилизация подобно человеку, проходит возрастные фазы: детство, юность, зрелость и старость. - "Как есть молодые и старые дубы, цветы и пинии, так у каждой культуры свои новые возможности выражения, которые появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются" (б.с.151).

Интерес греческих историков к циклическому развитию послужил основой для еще одного элемента классической перспективы: идеи, согласно которой через понимание прошлого можно прийти к пониманию будущих событий. Эта идея видна в исторических сочинениях Фукидида (471-400 до н.э.), разделяющего славу "отца истории" с Геродотом (490-409 до н.э.). Фукидид обнаружил в истории повторяющуюся модель: взлет цивилизации неизбежно сменялся ее падением - результатом непомерно возросшего высокомерия и гордыни. Могущество вело к обогащению. Оно влекло за собой спесь и потакание прихотям; последние, в свою очередь, приводили цивилизацию к мысли о том, что она может не подчиняться законам человеческого поведения. Яркой иллюстрацией этой модели были взлет и падение Персидской империи, описанные у Фукидида в его "Истории"(7).

Своими записями и толкованиями событий прошлого классические историки заложили некоторые существующие и поныне основы общест-

венной мысли Запада. Имеются в виду повсеместно присутствующие в их сочинениях такие особенности, как стремление постичь происхождение вещей; убежденность в том, что эволюционные процессы развиваются по определенным моделям, и стремление выделить причины, лежащие в основании этих моделей; вера в конкретно-причинную обусловленность всех вещей в природе; наконец, пристальное внимание к методологии, служащей путеводной нитью для научных изысканий.

В то время как греки представляли себе ход истории в виде циклического процесса, параллельно этой идее существовала и другая, совершенно отличная от нее концепция исторического развития. Библейская традиция Ветхого завета рассматривала историю как линейный процесс, управляемый божественным промыслом, направляющим события к достижению некой конечной цели. Слияние этих двух противоположных точек зрения открыло западной историографии новую перспективу, нашедшую отражение в писаниях Блаженного Августина (354-430), исторические взгляды которого вот уже свыше полутора тысяч лет оказывают влияние на западную цивилизацию.

В своем монументальном десятитомном труде "О граде Божьем", написанном между 413 и 426 годами нашей эры, Блаженный Августин выдвинул две основополагающие идеи. Первая: история следует по линейному пути. В отличие от идеи цикличности, которой придерживались историки-классики, выдвинутая Августином линейная концепция исторического развития была универсальной: она охватывала все цивилизации и предполагала движения в определенном направлении и по определенному плану в соответствии с волей Бога. По Августину, история - это необратимый процесс, идущий по предначертанному пути. Вторая идея - идея неизбежности прогресса относительно более ранних времен. Понятие прогресса, то есть идея о том, что каждая последующая цивилизация по уровню развития на порядок выше своей предшественницы, стало, благодаря

Августину, неотъемлемой частью всех более поздних исторических концепций (8).

Блаженный Августин выдвинул пять новых положений, элементы каждого из которых, в той или иной мере, до сих пор оказывают влияние на историческое мышление. Первое положение - об универсальности истории: история включает в себя все человечество, а прошлое видится как соотнесение с божественным умыслом. Второе положение: историю не следует описывать в таких терминах, как "год", "век", "событие" или даже "цивилизация". Вместо этого за основную точку отсчета берется раскрытие диктуемого божественной волей целенаправленного плана, а историческое событие рассматривается как точка на этом predetermined пути. Третье положение августиновской традиции - отказ от классической идеи цикличности. Исторические процессы линейны: от начала и до конца они идут по одному естественному пути. Четвертое: эти процессы динамичны, а не статичны. История имеет дело не просто с каким-либо набором фактов, а с движением событий в направлении конкретных целей, но не с неизменными моделями вроде повторяющихся циклов. И, наконец, последнее положение: в основе истории лежат как субъективные, так и логические основания, которые и надлежит изучать. Все эти положения доминировали в исторических сочинениях Средневековья и эпохи Возрождения. Более того, вплоть до начала XVIII века они никем серьезно не оспаривались.

Первым крупным историком и историографом, сформулировавшим принципы исторического развития, стоявшие вне августиновской традиции, был неаполитанец Дж. Вико (1668-1744). Он явился, по существу, родоначальником ряда современных концепций исторического развития. Вико задался целью "оправдать" и в то же время переработать историю, переживавшую тогда, если говорить современным языком, "кризис доверия". Декарт, взгляды которого разделяли многие мыслители той поры,

относился к истории свысока, считая ее менее достойной изучения, чем более точные науки - математика, физика и астрономия. Вико был не согласен с Декартом. В своем сочинении "Новая наука" (1725) он разработал ряд руководящих принципов, позволяющих проследить развитие таких культурных характеристик, как классовое сознание, мифы и техника. По Вико, эти модели характерны для всех культур. "Новая наука" Вико была вехой на пути развития истории как компаративной науки (9).

Его историческая концепция сочетала элементы августиновской и классической традиций. У греков он заимствовал идею универсальных стадий в циклах цивилизаций, согласно которой любая цивилизация проходит одни и те же этапы развития - от каменного века через бронзовый к железному веку. Теория Вико вобрала в себя также линейную концепцию прогресса, которой придерживался Августин Блаженный и его последователи, но с одной существенной поправкой: Вико признавал, что Европа первого тысячелетия нашей эры находится на ином уровне развития, нежели Греция времен Гомера. Концепция исторического развития Вико не была ни линейной, ни циклической: она соединяла обе эти концепции в "спиральной" теории исторического круговорота. Эта была одна из первых попыток создать универсальную модель подъема и упадка цивилизации. Убежденность Вико в существовании определенных законов, которые управляют любой наукой, ознаменовало начало нового взгляда на историю.

Характерными взглядами на прогресс отмечена философская мысль XVIII столетия. Социальная эволюция рассматривалась ими как несомненное благо, к которому движется цивилизация. Следуя этой направляющей мысли, почти все историки следующего столетия рассматривали прогресс не как случайность, но как благотворную необходимость. Законы прогресса занимали умы фактически всех мыслителей XIX века. Под влиянием теории эволюции Дарвина (популяционной и статистической модели, основанной на естественном отборе и изменчивости) они создали модель социальной эволюции, кото-

рая направляла культурный процесс в сторону все более усложнявшихся форм общественной организации.

Помимо теории социальной эволюции в XVIII и в XIX веках возникло еще одно важное научное течение. Огромную популярность приобрел сравнительно-исторический метод исследований, явившийся мощным средством поддержки идеи прогресса. Этот метод ставил своей целью доказать закономерность культурной эволюции от простого к сложному путем сравнения различных культур как в один и тот же период, так и в разные отрезки времени. Например, Огюст Конт (1798-1857) писал, что на земле можно одновременно наблюдать все разнообразие эволюционных стадий: "от несчастных обитателей Тьера-дель-Фуэго до самых передовых народов Западной Европы - нет такой социальной ступени, которую нельзя было бы обнаружить в нескольких точках земного шара, причем эти точки обычно расположены далеко друг от друга" (10.с.26). С помощью сравнительно-исторического метода социал-эволюционисты объясняли культурную эволюцию, подобно тому как Дарвин привлекал естественный отбор для объяснения своей биологической теории.

Взгляды историков XIX века строились на теоретических и методологических основах, разработанных социал-эволюционистами и компаративистами. Современные исторические воззрения представляют собой нечто большее, чем простое продолжение и преемственность прежних взглядов. Увеличение объема знаний о прошлом благодаря широкому развитию археологических исследований, а также новациям в области исследования стало характерным признаком исторической науки XIX века.

Перечисленные направления (теория цикличности, линейная теория, "спиралевидная" теория и ряд синтетических теорий, основанных на предыдущих), рассматривают историю как процесс. Процесс этот, по мнению одних ученых, имеет тенденцию к возрастанию по восходящей линии; другие утверждают, что история строится на постоянном возвраще-

нии к пройденным достижениям и ошибкам, и не совершает какого-либо глобального взлета. Однако, несмотря на явную полярность, данные концепции имеют один объединяющий их признак: это осознание человека реальной силой, наделенной способностью логически объять причинно-следственные связи исторического процесса, вывести общие закономерности явлений.

Во второй половине XIX века традиционная метафизическая и онтологическая проблематика, стоявшая в центре внимания философии истории, в значительной мере отходит к другим общественным наукам, так что позитивистские теоретики провозгласили даже конец всякой философии истории и замену ее социологией. Однако социология не смогла вобрать в себя всю философско-историческую проблематику. Кризис позитивистского эволюционизма в конце XIX - начале XX веков вызвал к жизни новые концепции. В западной философии истории XX века глобальные проблемы всемирной истории и современной цивилизации часто трактовались в духе иррационализма и пессимизма. Широкое распространение приобретает критическая философия истории, анализирующая историческое сознание в широком смысле слова.

Наиболее яркими течениями внутри критической философии явились: философия истории неогегельянства (концепция Р. Коллингвуда), неокантианская философия истории (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), философия истории неопозитивизма (К. Поппер). Специфика критической философии истории вытекала из ее понимания самого предмета данной науки. "Философия рефлексивна, - пишет Р. Коллингвуд. - Философствующее сознание никогда не думает об объекте, но размышляя о каком бы то ни было объекте, оно так же думает и о своей собственной мысли об этом объекте. Философия, поэтому, может быть названа мыслью второго порядка, мыслью о мысли" (11.с.65.). Таким образом, если другие науки изучают определенный объект, то философия изучает одновременно как объ-

ект, так и мысли о нем. Например, история изучает прошлое, психология изучает как мыслят историки, то есть их "комплекс психических феноменов", а философия изучает, каким образом историкам удается познавать прошлое.

В. Виндельбанд (неокантианская школа) считал необходимым разграничивать науки на номотетические и идиографические. Первые призваны формулировать общие законы. К ним относятся естественные науки. Они изучают то, что повторяется, может подлежать обобщению. Вторые занимаются описанием индивидуальных фактов. История как раз и является идиографической. Она изучает то, что не повторяется, является единичным, индивидуальным. Как замечает Р. Коллингвуд, самой главной заслугой Виндельбанда является то, что он показал специфику исторической науки, обозначил тенденцию "освобождения" истории от методов естествознания, что имело тогда широкое распространение.

Другой представитель неокантианства Г.Риккерт считал, что необходимо прежде всего отвергнуть спекулятивные интерпретации философии истории как "всеобщей истории". Если рассматривать ее как "совокупность специальных трудов", то такая философия истории превращается в "простую сводку". А если "всеобщую историю выстраивать тенденциозно, согласно определенной гипотезе, которая ничем научно не может быть подтверждена, то такая "наука" в век подлинной науки, может только вызывать улыбку" (11.с.280). По его мнению, неправомерно интерпретировать философию истории как способ постижения "всеобщей истории" или выведения "объективных законов". И тем более, безосновательным является утверждение "всеобщего исторического процесса" (11.с.294). События прошлого для него самоценны и самодостаточны, между ними нет причинно-следственных отношений. Они - простая летопись, ничем не связанная с современностью.

Аналогичными установками отличалась и философия истории неопозитивизма. К. Поппер утверждал, что история не имеет смысла, равно как и какого-либо прогресса. Могут существовать теории, доказывающие прогресс в некоторых областях, и теории, доказывающие регресс в других (причем эти учения, по его мнению, не противоречат друг другу). Он подчеркивал, что "каждое поколение вправе воспринимать историю по-своему и интерпретировать ее со своей точки зрения, которая дополняет точку зрения предшествующих поколений" (11.с.309).

Итак, с позиций представителей критической философии истории, наука не должна пытаться отыскивать объективные исторические закономерности: историческая закономерность - не столько реальные отношения, сколько идеальный тип. Спекулятивная философия истории определяется ими как "паровой котел", в котором "всевозможные иррациональные обрывки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму" (11.с.203). Исторические законы они относят к "области химер, вроде философского камня" на том основании, что "история есть процесс, состоящий из последовательной смены явлений, которые нам даются лишь один раз в данной совокупности, другими словами, исторические факты не повторяются, они вполне индивидуальны. "Исторические законы - могила истории" (11.с.300).

Что же в таком случае определяет общественно-исторический процесс и есть ли что-либо объединяющее, являющееся точкой пересечения всех факторов, обуславливающих жизнь общества? История и социология, утверждали многие историки XX столетия, - науки, стремящиеся к изучению скорее индивидуального, неповторимого; избегающие поиска все определяющих законов. Таким феноменом, с одной стороны, сосредотачивающим в себе весь спектр общественных отношений, с другой - являющимся индивидуальным субъектом общественной жизни и исторического

развития, является человеческая личность. По их мнению, подобно тому, как в природе индивидуальная изменчивость есть фактор изменяемости вида, так и в истории личная инициатива изменяет культуру и социальную организацию. История - есть смена идеалов, а носитель таких идеалов - личность - становится главным творцом истории именно потому, что она обладает свободным сознанием, не скованным пленом неминуемо действующего, необратимого закона. Идея прогресса, таким образом, субъективна.

Общество в свете новых философских концепций виделось как разноуровневая, саморазвивающаяся система, имеющая достаточно сложный характер взаимосвязи между ее составляющими. Фактор в этом случае рассматривался как сторона, элемент взаимодействия целого и не мог быть сведен к причине или следствию. Теория множественности факторов исторического процесса позволяла, с одной стороны, избегать неких универсальных "ключей", с помощью которых решаются все научные проблемы, с другой - позволяла признать "наличие определенных, индуктивно фиксируемых на базе конкретного эмпирического материала, социологических закономерностей, отражающих существенные особенности той или иной сферы общественной жизни" (11.с.257). Иначе говоря, принцип многофакторности позволил преодолеть односторонность классического позитивизма, сохранив идею закономерности исторического процесса, которая в столкновении с неокантианской точкой зрения, по которой исторический закон есть не столько реальные отношения, сколько следствия субъективного взгляда исследователя, сделал "поэзию понятий" на рубеже XIX-XX веков более глубокой и сложной.

Влияние неокантианства, стремящегося к идиографическому (описывающему) способу научного мышления с его тяготением к индивидуальному и недоверием к общему и родовому (номотетическому, законополагающему), с одной стороны, и развитие традиционных позитивистских

принципов преимущественного внимания к единичному факту, с другой - привело к ревизии классического позитивистского взгляда на исторический процесс как процесс монистически обусловленный. Стремление избежать глобальных спекулятивных обобщений приводило многих историков к отрицанию существования какого-либо главного или решающего фактора исторического процесса или, как предпочитали говорить, многие из них, социальной эволюции.

Иначе говоря, на рубеже XIX-XX веков философия истории представляла собой крайне сложный и неоднородный сплав идей и методологий. Шел процесс вытеснения спекулятивной философии истории критической: рушились привычные системы ценностей, отвергались устоявшиеся стереотипы относительно истории как самостоятельной науки и ее основных задач. Релятивизм, положенный в основу аналитических школ существенно повлиял на представителей исторической мысли, разделявших методологию классического позитивизма. Их принципы подверглись коренной трансформации.

Краткий обзор основных тенденций в философии истории периода конца XIX - начала XX веков, помогает, на наш взгляд, понять диалектическое сосуществование и противоборство в "Воспитании Генри Адамса" двух антагонистических взглядов на историю. С одной стороны, очевидна приверженность Адамса идеям классического позитивизма, что объясняет спекулятивный характер его исторической концепции и предпочтение в выборе методологии. История, по его мнению, - это совокупность разнообразного фактического материала, который надлежит осмыслить и на основе полученных результатов вывести универсальную формулу всеобщей истории. Опираясь на законы физики и химии, автор "Воспитания" предлагает свою линейную концепцию истории, в основе которой лежит идея о всеобщем распаде Вселенной. С другой стороны, нельзя отрицать влияния критической философии на Адамса-историка. Вследствие усвоенного

им релятивистского подхода к истории автор "Воспитания" неоднократно обвиняет себя в субъективизме и неспособности адекватно оценивать окружающий его мир. Так, например, в конце автобиографии он пишет, что "динамическая концепция истории волновала его теперь не больше, чем кинетическая теория газов..."(3.с.597) и т.д.

Однако, в более поздних научных произведениях Адамс по-прежнему выступит традиционным позитивистом и продолжает отстаивать свое убеждение относительно энтропийной природы исторического процесса. Таким образом, динамическая концепция истории, приведенная Адамсом в "Воспитании", находит свое дальнейшее развитие в работах "О роли фаз в развитии истории" и "Послание американским историкам". Необходимо отметить, что научные взгляды Адамса относительно национальной и всемирной истории существенно трансформировались на протяжении всей его творческой деятельности.

Глубокий интерес Адамса к естественно-научным проблемам, поиск универсальных законов, действовавших в природе и социуме, привели его к выводу, что методы естествознания необходимо перенести в область гуманитарных наук, в частности в историю и социологию. Вследствие этого в разные периоды своей деятельности, историк находился под влиянием ряда естественно-научных концепций, популярных в середине XIX - начале XX столетий. На наш взгляд, рассмотрение исторических концепций Адамса в процессе их становления, представляется необходимым в связи с проблематикой данного исследования.

2.2. От социал-дарвинизма ко второму закону термодинамики

В течение долгого времени американская наука значительно отставала от европейской научной мысли. Гуманитарные отрасли знания, в частности, философия и история, пребывали в "зачаточном" состоянии вплоть до 70-х годов XIX столетия. В 1831 году Алексис де Токвиль писал

о философском мышлении американцев: "Я думаю, что во всем цивилизованном мире нет страны, где бы философии уделяли меньше внимания, чем в Соединенных Штатах. Американцы не имеют своей собственной философской школы и очень мало интересуются теми школами, представители которых соперничают друг с другом в Европе; они едва ли знают их имена и названия"(12.с.319). Подобная ситуация, по его мнению, объяснялась сильным влиянием религии на все сферы общественного сознания в Америке.

Именно религия дала жизнь английским колониям на американской земле. Пионерами, прибывавшими в Америку, владел дух миссионерства. Здесь они надеялись создать образцовую страну, с образцовыми религиозным, политическим и социальным устройством. Эта вера способствовала формированию и укреплению демократических традиций американского народа, а также убежденности американцев в их исключительной исторической миссии перед другими народами. Одной из самых распространенных теорий подобного рода явилась доктрина "предопределения судьбы". На протяжении многих поколений преобладала именно теологическая трактовка американской "судьбы", подчиненной заранее предначертанному пути. Мысль о том, что американцы находятся под особым покровительством высших сил встречается и в ранних пуританских хрониках, и в патриотических воззваниях периода гражданской войны 1861-1865 годов.

Теологическая философия истории долгое время занимала прочные позиции. Однако, в последней четверти XIX столетия, ставшей для Соединенных Штатов периодом кардинальных изменений в сфере идеологии, понятие "предопределения судьбы" получило новую интерпретацию. После войны 1861-1865 гг. возникли новые острые и сложные социально-политические проблемы, при решении которых религия была слишком слабой опорой. На американскую общественную мысль того периода

большое влияние оказали успехи европейского естествознания и новые методы научных исследований.

Значительную роль в этом процессе сыграла естественно-научная теория Чарльза Дарвина. В 1859 году вышла в свет его книга "Происхождение видов", где он последовательно изложил свою теорию эволюции - одно из крупнейших научных открытий XIX века. Основу его учения составили установленные на опыте факты изменчивости видов живых существ. Суть дарвиновской концепции заключалась в "борьбе за существование" среди организмов. Закон "естественного отбора" приводил к исчезновению тех видов, которые из-за отсутствия нужных качеств не в состоянии были приспособиться к изменениям окружающей среды обитания. В США "Происхождение видов" было издано в 1860 году и сразу же приобрело широкую известность.

Все эти обстоятельства открыли путь для усвоения европейской позитивистской философии и связанной с ней новой идеологической атмосферы. Позитивизм как тип мышления проявился во всех сферах американской науки и культуры. Философия не изобрела его, а лишь теоретически сформулировала, как направление, которое исходит только из "позитивного", то есть данного, фактического, устойчивого и несомненного. Наука XIX века раскрыла перед человеком новый мир природных сил (открытия Лапласа, Лавуазье, Бюффона, Ламарка). По-новому были поняты и экономическая основа жизни общества, и причины его исторического развития (Сен-Симон, Огюст Тьери). Подчиняя жизнь всех живых существ единым законам, позитивисты полагали, что метод естественных наук может быть перенесен и на познание общества. В связи с этим в Европе, а затем и в Америке, возникли новые теории социально-исторического развития.

Особенно широкое распространение в США получили эволюционистские идеи Герберта Спенсера. В его "Системах синтетической фило-

софии" впервые прозвучала идея естественной эволюции общественных форм. Концепция Спенсера оказала огромное влияние на американскую науку и общественно-политическую мысль конца XIX века. Ведущие американские историки, социологи и политэкономисты восприняли и развили выдвинутые им социал-дарвинистские принципы. Суть общественного прогресса, по их мнению, заключалась в "борьбе за существование", в результате которой выживают "наиболее приспособленные" общественные формы и этносы (13).

Социал-дарвинизм стремился истолковывать основные общественные явления американской действительности с точки зрения биологических законов: классовая борьба описывалась в категориях борьбы за существование и провозглашалась вечной, создание монополий считалось законным следствием действия естественного отбора, а любые попытки социальных реформ якобы шли вразрез с естественными законами природы. В Америке конца XIX века это учение было принято как новое евангелие. Оно означало теоретическое оправдание общественной конкуренции, поглощения мелких и средних предприятий трестами и корпорациям, колониальных завоеваний близлежащих государств и т.д.

Перенесение учения Дарвина на область социальных отношений было лишь одной стороной социал-дарвинизма. Другой являлось распространение его на отношения между народами. Принцип борьбы за существование, истолкование общественных различий как различий между "менее" и "более" приспособленными подводил к доктрине о "низших" и "высших" народах. Естественно, автор знаменитой теории не стремился дать научную основу националистическим спекуляциям. Тем не менее, используя авторитет известного биолога, американские социал-дарвинисты стремились доказать превосходство англо-американцев над другими народами.

Таким образом, в конце XIX века традиционная американская теория о "предопределении судьбы" получила новый идейный стимул - "научное" обоснование со стороны пропагандистов социальной эволюции общественных институтов. Кроме того, большое влияние на американскую историографию того периода оказало и германистское направление в европейской исторической науке, с его тщательно разработанной аргументацией тезиса о политическом превосходстве англосаксов. В американской историографии сформировалась школа, получившая название англосаксонской (или тевтонской) (13).

Американские студенты, уезжавшие в Европу учиться, заимствовали в семинарах не только более совершенную методику изучения источников, но и общеисторические идеи и концепции. Господствовавшее в немецкой историографии германистское направление объявило германцев единственными носителями идей индивидуальной свободы и решающей силой европейской истории. Именно это убеждение легло в основу англосаксонского течения, получившего самый широкий отклик в американской исторической науке последней четверти XIX столетия (14).

Подобно тому, как работы Г.Спенсера послужили фундаментом для возникновения социал-дарвинизма в американской науке, на формирование англосаксонской (тевтонской) школы в США оказали влияние труды английских историков У.Стеббса, Д.Грина, Э.Фримена. В 1873 году в Америке была издана "Сравнительная политика и единство истории" Э.Фримена, которая, по словам А.Н. Николюкина, - "дала толчок развитию американской интерпретации доктрины англосаксонизма" (15.с.610). Однако, автор "Сравнительной политики" рассматривал политические институты вне вызвавших их к жизни социально-экономических условий. Фримен объяснял сходные черты политического устройства у государств, существовавших в различные исторические эпохи расовой общностью (15.Там же).

Концепция Фримена строилась на утверждении, что в V веке тевтонское племя, англосаксы, перенесло свои передовые политические институты на британские острова и ассимилировало более слабый этнос - кельтов. "С тех пор, - пишет Фримен, - там утвердилась совершенная, во всех аспектах, английская конституционная система"(16.с.94). А протестанты, образовав в XVII веке Новую Англию, передали тевтонское "политическое наследство" Америке. Вопрос о правомерности сравнительного анализа древнегерманских общественных институтов с американскими, не вызывал у представителей англосаксонской школы никаких сомнений.

Тезис о превосходстве американской политической системы стал стержневым в концепциях представителей данной школы: Герберта Бакстера Адамса, Джона Эдмунда Фиска, Фредерика Тернера, Джона Барджеса и других (17). Одним из первых пропагандистов тевтонской теории в США выступил и Генри Брукс Адамс. Он разработал и ввел специальный курс лекций в Гарварде, посвященный изучению англосаксонских институтов. В 1876 году он опубликовал работу "Очерки англосаксонского права", в которой анализировал "некие общие принципы законов, якобы имевшиеся у народов тевтонского корня"(15.с.611).

В работах раннего периода Адамс сопоставлял и пытался генетически связать политические организации и земельные отношения первых переселенцев Новой Англии с политическим и социальным устройством древних германцев. На примере некоторых исторических фактов, он проводил аналогию между пуританскими поселениями и поселениями древнегерманских племен, считая, что истоки американских демократических институтов и конституционных основ необходимо искать в общинном самоуправлении древних германцев. "По большому счету, американская история берет свое начало не с Декларации о независимости и даже не с основания Джеймстауна или Плимута, - пишет Адамс в "Очерках англосаксонского права". - Она восходит в своем происхождении к тем дням, когда

наши отважные германские предки сражались с римскими легионами в лесах Северной Германии" (18.с.12).

Американцы, по мнению Адамса, стали достойными преемниками всего лучшего, что было достигнуто англосаксами в процессе их развития. При этом историк утверждает, что "англосаксонские свободы" вышли далеко за пределы германских лесов потому, что "тевтонские народы обладали высокой жизнестойкостью и приспособляемостью, что помогло им выстоять в условиях жесткой расовой конкуренции" (18.с.21). Тем самым автор подчеркивает эволюционный характер исторического развития, разделяя основные постулаты социал-дарвинизма.

Историки англосаксонской школы долгое время оставались влиятельным направлением в американской историографии второй половины XIX века. Их концепции имели важное значение в процессе трансформации американской историографии из "занимательного повествования о делах минувших дней" (15.с.611) в науку, опирающуюся на последние достижения естествознания. По мнению Г.Адамса, американская историография нуждалась в новых революционных методах исследования, которые "окончательно покончили бы с узким кругозором историков-провиденциалистов и с их теологическим взглядом на историю Америки" (19.с.4).

Однако, впоследствии Адамс отказался от увлечения тевтонской теорией и даже иронизировал по поводу концепции Э.Фримена и его научных трудов. В письме к брату, Бруксу Адамсу, от 14 февраля 1882 года он пишет: "...наивно утверждать, что сходство ряда институтов и обычаев разных народов говорит об общности их происхождения. Руководствуясь подобной "логикой", можно породнить англо-американцев с жителями Новой Гвинеи или островов Самоа"(20.с.238).

Необходимо отметить, что идеи ранних работ Адамса-историка существенно отличались от его поздних концепций, выраженных в "Истории Соединенных Штатов" и особенно в автобиографии "Воспитание

Генри Адамса". На самом деле, работы раннего и позднего периодов в научном и в художественном творчестве отразили две отличные друг от друга стороны адамсовского мировидения. Утверждение "исключительности" американской нации, ее "генетического превосходства" над другими более "примитивными" народами, со временем вызывало у Адамса острое неприятие. В "Воспитании" он крайне негативно отзывается о своем кумире 70-х годов - Э.Фримене. "Новое и неизвестное обступило его со всех сторон, пока Адамс проводил триангуляцию этих исторических просторов, о которых рассказывал студентам всю жизнь, черпая сведения из книг. Он убедился, что ничего о них не знал... Адамс долго не мог прийти в себя, а ведь он с самого начала всегда стоял за скандинавскую гипотезу и никогда не жаловал столь обожаемые Фрименом тупые, налитые пивом саксонские туши, которые к отчаянию науки, произвели на свет Шекспира" (3.с.492).

Многие исследователи творчества Г.Адамса считают, что истоки скептицизма, характерного для его поздних исторических и художественных произведений, следует искать в социально-экономическом и политическом развитии Америки рубежа XIX-XX веков (21, 22, 23, 24, 25, 26). М.М. Коренева в статье "Генри Адамс и кризис традиционных демократических идеалов в Америке" пишет: "Ученые анализировали наследие Г.Адамса лишь в некоторых его аспектах, не давая полноценного представления о многообразии его взглядов. Полагаю, главной причиной этому послужило то, что произведения Адамса рассматривались изолированно друг от друга и от социально-исторического контекста эпохи" (26.с.76).

Последние три десятилетия XIX века - период формирования в США монополистического капитализма. опередив другие страны по объему промышленного производства, Америка за сравнительно небольшой промежуток времени входит в число самых развитых стран мира. Между тем, бурный рост промышленности повлек за собой несоответствие между ведущим местом США в мировом промышленном производстве и их по-

ложением на мировом рынке. Отсутствие колониальных владений привело к острым экономическим и социальным проблемам, порожденным перерастанием американского капитализма в монополистическую стадию. Поиск новых рынков сбыта, новых территорий для приложения капитала - эта тема стала занимать важное место в американских политических кругах. Многие государственные деятели и крупные предприниматели пришли к убеждению, что экспансия - единственно целесообразный выход из сложившейся ситуации (27).

В романе "Демократия", написанном в 1880 году, Адамс выступил с резкой критикой политических идеалов современной ему Америки. Имея богатый опыт общения с влиятельными политиками того времени, автор приходит к выводу, что традиционные демократические ценности предшествующих столетий несовместимы с реалиями новой Америки. Экономическое давление со стороны финансовых олигархий США, коррумпированные политики, представляющие интересы большого бизнеса в стенах Белого дома, манипуляция общественным мнением и голосами избирателей - это далеко не вся палитра красок, при помощи которой Адамс пишет портрет американской демократии конца XIX века.

"Глубоко символичен тот факт, что четвертое поколение Адамсов серьезнейшим образом засомневалось в том, что Провидение, создав Америку, в конечном счете реализовало великий замысел", - пишет А.Шлезингер в "Циклах американской истории" (28.с.92). У Америки нет ни малейших оснований уповать на уникальность собственной судьбы, якобы отмеченной печатью высшей морали и справедливости, считает Адамс. - "Америка начала медленно, сознавая, как это больно, приходит к убеждению, что и она должна нести общечеловеческое бремя, вести борьбу на той же самой кровавой арене с помощью используемых другими расами видов оружия, что она не может больше обманывать себя надеждами

на то, что ей удастся избежать действия законов природы и жизненных инстинктов" (19.с. 214).

В монументальном исследовании, принесшем Адамсу широкое признание в научных кругах и избрание на пост президента Американской исторической ассоциации (в 9-томной "Истории Соединенных Штатов во времена правления Джефферсона и Мэдисона"(1889-1891)), автор анализирует причины, по которым потерпел крах политический эксперимент, предпринятый основателями американской республики. "Уже к моменту правления четвертого президента США, Джона Мэдисона, "laissez faire" - главный принцип Вашингтона и Джефферсона, стал, по мнению Адамса, "политической абстракцией" (29).

Ранняя американская идеология, основанная на вере в спасительную роль незаселенных земель, избавляющая Новый Свет от наемного рабства и "других дурных сторон капитализма", строилась на иллюзии, что Америке удастся избежать законов роста и упадка цивилизаций. Этих мыслей не был чужд Б.Франклин, они нашли яркое воплощение в сочинениях Ж.Кревекера, подобные идеи разделял Т.Джефферсон, который считал, что "свободная" земля, если ее предоставить трудовому народу, спасет Америку от появления больших городов и связанных с ними "капиталистических зол". Будущая Америка виделась Джефферсону как демократическая фермерская республика, где процветают высокие гражданские добродетели. "Земледельцы - избранный народ, - писал он, - порча нравов в среде фермеров - феномен, неизвестный в веках" (30.с.52). В "Истории" Адамс критически оценил теорию Джефферсона, назвав ее "аграрной утопией", панацеей, якобы избавляющей США от капиталистического развития и обострения социальных противоречий.

Автор отвергает миф о некапиталистической эволюции Соединенных Штатов. В качестве доказательства он приводит политические взгляды президента Дж. Мэдисона, который в отличие от своего предшествен-

ника, Т.Джефферсона, не разделял теорий о бесконечных ресурсах "свободных" земель Запада и принципов политического невмешательства. "Мэдисон был сторонником экспансии, - пишет Адамс в "Истории", - считая ее обязательным условием существования демократической республики, своеобразным предохранительным клапаном, ослабляющим напряжение борьбы враждующих партий и коалиций, грозящих разрушить общество..." (31с.180). Изоляционизм, опиравшийся на демократические идеалы XVII-XVIII веков, уступил место новой политической доктрине.

Таким образом, сто лет спустя, Г.Адамс научно обосновал уверенность своего прадеда, Дж.Адамса, в том, что у Америки нет никакого особенного, уникального исторического пути, и что рано или поздно она повторит судьбу крупнейших цивилизаций мира. Движение - главный закон природы, необходимое условие прогресса: ни одно государство не способно, по мнению историка, остановиться в своем социальном, экономическом и политическом развитии.

Всю свою жизнь Адамс стремился открыть законы развития истории, пытался установить причинно-следственные связи, лежащие в основе прогресса. Изучая механизмы власти, отношения личности и государства, характер американской демократии, он формирует свои представления о процессе исторического развития Америки. При этом его отношение к американскому государству было двойственным: с точки зрения целесообразности и необходимости, полагал он, институты власти в США успешно выполняют свои функции, но если взглянуть на них с позиций нравственности и гуманности, то они покажутся несовершенными, а порой и преступными. В ранних работах Адамс избегал моральных оценок. Это, на наш взгляд, связано с его мировоззрением того периода, когда в существовании сильных и слабых рас он усматривал проявление некой природной закономерности, результат которой биологическое неравенство, различная приспособляемость отдельных народов к среде обитания и

т.д. В "Очерках англосаксонского права" Адамс с нескрываемым восхищением писал об англо-американцах как о "сильной расе" (18.с.5).

Однако, в поздних произведениях автор размышляет о логике прогресса, о его "нравственной целесообразности". Особенно сильно это проявилось в его культурологическом исследовании "Мон-Сен-Мишель и Шартр" и в автобиографии "Воспитание Генри Адамса". Проблемы свободы воли и судьбы, индивидуализма и коллективизма, богатства и власти, культуры и красоты, науки и религии - эти темы определяют структуру этих сложных, наполненных глубоким философским смыслом книг.

Здесь автор воспринимает историю сквозь призму духовных ценностей. Так, в "Воспитании" на примере современной ему Америки Адамс показывает падение духовного уровня общества на фоне его материального процветания. Происходил интенсивный рост промышленности, строились корабли, прокладывались железные дороги, США превратились в одну из самых развитых стран мира. Но историк приходит к выводу, что американское общество конца XIX столетия, вступившее на путь научно-технических преобразований, ограничивает возможности человека развиваться гармонично, подавляет его потребность в совершенствовании.

"Воспитание Генри Адамса" - своеобразная летопись американской действительности рубежа XIX-XX веков, попытка охарактеризовать историю страны и человечества с духовных, нравственных позиций; итог размышлений писателя о сущности жизни, бытия индивидуума и социума, об отношениях человека как "биологического вида" со "средой обитания". Адамса волнует способность человека остаться личностью в условиях современного индустриального государства, избежать процесса обезличивания, превращения в стандартный компонент общественной системы.

Культура XX столетия больше, чем все предшествующие эпохи, была, по мнению историка, отмечена ростом цивилизационных процессов. Научная революция преобразовала не только промышленность, но и об-

щество. Поколения, входившие в жизнь в 70-х годах XIX века, воспринимали машинную индустрию, железнодорожный транспорт, пароходы как часть естественной среды обитания, говорит Адамс. Действительно, техническая революция демонстрировала возможности человеческого разума на благо общества: электричество, телефон, радиосвязь, кино, автомобили, каналы, тоннели и т.д. Но были и тенденции, действовавшие в обратном направлении: моторизация и механизация многомиллионных армий, увеличение мощности боевого оружия, появление первых подводных лодок, самолётов и многое другое.

"Ни один век не вводил человека в общую жизнь в такой степени как XIX век, - пишет Адамс в "Воспитании". - Всякий отдельный человек вынужден был жить со своими интересами и судьбой в возвышающейся над ним коллективной жизни. Фабрика поглощала ручные ремёсла, организовывались товарищества, объединения... Даже в научной жизни одиночки вытеснялись коллективами, школами" (32.с.459). Происходила нивелировка исторических различий, установление "единообразия" жизни, которого не знали прошлые века.

Однако, в победе коллективного над индивидуальным, по мнению автора, возникла опасность утраты самого высшего и ценного, что существовало во все времена - внутренней жизни личности, её неповторимой индивидуальности. Стремление к индивидуализму как к стилю жизни выразилось прежде всего в искусстве и в философии того периода. Человек XIX века часто осмысливался в его противоположности - толпе, обществу. Это нашло отражение и в изобразительном искусстве (одиночный портрет, одинокая фигура на фоне природы), и в музыкальных темах одиночества, и в образах одиноких мечтателей в поэзии. Главное, что их объединило - это гимн человеческой личности, признание её уникальности и неповторимости. В подобных условиях, частная жизнь человека, его биография, обретает особую значимость: отсюда усилившийся в конце XIX столетия инте-

рес к художественно-документальным жанрам (автобиографиям, дневникам, хроникам, письмам, воспоминаниям, мемуарам). Их популярность, на наш взгляд, можно расценить как реакцию личности на процесс обезличивания, омассовления, характерного для XX столетия, с его прагматической, "вещистой" культурой. В этом смысле, "Воспитание Генри Адамса" - один из ярчайших примеров, описывающих чувство отчужденности, покинутости, одиночества человека XX столетия, ненаходящего ориентира ни в разуме, ни в воле, ни в чувстве.

Адамса принято считать пессимистом, но прошедшее столетие показало, что его мрачное умонастроение было скорее пророчеством. В начале прошлого века он предупредил, что научно-технический прогресс таит угрозу для самого существования человека. Отрицательные следствия цивилизации, по его мнению, могут перекрыть ее положительные свойства, а цена прогресса столь велика, что лишает его всякого смысла. В "Воспитании" Адамс утверждал, что, по большому счету, человек безоружен перед лицом окружающего его мира. Несмотря на возросший уровень научного знания, он не может приспособиться к нему, а разум только подрывает первородные инстинкты человека. Свою собственную жизнь он красноречиво определил как "молчаливое блуждание усталого пилигрима по путям незнания"(З.с.517).

Двадцатый век радикально изменил точку зрения на статус человека. В "Воспитании" Адамс приходит к новой концепции истории, согласно которой личность неспособна выбирать траекторию своего развития. Из существа мыслящего она превратилась в "металлическую опилку, подвластную законам магнитного поля, подсознательным инстинктам, иррациональности внешней среды, непостижимым с точки зрения логики, открытиям современной науки..."(32.с.367). Принцип релятивизма, привнесенный в культуру XX столетия новым, научным типом цивилизации, по мнению автора, неукоснительно разрушал границу между добром и злом, нравственностью и безнравственно-

стью. Адамс считает, что общество приобрело привычку снисходительно смотреть на вопросы этики, когда дело касалось "зримых выгод", а "вещизм" стал новой идеологической установкой.

Автор "Воспитания" одним из первых заявил о духовном кризисе эпохи, болезненно переживая утрату гуманистической морали - ценности, без которой, на его взгляд, не имеет смысла человеческое существование. Современное общество, основанное на технических достижениях и бюрократической рационализации производства, ведет к уничтожению человеческого достоинства, его внутренней свободы, следовательно и самой идеи гуманизма. Адамс не разделял оптимистических позиций по отношению к современной культуре, характерных для представителей технической и научной интеллигенции того времени, связывавших, как правило, проблемы культуры только с успехами в области материально-технического обеспечения человечества. В произведениях позднего периода, в частности в "Воспитании", представлены философские взгляды Адамса на цивилизацию и человека в мире техногенной культуры. Здесь он рассуждает о силе воздействия научной мысли на массовое сознание общества и на отдельно взятого индивидуума, о негативных последствиях научно-технической революции, о "целях" существования современной цивилизации и о пределах ее роста. Как справедливо замечает Э.Сэмюэлс, "взгляд Адамса на историю включает в себя два аспекта: фактическую историю и историю духовную"(23.с.104), и если в научных трудах он уделял внимание прежде всего анализу совокупности фактов и событий прошлого, то в "Воспитании" центр тяжести переместился, и встала острая необходимость переосмыслить пройденный человечеством путь с позиций "нравственной эволюции".

Пытаясь осмыслить национальную историю в контексте общечеловеческих проблем, Адамс разрушает традиционную провиденциалистскую концепцию американской истории и заменяет ее картиной мира-хаоса, где

все непредсказуемо и находится в постоянной динамике. Но вместе с тем, по мнению автора, в беспорядочной вселенной существуют внутренние закономерности, и он приходит к выводу, что для человека главное - изучить их, приобрести истинное представление о мире. В связи с этим, в адамсовской концепции истории особенно важна идея неразрывности времен, установление причинно-следственных отношений между прошлым, настоящим и будущим. Автор подчеркивает преемственность эпох и, оставаясь верным принципам классического позитивизма, рассматривает всемирную историю как своего рода кодифицированный текст, скрывающий внутри себя ответы на самые сложные и парадоксальные вопросы. "Историк же обязан дать убедительное толкование, основанное на неоспоримых фактах и опыте прикладных наук" (19.с.126).

В своем обращении к Американской исторической ассоциации (The Tendency of History (1894)) Адамс призывает: "Положение, по-видимому, обязывает к тому, чтобы не высказывать мнений до тех пор, пока мы не можем предложить какой-либо научной теории" (19.с.128). Стремление вывести универсальную формулу всемирной истории, которой Адамс посвятил всю свою жизнь, Р.Спиллер сравнил с "поисками Ахавом Моби Дика или Парсифалем святого Грааля", оно превратилось "в поиски символа жизненной силы, в попытку пускай насильственно, но вырвать у сопротивляющейся природы тайну человеческого существования, ее смысл" (22.с.194). При этом, критик подчеркивает, что открой Адамс искомую формулу, это стало бы научным переворотом, созданием "новой религии".

Научная мысль на пороге XX столетия сыграла важнейшую роль в жизни человечества. Вследствие научно-технических открытий изменилась не только повседневная жизнь человека, его быт, но и в корне поменялось "качество" его мышления, появились новые идеалы и ценности. "Позитивное знание теснило знание гуманитарное, - пишет Л.Г. Андреев, - лаборатория теснила письменный стол, автомобили и аэропланы заменяли

луну и соловья в качестве символа поэтического" (33.с.242). При этом, убеждение в необходимости "великого синтеза наук", явилось для той эпохи ключевым понятием, разрушающим границы и старые каноны гуманитарных дисциплин.

Одной из главных "новых идей" того времени, послужившей для возникновения подобной перспективы, стала теория Чарльза Дарвина. Его труд из научного вопроса быстро превратился в вопрос идеологический, вызвав споры об этике, религии, Боге, природе. Учение английского биолога приобрело значение общекультурной, а не сугубо научной проблемы. Ответ на вопрос о происхождении человека породил множество следствий (о некоторых из них мы упоминали в связи с возникновением социалдарвинизма в американской историографии).

"Эволюция бушевала как эпидемия, - пишет Адамс в "Воспитании". - Дарвин был величайшим пророком в самом эволюционном из миров. Никогда еще солнце прогресса не светило так ярко" (3.с.340). Для молодого поколения ученых, к числу которых принадлежал автор, научная доктрина знаменитого биолога стала возможностью придать принципиально новое направление истории. По его мнению, единство и единообразие природных процессов, которые постулировались в теории естественного отбора, по большому счету, исчерпывали все мотивы линейной концепции Блаженного Августина и провозглашали позитивный смысл человеческой истории. "Непрерывная эволюция, протекавшая в единообразных условиях..., превосходно заменяла религию: своего рода безопасное, консервативное, практичное божество, насквозь пропитанное духом общего права" (3.с.271).

В 1894 году Адамс подчеркивал фундаментальное значение дарвинизма, послужившего идейным стимулом к развитию современного естествознания. В обращении к Американской исторической ассоциации он призывал коллег провести тщательный отбор научной методологии, по-

новому осмыслить цели и задачи исторических исследований (19). Большой интерес автора к естественно-научным проблемам, его стремление выявить универсальные законы, действующие в природе и различных сферах общественной жизни, привели к попытке объяснить историю с помощью законов физики и биологии.

Одним из первых этапов научной деятельности Адамса, было серьезное увлечение идеями социал-дарвинизма, в частности, тевтонской теорией Э. Фримена. Закон естественной биологической борьбы, созидающей вселенную от более примитивных форм к более совершенным, непрерывная эволюция от простого к сложному казалась Адамсу вполне понятной. "Для молодых людей, чья взрослая жизнь пришлась на годы 1867-1900-й, не было иного выбора, - пишет он в "Воспитании". - Их законам должна была стать эволюция от низшего к высшему, соединение атомов в массу, концентрация множества в единство, приведение анархии к порядку" (3.с.279).

Безусловно, исследование прошлого позволяет по-иному взглянуть на настоящее. Многие из нас тяготеют к семейным архивам, любят рассматривать выцветшую фотографию дома, узнавать имена и фамилии давно умерших родственников, восстанавливать генеалогическое древо рода и т.д. Так и изучение эволюции человека увлекало и увлекает многих выдающихся ученых. Однако исследователи всегда старались обходить самый спорный вопрос эволюционной теории: до сих пор не найдено "недостающее звено" в цепи выделения человека из царства животных. Как отметил Мэйтленд Иди - крупнейший антрополог современности, - "Дарвин выстроил огромную многоярусную "башню", с системой ходов и выходов, поражающих гениальностью конструкторского таланта их создателя..., но забыл о самой малости - о прочности фундамента" (34.с.213).

Таким образом, несмотря на все удобство и видимую логичность, теория вызвала множество споров, вследствие которых, если верить

Г.Адамсу, "самые убежденные эволюционисты все меньше и меньше верили в процесс всеобщей адаптации видов и борьбу за существование, а, следовательно, и в позитивный смысл эволюции" (32.с.309). В "Воспитании" (глава XV "Дарвинизм") автор объясняет свой скептический взгляд относительно дарвиновского учения тем, что любая научная доктрина должна прежде всего располагать убедительной аргументацией, основанной на обширном фактическом материале, а не на голых гипотезах. - "Если в науке дозволено прибегать к таким же легковесным обоснованиям, как в теологии, - пишет Адамс о теории происхождения человека, - и принимать за отправную точку некое единство, то не лучше ли, по примеру церкви, заявить об этом сразу, не подвергая себя нападкам из-за слабости доказательств?" (3.с.273). Автор приходит к выводу, что будучи эволюционистом, он постоянно будет иметь дело с трудностями и шаткими гипотезами касательно происхождения и конечной цели человека.

Анализируя причины популярности теории эволюции Дарвина, он говорит, что общество воспринимало эволюцию, как ранее воспринимало Пресвятую Деву, поклонялось новому божеству ради собственного спокойствия и уверенности в беспорной позитивности своего существования. Оно хотело верить, что эволюция возможна, что прогресс бесконечен: "дарвинисты... смотрели на естественный отбор как на догму, призванную заменить веру в триединство, как на своего рода святую мечту, надежду на конечное совершенство" (3.с.277). Однако, Адамс считает, что самого главного - "эволюции мышления эти открытия не касались... А ведешь ли ты свое происхождение от акулы или от волка, в нравственном смысле не столь уж существенно" (3.с.275).

Проблемы происхождения человека и пути его дальнейшего развития как биологического вида, в большей степени представлены в научной работе, написанной Адамсом в 1910-м году (A Letter of American Teachers of History (35)). Здесь он приводит различные современные гипотезы от-

носителем будущего человечества (из области физики, астрономии, палеонтологии и антропологии). Далекое не все теории, приводимые автором, "полны оптимизма", подобно дарвиновской концепции. "Человеку свойственно мнить себя "венцом Вселенной", - пишет Адамс, - он с удовольствием признает утверждение о своем превосходстве над другими видами. Антропология аргументирует это положение высоким уровнем развития человеческого мозга, опорно-двигательного аппарата (кистей рук, ступней, позвоночника), голосового устройства и т.д." (35.с.183).

Но на вопрос "доказывает ли увеличение удельной массы головного мозга эволюцию развития от низших форм к высшим, и каково соотношение процентных показателей у человека и у приматов?" (35.с.185), ученые дают неутешительный ответ, говорит автор. Оказывается наши церебральные характеристики не только строго индивидуальны, но и немногим выше среднестатистических данных человекообразных приматов - "неутешительный результат, если учесть столь длительную эволюцию" (35.Там же). Кроме того, некоторые высокоразвитые виды обезьян обладают гораздо большим объемом головного мозга по отношению к общей массе тела, нежели человек. Так, например, если верить доктору В.Брэнку, чью гипотезу Адамс приводит в данной статье, и его размышлениям о способности человеческого мозга отклоняться от усредненной нормы, это может привести к неизбежной физической деградации, вырождению вида (35.с.187).

Адамс пишет: "По мнению знаменитого антрополога, тенденция к увеличению массы головного мозга у представителей высоко технологизированных цивилизаций приведет в дальнейшем к целому ряду физических трансформаций... Речь идет не просто о дисгармонии эстетических норм (сужению челюстей; ранней потере зубов, облысению, вследствие повышенного давления головного мозга; утрате способности женщин к вскармливанию молоком), а скорее о необратимых физиологических му-

тациях"(35.с.192). Большинство физиков, по словам Адамса, также утверждало, что человечество неизменно растрчивает свой жизненный потенциал, согласно закону термодинамики и энтропии. "Палеонтологи пошли еще дальше, - продолжает автор, - уверяя, что возможности человека как биологического вида давно исчерпаны, а триумфальное сочетание homo sapiens в дальнейшем грозит перерасти в homo destructirens"(35.с.199).

Желание систематизировать, осмыслить, обрести веру в собственные возможности - нет ничего естественнее, считает Адамс. Человеческое сознание изначально ориентировано на это. Пуританская традиция усиливает эту доктрину уверенностью в способности отдельной личности творить, созидать свою собственную судьбу и судьбу целого народа. Но современное естествознание "разрушало классические идеалы, относя индивидуальное начало к числу второстепенных и мало значимых условий. Человек в подобной ситуации воспринимался как "шахматная пешка" в сложной и непредсказуемой игре природных сил: мутаций, естественного отбора, инстинкта самосохранения и т.д." (35.с.219).

На рубеже XIX-XX веков немаловажное значение среди естественно-научных концепций развития Вселенной имели и астрономические теории. Зависимость температурного баланса Земли от Солнца - традиционно фундаментальное положение в астрономии, которая считает, что все природные и климатические изменения, а также геологические процессы на нашей планете прямо пропорциональны солнечным процессам. Данная гипотеза сводится к следующему: Солнце способно к "самообслуживанию" без привлечения внешних источников; внутренняя трансформация тепловых характеристик, в зависимости от ее масштабов, способна либо увеличивать объем Солнца, либо, наоборот, сокращать его. Так, например, предполагаемое уплотнение в структуре тела привело к сокращению диаметра звезды и снижению ее энергетического потенциала, что спровоцировало глобальные оледенения на нашей планете (периоды Первого и

Второго ледников). "Следовательно, нет объективных оснований считать, что закон эволюции не обернется в обратном направлении, - пишет Адамс в своем эссе. - У всего есть свой срок. Глобальные изменения на Земле и ее тепловом источнике, Солнце, свидетельствуют о том, что энергия не может постоянно находиться в состоянии равновесия. Никто не рискнет утверждать, что диаметр Солнца останется неизменным; нет гарантии в стабильности земного ядра, атмосферы, полюсов Земли или Мирового океана" (35.с.243).

На первых страницах "Послания американским историкам"(A Letter to American Teachers of History) автор отмечает, что начало XX столетия характеризовалось большим количеством пессимистических концепций относительно дальнейшей судьбы человечества. По мнению Адамса, каждая эпоха тяготеет к определенному кругу идей, который, так или иначе, формирует общественное сознание. В условиях стремительно трансформировавшейся реальности XX века, разрушавшей традиционную антропоцентристскую картину мира, "не мог не проявиться нигилистический дух эпохи" (35.с.151).

Острая полемика с дарвинизмом, неприятие Адамсом позитивного смысла "бесконечной эволюции живых форм", как нам кажется, объяснялась не только разнообразием пессимистических теорий, характерных для той поры, но и тем, что реальный жизненный материал современного автору общества не соответствовал его представлениям о прогрессе. Однако, несмотря на это, Адамс подчеркивал, что дарвинизм стал началом нового этапа в мироощущении человека. Началась смена парадигм не только в биологии, физике, химии и других науках, но и во всей картине мира. В научном миропонимании произошел качественный скачок. Были заложены основы электрохимии, создавались стыковые направления наук (физическая химия, органическая химия). Сама возможность создания новых элементов материального мира воздействовала на сознание человека.

В результате революционных открытий, в физику были введены принципиально новые представления и понятия об электрическом и магнитном полях (электромагнетизме). Появилась физика микромира, разрушающая прежние представления о материи. Отдаленность от непосредственного опыта требовала выработки абстрактного мышления. Росло поколение, с детства привыкшее считаться с тем, что прежде казалось абсурдом. В XX веке общество вступило в новый, доселе неизвестный ему мир, говорит Адамс в "Воспитании", в мир, где не было уже единой универсальной структуры; на смену ей пришел новый мультиверсум со своей сложной мультиструктурой.

"Год 1900-й был отнюдь не первым, нарушившим покой школьных наставников и учителей, - иронизирует Адамс в своей автобиографии. - В 1600-е годы многие из них сломали себе шеи на открытиях Коперника и Галилея, а в 1500-е Колумб перевернул весь мир. Но ближайшим аналогом крутого поворота 1900-го года был год 310-й, когда император Константин утвердил христианство в качестве официальной религии" (3.с.457).

Невероятный рост научных открытий в естествознании не мог не отразиться на гуманитарных отраслях знания. Если раньше историю воспринимали как постоянное чередование циклов простого и сложного в бесконечной цепи событий, то теперь ученые, "понижив голос до религиозного шепота, возвещали, подобно библейским пророкам, конец Вселенной", - пишет Адамс (35.с.215). Так, например, А.Морган, принадлежащий к числу авторитетных историков того времени, рассуждает: "возможно, уже через триста-четырееста лет научно-технические открытия приблизят человечество к критической точке, когда оно не сможет больше управлять сверхсложной системой механизмов" (36.с.104). Камилла Фламарион в своей "Популярной астрономии" (Париж, 1905) писала, что "со временем даже арктические экспедиции не в состоянии будут отыскать под толщей ледяного покрова, следы ныне существующих мегаполисов..." По ее мне-

нию, постоянное внедрение человека в отлаженные природные механизмы планеты неизбежно приведут к экологической катастрофе, вследствие которой "пищевые ресурсы Земли иссякнут, цивилизация окажется на краю гибели в лучах холодного, безжизненного Солнца" (36.с.176).

Адамс понимал, что подобного рода концепции не могут не отразиться на традициях исторической науки. Особенно остро ощущалась им мера собственной ответственности и проблема выбора: "Как спрашивается, должен был поступить американский историк? Профессор Гарварда не знал, с чего ему начинать свой ежегодный курс всемирной истории... Прочтеть аудитории эссе на тему "Универсальные законы разложения энергии" или продолжать безмятежно скользить по поверхности старых традиций... Физики выводили формулы для доказательства своей правоты, а что мог предложить миру простой историк?" (35.с.191). И Адамс приходит к выводу, что оперируя физическими и математическими формулами, возможно осмыслить течение исторических процессов.

В последних главах "Воспитания" автор предлагает свой взгляд на историю, представленный в виде динамической концепции развития. Отношения между людьми и группами людей, а также между человеком и вселенной, определяются, по его мнению, уровнем человеческого мышления. Последнее, в свою очередь, непосредственно связано с понятием "power", которое, согласно Адамсу, выступает как синоним природных энергий, жизненной силы вселенной. Если предположить, что человек - это также некий вид энергии, тогда всемирная история является "потокотом человеческой энергии, протяженным во времени и пространстве" (32.с.459). Таким образом, становится возможным осмыслить историю человечества посредством законов физики. Выбор в качестве центральной формулы второго закона термодинамики, закона об истощении энергии, по выражению Р.Спиллера, диктовался состоянием точных наук на тот период, а "нетерпение, вызванное быстрым прогрессом

естествознания и тяжеловесным консерватизмом историков, порождало героические усилия" (22.с.194).

Со второй половины XIX века наиболее общепринятой в рамках естественно-научной картины мира явилась интерпретация временной необратимости через второй закон термодинамики, который был сформулирован Клаузиусом и Кельвином в 1850-м году и положил начало энтропийной модели времени (37). Согласно данному закону, энтропия в замкнутых системах может только увеличиваться. Иначе говоря, любая форма материи предполагает дальнейшее "самоизнашивание".

Впоследствии, связь временной необратимости с возрастанием энтропии была статистически обоснована Людвигом Больцманом и получила широкое признание в научных кругах (38). "Общая термодинамика, - писал Больцман, - придерживается безусловной необратимости всех без исключения процессов природы. Она принимает функцию (энтропию), значение которой при всяком событии может изменяться лишь односторонне - увеличиваться. Следовательно, любое более позднее состояние Вселенной отличается от любого более раннего существенно большим значением энтропии... Способность энергии к превращениям, со временем становится все меньше, события природы становятся все более вялыми, и всякий возврат к прежнему количеству энтропии исключается" (38.с.524).

Теория энтропийной модели Вселенной оказала существенное влияние на развитие научных взглядов Адамса, воплотившихся в динамической концепции всеобщей истории. Известный исследователь творчества Г.Адамса, Р.Блэкмур, считал, что тот, стремясь приблизиться к разгадке внутренних механизмов вселенной, законов ее функционирования, попытался сделать невероятное с точки зрения исторической науки - перенести методы физики и химии в область гуманитарных дисциплин. "Его обращение к физике, - пишет критик, - было наполнено тем же благоговейным

трепетом, с каким он молил Пресвятую Деву Шартра дать ему сил и направить на путь истинный" (21.с.213).

Апеллируя к закону Клаузиса об истощении энергии, Адамс искал ответы на извечные вопросы философии истории: в чем суть исторического прогресса? что заставляет энергии менять направления? что движет всемирный исторический поток? что есть личность и какова ее роль в сложной системе связей, называемых историей? С древности и до наших дней многими выдающимися мыслителями личность воспринималась лишь как игрушка в руках высших сил, будь то небожители античного Олимпа или такие абсолюты нашей эпохи как Раса, Класс, Нация, Прогресс, Диалектика, Всеобщая Воля, Дух Времени и т.д. Согласно динамической концепции Адамса, человек и его разум также трактуются с позиций классического детерминизма. Автор убежден, что наше сознание - это продукт длительного воздействия внешних энергий (природных сил), которые всегда формировали и продолжают формировать человека помимо его воли, а якобы осознанная свобода и "могущество", основанное на научном знании, не более чем иллюзия.

Что же в таком случае воспитывает человека, влияет на траекторию его пути? Признавая всеобщую объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества, отраженную в законе об энтропии Вселенной, Адамс предложил свою линейную концепцию истории, в которой человеку отводилась пассивная роль "игрушки" природных сил, вынужденной довольствоваться лишь опытом и знанием. При этом "церебральная эволюция" человека также трактовалась автором с позиций энтропийного возрастания. Спонтанно приобретенные знания древних людей об энергиях повлекли за собой не только необходимость обогащения полученного опыта, но и дальнейшее проникновение в более сложные и иррациональные механизмы природных сил, которые на каждом новом витке истории приводили к все более усложнявшимся

связям с внешним миром, к противопоставлению его среде. Согласно динамической концепции, человеческая цивилизация постоянно стремилась к увеличению количества энтропии, в соответствии с другим естественным свойством материи - ее способностью проходить ряд физических трансформаций.

В 1876-1878 годах крупнейший американский ученый, профессор математической физики, один из основоположников физической химии - Уиллард Гиббс - опубликовал в "Протоколах" Коннектикутской академии наук свою знаменитую монографию "Равновесие гетерогенных субстанций", содержащую обширный раздел "О фазах вещества". Эта работа также оказала существенное влияние на становление и развитие динамической концепции истории Г.Адамса. По его мнению, У.Гиббс "изменил лицо американской науки", а значение его исследований в физике можно было сопоставить лишь с революционными изобретениями Б.Франклина (39).

Общая идея фаз состоит в том, что любое вещество может находиться в одном из трех состояний: кристаллическом, жидком или газообразном. Пребывание вещества в той или иной фазе можно рассматривать как состояние равновесия, покоя. Существует целый ряд веществ, которые могут переходить из одной формы в другую без ущерба для их химической структуры (например, вода, которую У.Гиббс определил как идеальную модель). Но для большинства соединений, по мнению физика, подобные циклы означают деформацию на молекулярном уровне. Иначе говоря, переход к другой фазе непременно приведет к распаду. Продолжительность состояния покоя (пребывания в какой-то фазе без перехода в следующую или предыдущую) зависит от многочисленных факторов как внутренних, так и внешних. Одно, по мнению Гиббса, можно утверждать с полной уверенностью: в природе не существует соединений, не подверженных трансформациям. Идея сама по себе не оригинальна. Начиная с далекой древности, философы рассуждают об изменчивости, о перерож-

дении материи, о том, что все в этом мире рано или поздно разрушается. К примеру, М.Монтень в своих знаменитых "Опытах" писал: "Философствовать - значит учиться умирать, а ... любые философские рассуждения, в конечном счете, всегда подводят нас к идее смерти и угасания" (40.с.76).

Таким образом, в основе динамической концепции истории Адамса лежит закон об энтропии Вселенной и принцип естественных трансформаций вещества (закон фаз). Переход человеческой цивилизации от одной фазы к другой, по его мнению, обусловлен диалектическим сочетанием в природе двух антагонистических механизмов, определяющих ее динамику: законом инерции и законом ускорения. Любое вещество стремится к равновесию, покою, так как это замедляет процесс увеличения энтропии. Состояние равновесия продолжается до тех пор, пока какая-либо внешняя или внутренняя сила не выведет тело из состояния покоя.

В главе XXXII "Воспитания" (*Vis Inertiae*) автор размышляет о том насколько велико действие закона инерции в человеческом обществе. Например, говоря о проблемах пола в американской культуре, Адамс считает, что подчеркнута пренебрежительное отношение американцев к женской энергии (к энергии секса), обусловлено маскулинным характером пуританской религии. В результате длительной аккумуляции женской энергии, пребывавшей в состоянии инерции, ее энтропия в ближайшее время должна будет достичь критического предела, считает историк. Анализируя количество "застойной" половой энергии в обществе, он утверждает, что повсеместно образовывавшиеся в конце XX века в США различные женские комитеты и организации феминистского толка - это реакция на длительное подавление женской активности. Зарождался новый тип женщин, пишет Адамс: "секретари-машинистки и стенографистки, телефонистки и телеграфистки, продавщицы и швей-мотористки - миллионы и миллионы женщин, о которых ни они сами, ни историк ничего не знали. Все эти новые женщины стали появляться после 1840-го года и к 1940-му им пред-

стояло показать, что они такое" (3.с.531). Автора интересует какой же результат, согласно научным представлениям об инерции и силе ускорения, это должно было дать? На сегодняшний день ответ на его вопрос имеет статус свершившегося факта американской истории - так называемая "сексуальная революция" 50-х годов.

Преодолеть закон инерции и закон массы невозможно, считает Адамс, на протяжении тысячелетий они приводили в движение маховик всемирной истории. Предлагая в "Воспитании" свою интерпретацию исторического прогресса, автор делит его на пять этапов, иначе говоря, фаз: "кристаллическую", "жидкую", "газообразную", "электрическую" и "эфирную". В результате бурного роста цивилизационных процессов, интенсивной индустриализации и модернизации производства, основанных на революционных открытиях точных наук, общество на пороге XX столетия готовилось войти в четвертую, "электрическую", фазу своего развития. В ближайшие сто-сто пятьдесят лет наступит время, утверждает Адамс, когда разум не сможет больше поглощать огромное количество новых сверхчувственных сил. Управлять ими станет невозможно, а лавинообразный поток энергий приведет мировое сообщество к его конечной, пятой фазе.

Свои размышления об историческом процессе автор строит на том, что человек также есть некий сгусток энергии, подвластный общим физическим законам, как все в этом мире. Он всегда был задействован в сложной игре внешних сил, влиявших на его ум и тело. Самой большой ошибкой, которую на протяжении долгого времени совершал человек Нового и Новейшего времени, была вера в собственную мощь и величие, считает Адамс. Исходя из того, что противоположные тела обладают силой притяжения, он заключает: "Человек подвержен силам природы. Сумма сил притягивает ничтожный атом, именуемый человеком; воспитывает и развивает его умственно и физически - сам он ничего не может познать, кро-

ме движений, воздействующих на органы его чувств и составляющих его воспитание" (З.с.565).

Таким образом, в связи с законом притяжения и энтропии, человек воспринимает окружающие энергии, которые изменяют его мышление. Но процесс познания носит хаотический, нецеленаправленный характер. Для наглядности Адамс использует метафору "человек-паук", зависший посреди своей паутины в ожидании добычи. "Перед его сетью пляшут, словно мухи, силы природы, и при малейшей возможности он затягивает их к себе... Постепенно его паучий ум обретает способность хранить впечатления - память, а вместе с ней и особое свойство - анализировать и синтезировать, разъединяя и соединяя в различные сочетания ячейки своей ловушки" (З.с.565).

При этом совершенно неважно, каких технических высот достиг человек, полагает автор. Каменный топор, паровой двигатель, динамомашинка или летательный аппарат подтверждают лишь то, что он всегда был зависим от вспомогательных средств, от инструментов, упрощающих его существование. "Огонь открыл человеку тайны, которые ни одно другое живое существо не могло постичь; еще больше он познал, наблюдая за течением воды - первые уроки механики; животные несли на себе его ношу и снабжали одеждой, а травы и злаки оказались для него высшей школой познания" (З.с.565). И далее Адамс заключает, что "почти без особых усилий со стороны человека силы природы формировали его мышление, побуждали к деятельности и даже выпрямили ему спину" (З.Там же).

Любая органическая форма обладает той или иной степенью восприимчивости к внешним силам, считает историк. Растения и животные способны чутко реагировать на солнечные и лунные ритмы, температурные или атмосферные изменения, перепады давления, магнитные, электрические или звуковые волны. Однако, только человеку дана способность производить отбор среди внешних сил, анализировать и классифициро-

вать, пытаться выводить системы законов и формул. Но в основе своей человек, согласно Адамсу, - это прежде всего биологическое существо, наделенное животными инстинктами и примитивными побуждениями. Он сравнивает функции человеческого сознания с желудком, который "усваивает преподносимую ему пищу, накапливает новые силы и, словно лес, разрастается за счет накопленного" (З.с.574). Голод, физический или духовный, на протяжении тысячелетий приводил в движение все многообразие и беспредельность человеческой мысли, считает Адамс.

Как любая энергия, человек стремился к равновесию, к состоянию покоя. Однако, внешние силы непрерывно воздействовали на него, развивая его способности. Уже на заре своей истории, человек ощутил бесчисленное множество и необъятную мощь природных сил. Интуитивно чувствуя между ними некую взаимосвязь, человек пытался понять внутренний характер этих отношений, постичь механизм во всей его многосложности. Даже примитивный разум первобытного человека, говорит Адамс, сознавал необходимость существования единой, центральной энергии, которой он поклонялся как главной силе - Богу. Иначе говоря, аналитические свойства человеческого разума приводили его к поискам перводвигателя, который приводил в движение все известные человеку энергии. Это была попытка придать противоречивой и анархической вселенной хотя бы видимое единство и стабильность.

Нельзя отрицать тот факт, что на протяжении долгого времени именно религиозная вера являлась мощнейшим стимулом человеческого творчества: благодаря ей создавались поразительные, по своему масштабу и уровню мастерства, памятники мировой художественной культуры - будь то пирамиды в Гизе, собор святого Петра в Риме, древнеиндийские храмы или собор Шартра. В своей динамической теории Адамс утверждал, что никакая другая сила не имела столь кардинального и позитивного воздействия на человека как религия. Она уравнивала его созна-

ние, давала ощущение гармонии с окружающим миром, причастности к общему потоку энергий.

Между тем, несмотря на низкий уровень энтропии, религиозный тип мышления все же обладал тягой к динамизму. Так, например, христианство, покончившее с политеизмом и провозгласившее монотеизм, задавало колоссальное ускорение истории, считает автор "Воспитания". Человеческий разум в подобной ситуации должен был максимально напрячь свои аналитические способности, подчинив всю сложность "божественных энергий", олицетворявших те или иные природные силы, одной нечленимой сущности, центральной силе - Богу. Civitas Dei стал новым центром притяжения, хотя и страдал той же логической уязвимостью, что и прежние религиозные доктрины. Тем не менее, притяжение отнюдь не утратилось. В течение тысячелетия, именуемого средними веками, общественный дух был движим неповторимой энергией и верой в единство вселенной. Огромный по временной протяженности период, начиная с древнейших времен и включая Средневековье, характеризуется Адамсом как "кристаллическая" фаза - исторический этап, обладавший наивысшей степенью синкретизма.

В то время, как религиозное сознание "кристаллической" фазы стремилось обрести могущество в будущей жизни, олицетворяя идеальную модель взаимодействия разума и высших сил, начиная с XIV столетия, совершенно новые "враждебные ему энергии вовлекли человеческий разум в стремительный водоворот научных открытий" (32.с.476). Все религиозные войны вместе взятые не шли ни в какое сравнение с теми, которые развернулись в сознании вступившего на путь научного познания человека, считает историк: "Сражение между силой креста и силой взрывчатых веществ, компаса и других атрибутов научной мысли, неумолимо погружало его в зловещие трясины противоречий" (3.с.573). На первых порах, из-за недостатка объема новых знаний, сдвиг задержался на один-два

века, завершивших великие эпохи религиозного чувства: "С XI по XIII века общество парило, находясь в состоянии полнейшей невесомости. Период этот возвысился до эллинской красоты и более чем эллинского единства, но длился недолго" (3.с.576). В данном случае Адамс имеет в виду позднее Средневековье Западной Европы, которое, по его мнению, было наивысшим воплощением гармонии и единства микро и макро миров: человека и вселенной.

Инерция, согласно физике, - естественное состояние материи, внутренний механизм, защищающий ее от разложения. Тот же принцип работает и в человеческом обществе. "Религиозное сознание средневекового человека отчаянно сопротивлялось: новые энергии и связанный с ними мир не поддавались логике рационального восприятия. Силы неуклонно стремились к ускорению, воплощаясь в различных формах научной мысли. Рушилась традиционная система взглядов, единство постепенно заменялось множественностью" (32.с.489). Политические и церковные институты ужесточили меры наказания, но не могли сдержать натиск "крамольных учений", захлестнувших Европу. С появлением "научной ереси", контроль над обществом постепенно ускользал из рук духовенства: "Чем больше Святая инквизиция сжигала и предавала анафеме еретиков, тем глубже пускали корни бунтарские учения" (32.Там же). Джордано Бруно или Галилей служили, по мнению Адамса, всего лишь адаптерами, проводниками новых энергий, которые рушили традиционные теологические концепции мироздания. Целостность восприятия вселенной постепенно заменялась многочисленными научными доктринами.

Начало кардинальных изменений в массовом сознании людей того времени Адамс связывает с общественной формацией, пришедшей на смену феодальному Средневековью. Развитие и востребованность научного знания объяснялась нуждами формировавшихся в начале XIV столетия больших городов и зарождавшейся промышленности. Человек с перехо-

дом в стадию капиталистических отношений все больше стремился проникнуть в тайны природы, используя энергии для своих практических целей. Религия и связанный с ней тип мышления не в состоянии были противостоят росту научных открытий.

Человечество разбилось на всевозможные группы и сообщества, подобно ртути, вытекшей из лопнувшей колбы, пока под воздействием сил притяжения множество шариков не собралось в единую массу, подчиненную закону энтропии. "Телескоп переворачивал вселенную с ног на голову; микроскоп открывал миры, не воспринимаемые человеческими чувствами" (3.с.578). Под воздействием новых форм силы, человек беспрерывно перестраивался, раздвигал границы своего мышления.

На протяжении многих тысячелетий силы воспитывали человека - это служило главным источником его прогресса. Траектории новых сил или новых знаний, основанных на последних научных достижениях, были подчинены закону массы и не могли дать моментального эффекта, считает Адамс. Они постепенно индуцировали общественное сознание, придавая ему отличный от прежнего характер мировидения, упраздняя общепринятые "формулы" бытия, уничтожая господство традиций и власть авторитетов. Любой, кто знаком с учением Декарта или лорда Бэкона, согласится с тем, что идеи, которые они отстаивали, принципиально меняли скорость мысли современной им эпохи. Образно выражаясь, лед таял, превращаясь в бесчисленное множество ручейков, устремившихся к следующей более сложной фазе - в "жидкое" состояние.

Тенденция к ускорению постепенно приобрела фантастические масштабы: бурный рост, начавшийся в 1800-м году и продолжавшийся до 1900-го, был связан с открытием нового класса сверхчувственных сил, "которые ввергли жрецов науки в такое же состояние замешательства и беспомощности, как когда-то жрецов Изида христианский крест" (32.с.502). В главе XXXIV ("Закон ускорения") Адамс обращается к стати-

стическим данным, чтобы нагляднее продемонстрировать возросшие потребности человеческого общества в более мощных энергиях.

Между 1840-м и 1900-м годами мировая добыча угля давала в три-четыре раза больше энергии, чем в 1840-м году. Такой скачок, по мнению Адамса, кажется немыслимым, если учесть с какой скоростью цивилизации развивались на протяжении тысячелетий! В качестве примера автор приводит океанский пароход. Если образец 1835 года обладал двигателем в 234 лошадиные силы, то показатель мощности в 1905-м году составил уже 30 000. С 1800-го года человек изобрел множество новых способов эксплуатации природных энергий. Появились доселе не существовавшие отрасли наук, призванные усовершенствовать представления о новых формах энергий и выработать механизмы по их использованию.

Адамса-историка не могло не интересовать, как долго человек сможет продвигаться в своем развитии от одной фазы к другой, когда он достигнет критического предела своих возможностей, наивысшей степени энтропии. "Вряд ли можно предположить, что закон ускорения, неизменный и нерушимый, как всякий закон механики, ослабит свое действие ради удобства человека... Сопротивление - закон природы, - пишет он в "Воспитании", - но сопротивление превосходящей массе бесплодно и гибельно" (3.с.579). Экспонента, выстроенная им при анализе прироста новых сил, иллюстрирует как в течение трех столетий, с 1600-го по 1900-й годы, общество приблизилось к сверхскоростному ритму жизни. В начале XX века человечество, согласно концепции Адамса, вступило в "электрическую" фазу своего развития.

Моделируя будущее, он утверждает, что поколения, идущие на смену современному, будут подвластны еще более сложным, сверхчувственным энергиям, а ученые грядущих десятилетий зададут научно-техническому прогрессу невообразимый динамизм. В соответствии с законом энтропии "неминуема фаза превращения гусеницы в бабочку, воды

в пар, радия в электрон... Мышление, словно поваренная соль, брошенная в некий щелочной раствор, должно будет, - считает Адамс, - вступить в новый период своего развития - "эфирную" фазу, грозящую стать заключительным, конечным аккордом исторической симфонии" (32.с.509).

В написанном позднее и, по выражению Р.Спиллера, "еще более дерзновенном эссе о законе фаз" Адамс дает такой простор воображению, что осмеливается назвать точную дату момента всеобщего распада (22.с.194). Действительно, в научной работе " О роли фаз в развитии истории" (The Rule of Phase Applied to History), написанной в 1909-м году, автор продолжает развивать идеи о мировом прогрессе, представленные ранее в "Воспитании". В этой статье на основе математических расчетов он утверждает, что последняя "эфирная" фаза всемирной истории наступит примерно в 2025-м году. - "Если принять во внимание, что транслирующий период длился 300 лет, с 1600-го по 1900-й гг., - пишет историк, - то "электрическая" фаза по своей продолжительности должна быть равна квадратному корню из трехсот или 17,5 годам. Таким образом, в 1917-м году произойдет переход от "электрической" фазы к "эфирной", которая, согласно закону квадратов, составит приблизительно сто восемь лет и продлится до 2025 года..."(39.с.309).

Современники отнеслись к теории Адамса весьма скептически. Коллеги-историки считали, что законы физики и химии (равно как и математики) не применимы к исторической науке. Некоторые из них попросту объявили Адамса дилетантом в сфере естествознания, подвергнув критике достоверность его расчетов. На наш взгляд, утверждать что-либо относительно точности научных выводов Адамса весьма сложно, ведь динамическая концепция истории - это прежде всего теория, состоятельность которой может подтвердить только время. Однако, мы убеждены в том, что основные тенденции мирового развития, о которых размышляет автор, не лишены определенной логики.

Неоспоримым является, по крайней мере, тот факт, что сегодня мы сталкиваемся именно с теми краеугольными дилеммами, о которых писал в своих исследованиях ученый, живший столетие назад. С каждым днем мы все чаще слышим о глобальных последствиях научно-технической революции. Философия в наши дни заменяется сухой статистикой, осуществляющей математическое, компьютерное исследование будущего и предупреждающей о том, что близки "пределы роста", что в итоге планета неизбежно окажется перед лицом экологической или ядерной катастрофы. Современным ученым приходится считать, сколько кислорода поглощает самолет во время пути, сколько потребляется ежегодно природных ресурсов, сколько отходов скапливается в городах, какова плотность озонового слоя атмосферы и т.д. Неужели Адамс был прав, говоря что "общество" инфузорий и насекомых, "общество", подвластное примитивным инстинктам, грозит стать будущим Земли" (35.с.198)?!

Конечный вывод всех жизненных потрясений Адамса-историка и Адамса-человека - глубочайший пессимизм, убеждение в том, что "Бог покинул грешную землю", а с ним ушла и объективная истина, целесообразность и разумность человеческой цивилизации, неуклонно стремящейся к саморазрушению. "Произведения Адамса, - пишет Р.Блэкмур, - читаются как мрачное пророчество, с апокалиптическим пафосом которого может сравниться лишь великий Данте" (21.с. 304). Возможно, он прав, но это не был личный вкус отчаявшегося пессимиста - скорее вкус эпохи, в которой разворачивалась серьезная битва "физиков" и "лириков"(33).

Сам Адамс, несмотря на интерес к естествознанию, не делал ставки на науку. Напротив, бесцеремонные технические преобразования, по его мнению, носили разрушительный характер. В век технократии, считает автор, человек отказался от самого себя, превратился в механическую деталь общественной машины, в безвольный манекен. "Новый американец, подобно новому европейцу, был слугой электростанции, как европейец XIII

века был слугой церкви, и их человеческие качества определялись их происхождением, - пишет он в "Воспитании". - Новый американец с гордостью демонстрировал то, что его породило, - он был дитя пара и брат динамо-машины. Мадонна или ее сын не обладали уже, по всей видимости, достаточной силой, чтобы возводить храмы, в которые бы стремился народ" (3.с.557).

Люди низложили Бога, взяв на себя роль Создателя, но по мнению Адамса, эта задача оказалась непосильной ношей для существ, смотрящих " в завтра" сквозь кривое стекло потребительства. Рубеж XIX-XX веков был эпохой великих утопий. Одной из них, которая и по сей день не перестает казаться осуществимой, является идея о совершенствовании человечества с помощью новых технологий и открытий естественных наук. Но Адамс был убежден, что цивилизация "физиков" рано или поздно поставит общество перед угрозой реальной гибели. Посетив в 1900-м году Всемирную выставку в Париже, он заключает, что "современная наука бросала вызов любой философии. Она являла собой ступень эволюции, которая ошеломила бы самого Дарвина!" (3.с.407). И тут же задает себе и читателю вопрос: не представляет ли подобный взлет научной мысли угрозу, аналогичную той, которая встала перед Римской империей, превысившей допустимую по законам физики скорость развития?

В "Воспитании" Адамс проиллюстрировал не просто изменение ритма жизнедеятельности человечества, но и трансформацию самого понятия времени в сознании людей XX столетия. По его мнению, новый человек "не успевал жить", а циферблат со спешащей стрелкой вполне бы мог стать символом современности. Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени, считает Адамс. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам.

Естественно, человек не рождается с "чувством времени", его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Для промышленно развитого общества характерно сознательное, рационалистическое отношение к времени, следствием чего является ощущение постоянного его дефицита. Современный человек боится времени как неумолимого спутника смерти, небытия, стремится "ухватить" убегающее время, спешит жить настоящим мгновением. Для сравнения вспомним, что египетская душа была наделена ощущением прошлого и будущего как единосвязанного "полотна", а настоящее представлялось ей просто узкой границей между двумя неизмеримыми далями. Вся древнеегипетская культура - это воплощение стремления к бесконечности. Еще один пример - древнеиндийское искусство. В нем никогда не существовало портретной традиции - биографии *in nunc*. Индуса не беспокоило понятие времени, не пугала его центростремительная сила.

Адамс всегда уделял большое внимание математике, называя ее универсальным средством постижения абстрактных форм. Немаловажное различие между античным и современным мировосприятием и отношением к времени, можно, как он считает, выявить сквозь призму этой науки. Античное числовое мышление рассматривает вещи, как они есть, в качестве величин, вне времени, просто в настоящем. "Это привело к евклидовой геометрии, к математической статистике и к завершению творческой системы учением о конических сечениях, - пишет Адамс в работе "О роли фаз в развитии истории". - В начале XX столетия математик рассматривал вещи в плане их становления и взаимодействия как функции. Это привело к динамике, к аналитической геометрии и от нее - к дифференциальному исчислению. У Ньютона оно показательно названо флуктационным (то есть стремительно переходящим из одного состояния в другое - примечание И.Ш.). В греческой математике время не встречается вообще" (39.с.291).

Проводить подобного рода аналогии и сравнения можно бесконечно - это самостоятельные проблемы, требующие отдельного исследования. В данном случае мы прибегли к некоторым из них, чтобы проиллюстрировать глобальное изменение мировоззренческих установок человека XX столетия, все более усложняющийся характер его отношений с миром. Начало этому положила естественно-научная картина мира и связанная с ней интерпретация временной необратимости через второй закон термодинамики. Энтропийная модель времени и начавшийся в конце XIX века так называемый "страх смерти" привели в итоге к масштабной "деэсхатологизации" культуры. Приведенные примеры (древнеегипетская, древнеиндийская и античная концепции времени) характеризовались одним общим свойством - религиозным типом мышления, с его специфическим отношением к "биологическому" (41), настоящему времени. Так как архаическому сознанию не было свойственно линейное восприятие времени, оно охватывало мир одновременно в его синхронной и диахронной целостности. Создавая миф о регенерации времени (о продлении бытия по ту сторону физической жизни), древние культуры давали человеку возможность "победить" или "устранить" быстротечность времени (42).

В XX веке роль религии в общественной жизни свелась к минимуму, на смену ей пришла другая парадигма - научное знание. И это не могло не иметь своих серьезных последствий. "Внешне самоуверенный, оптимистический "новый человек", - говорит Т.Д.Венедиктова, - был внутренне дезориентирован и растерян. При всей видимой поглощенности погоней за земными благами, он ни в чем по-настоящему так остро не нуждался, как в "ином мире", который сообщал бы смысл и ценность "здешним", повседневным трудам, то есть в доступном комплексе идеальных представлений, дисциплинирующем и воодушевляющем" (43.с.118).

На протяжении двух тысячелетий христианская культура жила в соответствии с "эсхатологической" концепцией времени, в которой "не

работал" основной постулат термодинамики, пишет Адамс. Например, история по Блаженному Августину, - это противоборство двух миров: государства земного и Государства Божьего. Участь первого - разрушение, участь второго - созидание и завоевание вневременного пространства - рая. Сквозь призму подобной концепции истории, истинный смысл человеческого существования заключался не в физической жизни, которая являлась лишь подготовкой к "жизни вечной", а в стремлении к бесконечной, "небесной жизни". Как заметил в своей автобиографии историк, вера в существование идеального мира, идеального общества, не ограниченного пределами физических законов жизни и смерти, на протяжении долгого времени уравнивала сознание человека, вырабатывая у него стойкий "иммунитет" перед страхом телесной смерти.

Дисгармония противопоказана нашему сознанию, которое по своей природе стремится к возвышению над хаосом и противоречиями. "Научное знание опустошает разум человека, - утверждает Адамс, - понуждая к бесконечным и бесплодным скитаниям в лабиринтах незнания и множественности" (32.с.396). Религия, напротив, стремится к тому, чтобы сомкнуть острие "стрелы времени", неумолимо движущейся к максимальной энтропии, с ее началом, образовав единую, замкнутую модель. В письме к Г.О.Тейлору он пишет: "вера, а не рассудок, должна, повидимому, стать мерилем всего. Ведь именно вера наполняет наше сердце спокойствием, умиротворением и ощущением собственной значимости, вселяет уверенность в позитивности и целесообразности бытия. Она - наше единственное спасение... Однако, я не нахожу в себе достаточно сил, чтобы безоговорочно отдаться во власть церковной веры, ибо ум мой навсегда отравлен привычкой находить во всем противоречия и скандальную несостоятельность - будь то религиозную, или научную" (20.с.136).

Действительно, в современном мире, с его тягой к материализму и точным наукам, религиозное сознание, по справедливому замечанию ав-

тора, явилось "пережитком минувших веков" (20.с.137). Но вместе с утратой способности к религиозному чувству, общество утратило и ощущение гармонии, единства вселенной, и ощущение собственной "востребованности" в ней. Адамс сам находился между двумя полюсами: между динамо-машиной, которая, по его словам, стала символом множественности и анархических энергий XX столетия, и между Мадонной - символом единства эпохи Средневековья. В главе XXXII он пишет: "Для многих динамо-машина означала не более, чем искусное устройство для передачи тепловой энергии, скрытой в нескольких тоннах жалкого угля, Адамс же видел в ней символ бесконечности... Хотелось молиться на это чудовище: врожденный инстинкт диктовал этот естественный для человека порыв - преклоняться перед немой и вечной силой... Пусть среди тысячи символов бесконечной энергии динамо-машина была менее очеловеченным, чем некоторые другие, зато казалась самым выразительным" (3.с.454).

Историк считал цивилизацию концом развития культуры. Эта стадия, которая характеризуется высоким уровнем развития науки и техники, по его мнению, приводит к тому, что общество теряет "душу культуры". Происходит "омассовление" всех сфер жизнедеятельности, их омертвление, так как ритм жизни цивилизация получает от бездушных технических устройств. На приведенном контрасте символов, Дева Мария - динамо-машина, Адамс демонстрирует читателю, как в корне изменилось соотношение основополагающих идей и действительности. В обществе, чьим "богом" становится бездушный аппарат, неизбежно происходит замена морали и этики культом удобства и выгоды, считает автор "Воспитания". Но "цивилизация машин и наук, даже самая могущественная из всех известных, не способна создать ни своего храма, ни своей библии" (3.с.573).

Адамс вспоминает путешествие по западной Франции, когда он любовался Шартрским собором, созерцал совершенную красоту, находя в нем свидетельство величайшей энергии и духа, когда-либо известный че-

ловечеству. Эпоха позднего Средневековья (XI-XIII) - это, по его мнению, пик духовного роста человечества, "золотой век" гармонии духа и материи, человека и окружающего мира. Здесь правит энергия Мадонны, а не энергия динамо-машины. Размышляя о природе этих совершенно разных сил, он приходит к выводу, что никакая другая сила во вселенной не смогла бы сравниться с силой Любви и Гармонии. "Дева, личность или божество, являлась символом реально достигнутого в XIII веке единства, которое нашло свое воплощение в искусстве и философии того времени" (22.с.198).

Этому периоду человеческой истории Адамс уделял особое внимание. В соответствии с законом механики, любое движение, в том числе и социальное, необходимо измерять относительно точки покоя. Таким этапом всемирной истории, по мнению автора, был промежуток между 1150-м и 1250-м годами: именно эту эпоху, "когда человек видел в себе перл творения и считал себя частицей единого мироздания" (3.с.519), следовало взять за начало отсчета, чтобы изучить развитие общественного сознания вплоть до XX столетия.

Стремление Адамса исследовать природу средневековой культуры воплотилось в написанной в 1904-м году книге, которую сам автор мысленно озаглавил "Мон-Сен-Мишель и Шартр. Исследование единства тринадцатого века"(3.с.519). "Воспитание Генри Адамса" предполагалось создать в качестве экспериментального продолжения, имеющего целью изучить "множественность двадцатого столетия". При этом он подчеркивал, что ни одна историческая эпоха не вызывала столько споров и разногласий в кругах специалистов, как эпоха Средневековья: "Адамсу, не хуже, чем любому искушенному историку, было известно, что человек, разрешивший загадку средних веков и нашедший им место в эволюции от прошлого к настоящему, заслужил бы признание гораздо большее, чем Ламарк и Линней, - пишет он в "Воспитании". - Но историческая наука нигде

не выглядела такой жалкой, нигде не признавала себя таким полным банкротом, как в том, что касалось этого периода человечества" (3.с.359).

Это, на его взгляд, вполне естественно: для представителей современной цивилизации материал средневековой культуры чужд и непонятен, так как не поддается расчленению, типичному при изучении культуры XX столетия. Многие историки-медиевисты также подтверждают тот факт, что средневековую картину мира трудно разделить на обособленные части (44,45,46,47,48). Например, А.Я.Гуревич считает, что: "Едва ли можно выделить в качестве самостоятельных такие сферы как эстетика, философия, историческое знание, экономическая мысль, политика, право... Вернее, их можно выделить, но при этом пострадает все понимание целостности средневековой культуры" (44.с.29).

"К средним векам необходимо применить особые критерии, - пишет Адамс в "Мон-Сен-Мишель и Шартре", - необходимо рассмотреть данную культуру в свете ее собственной логики, попробовать понять ее изнутри" (49.с.53). Не учитывая в полной мере ценностные ориентиры и критерии людей Средневековья, исследователь, по мнению автора, не может постичь историю этого периода. В "Шартре" он стремится ощутить себя человеком средних веков, "вживается" в культуру той эпохи, пытается мыслить категориями XIII столетия. Возможно поэтому, его монументальное культурологическое исследование наполнено такой любовью к тому периоду человеческой истории, о котором он размышляет. По замечанию М.Мэмфорда, "отношение Адамса к Средневековью глубоко интимно и проникнуто душевным трепетом и нежностью" (50.с.21).

Таким образом, чтобы понять логику средневековой истории, важно попытаться восстановить представления и ценности, присущие людям той поры, выявить некие "привычки сознания", способы оценки ими действительности, особенности видения мира. Автор считает, что при решении данной задачи, ничто не может дать более полного и исчерпывающего

материала, чем изучение различных видов средневекового искусства. Ведь оно обращается к современникам на том языке, который им близок и понятен, являясь полномасштабной летописью эпохи. Именно с этой целью Адамс анализирует в "Шартре" свои впечатления от знакомства со средневековой архитектурой, живописью, скульптурой, музыкой, литературой и философией.

Творимый средневековым художником мир очень своеобразен и необычен на взгляд современного человека, говорит автор. В связи с этим он прежде всего стремится понять, что же явилось главным "смысловым стержнем" данной культуры, объединившим все сферы человеческой деятельности. "Наука нового времени обходится без перводвигателя, высшего разума, бога, творца, как бы эту сверхприродную силу ни назвать, - пишет Адамс. - В средние века все верили в бога, его существование не являлось для них гипотезой, скорее постулатом, настоящей потребностью придать окружающему миру состояние нечленимой целостности. Вокруг этой центральной "идеи-истины" создавалась вся его система взаимосвязей со вселенной" (49.с.64).

При этом автор подчеркивает, что для средневекового человека не было актуальным противопоставление земного и небесного: "изучение средневековой культуры постоянно сталкивает нас с парадоксальным переплетением полярных противоположностей - высокого и низменного, духовного и плотского, мрачного и комического, жизни и смерти..." (49.с.73). В связи с этим, поклонение святому могло зачастую принимать весьма гротескные формы. Например, средневековая легенда, которую Адамс приводит на страницах "Шартра", повествует о том как бедный странствующий жонглер всю жизнь тешил людей своими танцами и фокусами, ничего другого он не умел и не знал никаких молитв ("служба всю жизнь людской забаве, не знал ни "Отче наш", ни "Аве" (49.с.89)). Однажды он попал в храм и предстал перед образом Мадонны. Его охватило ис-

креннее желание послужить Прекраснейшей, как служил он и людям. Жонглер стал кувыркаться и проделывать перед святым образом акробатические трюки. Служители храма возмутились от подобного святотатства и решили наказать бродягу, но Она не отвергла посильный дар, идущий от чистого сердца, а благосклонно приняла его. "В этой легенде есть истинная поэзия, - считает Адамс, - и если вдуматься, она помогает понять существо и смысл средневекового искусства и средневекового типа мышления" (49.с.92).

Тенденция к парадоксальному перевертыванию привычных представлений об установленном порядке, о верхе и низе, о святом и мирском является типичной чертой средневекового миропонимания. "В средние века мир не представлялся многообразным и разрозненным - человек был склонен судить о нем по собственному маленькому, узкому миру", - пишет Адамс, - в котором "поэзия" и "правда" еще не разошлись между собой" (49.с.152).

Все в этом мире было упорядочено, распределено по местам: всем и всему было указано собственное место и роль. Причем наряду с земными существами, предметами и явлениями он включал в себя иной мир, порожденный религиозным сознанием. Для средних веков подобное соседство, по мнению автора, не вызывало сложностей - для них оба мира были гармонично соединены в "единую великую мистерию", разворачивающуюся согласно "грандиозному божественному сценарию" (49).

В подобной ситуации само понятие "святость" выступает как сплав возвышенного благочестия и вполне земной корысти, предельного самоотречения и осознания избранности, бескорыстия и алчности, милосердия и непреклонности, граничащей с жестокостью. Следуя этой незыблемой логике средневекового человека, Адамс, убежден, например, в том, что Дева Шартра - это прежде всего "женщина, со своими капризами и изменчивым настроением. Она способна понять и простить "презренного во-

ришку или бродягу", который искренне ей поклоняется, но, в тоже время, не выносит лицемерного подобострастия добропорядочных граждан, входящих в храм из заведенного порядка"(49.с.162). Она - "Царица небесная" и как любая "владычица не прощает измен и мстит своим обидчикам, но безгранично добра к верным вассалам и покровительствует им во всех начинаниях" (49.с.163).

Адамса неоднократно упрекали в слишком вольном обращении с каноническими образами христианской религии. Так, например, Р.Блэкмур считал, что "Адамса и его Мадонну Шартра объединяло далеко не платоническое притяжение, основанное на христианских догматах... Скорее это некое сексуальное влечение, которое сродни древнейшим силам, объединяющим мужчину и женщину на протяжении тысячелетий" (21.с.290). Сам Адамс не отрицал, что Дева Мария для него - это прежде всего общечеловеческий архетип Матери, воплощение репродуктивных функций природы, символ позитивной женской энергии. Именно в этом, на его взгляд, истинное предназначение культа Мадонны в мужском, по своей сути, христианстве.

Историк убежден, что Она призвана гармонизировать сознание средневекового человека, уравнивать соотношение стихийно-анархической, эмоционально-бессознательной природы человека с его стремлением к рационализации вселенной, воплощенным в религии. "Церковь пыталась навязать человеку порядок, закон, систему запретов, обуздать его стихийную, бунтарскую природу... Мужские символы христианства были для средневекового человека воплощением справедливости и правосудия, - говорится в "Шартре". - Но именно Мадонна, Богиня-Мать вызывала у него чувство безграничной любви и доверия. В его глазах Бог-Сын и Бог-Отец были слишком величественными, слишком справедливыми, слишком грозными. Но ни один, даже, самый грешный, человек не боялся приблизиться к Богине-Матери" (49.с.107).

Женская составляющая была необходима, считает Адамс, без нее эпоха позднего Средневековья не смогла бы достичь той гармонии и красоты, взаимодополнения человека и окружающего его мира. Признание Женщины, ее божественного статуса, наряду с мужскими символами, не могло не отразиться на характере общественного сознания XIII столетия, в котором мужское и женское являлось полноправными частями целого. В "Шартре" автор приводит цитату авторитетного медиевиста XIX столетия, М.Гарро, который утверждал, что характерной чертой эпохи Средневековья была схожесть манер поведения мужчины и женщины. - "Не существовало строгих правил относительно того, какие поступки позволительны тому или другому полу... На серии примеров можно показать, что женщина в средневековом обществе обладала не меньшим авторитетом, чем мужчина..., а ее роль в делах государства сложно переоценить" (49.с.134).

Католицизм предоставлял выход женской энергии. На взгляд Адамса, в Европе XIII столетия не существовало проблем, связанных с инерцией женского пола, характерных для пуританской Америки. Внутренняя дисгармония общественного сознания неизбежно отражается и во внешних проявлениях. Так, сравнивая архитектуру, изобразительное искусство, литературу и философию католической Франции XIII века с пуританской традицией в Америке, автор отдает предпочтение первой. Он считает, что пренебрежительное отношение американцев к иным культурным традициям и к искусству в целом, как к воплощению дьявольского начала, призванного искушать человека, выводить его из состояния эмоционального равновесия, также объяснялось отсутствием в пуританской религии женского божества. Пуритане стремились ограничить чувственное воздействие искусства, изгнав его из повседневной жизни и церковного ритуала. Католик, напротив, не представлял своего существования без искусства, а религия была для него воплощением высочайшей из его форм. "В ритуале органично сочетались и живопись, и скульптура, и деко-

ративное искусство, и костюм, и музыка, и освещение, и декламация, и элементы театрального действия, - пишет о красоте католического обряда М.М.Коренева. - Через цвет, свет, пластику, звук, благовония... в сферу действия вовлекались все органы человеческих чувств" (51.с.145).

Средневековый католик посредством обряда соприкасался с прекрасным, утверждает Адамс в "Шартре". Роскошь, многоцветье изобразительного искусства и богатство архитектурных форм, на его взгляд, являлись внешним проявлением внутренней гармонии и единства сознания средневекового человека. Культура - "вторая природа", это мировосприятие, порожденное отношением человека к миру, как к продолжению его собственного "я". "Средневековый человек понимал невидимое и умопостигаемое через видимое и материальное, - пишет автор. - Зримый мир находился для него в гармонии со своим праобразом - миром высших сущностей. Поэтому любое явление или предмет воспринимались сквозь призму символического толкования" (49.с.76).

Символом вселенной был собор, структура которого мыслилась во всем подобной космическому порядку. Каждая его деталь, как и планировка в целом, была исполнена символического смысла. "Молящийся в храме созерцал красоту божественного, внеземного по своей природе творения, - считает Адамс. - Символизм архитектурных образов являлся, на взгляд средневекового зодчего, естественным воплощением мирового устройства... Это проявлялось и в его планировке, и в его оформлении... Порталы соборов и церквей, триумфальные арки, входы в храмы воспринимались как "небесные врата", а сами эти величественные здания как "дом божий", его обитель" (49.с.104).

На примере Шартрского собора автор демонстрирует внутреннее и внешнее единство готической архитектуры, выражающееся в гармоничном сочетании общего массива строения с отдельными его частями и внутренним убранством: "... средневековая пластика органично связывает

отдельные фигуры в стройные ансамбли, включающиеся в нерасторжимое целое - космос готического собора... В Шартре воплощена вся система христианских знаний, выражена концепция единства человека с внешним миром. В каждой части собора воспроизводится целое, а деталь - это своего рода миниатюрная реплика всего сооружения..." (49.с.134).

Подобно тому как отдельная деталь естественно и планомерно сочеталась со всей архитектурой собора, иначе говоря, с внешним пространством, в котором она пребывала, точно так же, по мнению Адамса, человек, являясь "деталью" мироздания, гармонировал с окружающей его средой, с природой. И.Е.Данилова пишет, что "средневековый человек, в отличие от человека первобытного, не сливается с природой, но и не противопоставляет себя ей. Его отношение к ней - это не отношение субъекта к объекту, а скорее нахождение самого себя во внешнем мире, восприятие космоса как субъекта" (45.с.84). Другой известный специалист в области средневековой культуры, А.Я.Гуревич, считает, что "находя в мире собственное продолжение, человек вместе с тем и в себе обнаруживал вселенную... Они как бы взаимно смотрелись друг в друга" (44.с.67).

Об аналогичном "перетекании" человека во вселенную и, наоборот, вселенной в человека говорит и Е.М.Мелетинский, объясняя это характерным для всей культуры Средневековья стремлением охватить мир как единство. - "Человек данной эпохи обладал чувством аналогии, родства структуры космоса и своей собственной структуры... Плоть человека - из земли, кровь - из воды, дыхание - из воздуха, а тепло - из огня... Каждая часть человеческого тела соответствовала части вселенной: голова - небесам, грудь - воздуху, живот - морю, ноги - земле, кости - камням, жилы - ветвям, волосы - травам, а чувства - животным..." (52.с.78).

Отношение человека к природе можно проследить на материале средневекового искусства. По мнению некоторых культурологов и искусствоведов, средневековый человек был лишен эстетического чувства по

отношению к природе (45,48,53). Их оценки опираются на произведения живописи и литературы той эпохи, где пейзаж представлен в высшей степени абстрактно, схематически. Адамс считает, что данное обстоятельство не означает того, что люди Средневековья уступали представителям более поздних эпох в способности полноценно воспринимать окружающий их мир. Другое дело, что средневековый человек "не испытывал "страстной тяги" к природе, так как не был от нее отделен, жил в гармонии с ней, жил среди нее, в отличие от представителей современной цивилизации" (49.с.267). По его мнению, "ностальгия по природе" возникает впервые в больших городах Нового времени, что вполне объяснимо.

"Человеческое общество находится в постоянном движении, изменении и развитии", - говорит Адамс. В разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему. Организуя свои впечатления и знания, они конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира. И не смотря на относительную стабильность средневекового мирозерцания, оно развивалось и изменялось. Так, зарождавшийся в конце XIII века новый тип городской культуры, с его более рационалистическим стилем мышления, начинает менять это традиционное восприятие природы. Усложняется практическая деятельность человека, его воздействие на природу: создаются всевозможные механизмы по ее эксплуатации. Деятельность "нового человека" требует повышения скоростей производства, которые отдаляют его от естественных природных ритмов. Горожанин все больше отделяет себя от природы, начинает относиться к ней как к объекту своей практической деятельности.

С этого момента человеческая история, по мнению Адамса, начинает неумолимо набирать темпы социального развития, увеличивая количество своей энтропии. "Город становится носителем нового мироотношения, - пишет историк, - механические часы были изобретены в конце XIII века. В XIV и XV веках башни многих городов Европы украшались

этой "зловещей новинкой" (49.с.309). Известный американский культуролог Р.Мэмфорд также утверждает, что "ключом к пониманию промышленного мира Нового времени является не паровая машина, а именно механические часы"(54.с.164). С их появлением в общественном сознании произошли колоссальные изменения, считает он: "Европа постепенно перешла от созерцания мира в аспекте вечности к активному отношению к нему в аспекте времени"(54.Там же).

Таким образом, Адамс подчеркивал, что с конца XIII века, когда "время вышло из-под контроля церкви, человек перестает быть хозяином времени" (49.с.309), устанавливается новое темпоральное мышление, которое неизбежно задает ускорение всему последующему ритму человеческой цивилизации. Расцвет городской культуры повлек за собой растущее дифференцирование целостной картины мира, вычленение противоположных тенденций мировосприятия - научного и религиозного.

В XX веке сила пара, электричества, магнитного поля, рентгеновских лучей вытеснила энергию духа из жизни человека, сделав его "рабом динамо-машины". В "Воспитании" Адамс спрашивает себя и своего читателя стал ли мир от этого лучше и почему человечество по-прежнему совершает фатальные и преступные ошибки, а "убийство было, есть и всегда будет последним словом прогресса" (3.с.563)? Куда ведет нас путь, по которому следует современная цивилизация?

Хвалебная песнь во славу Средневековья, пропетая автором в "Мон-Сен-Мишель и Шартре", концепция гармонического соотношения внешних движущих энергий и человека - это путешествие в виртуальный, смоделированный мир творческой фантазии. Как ученый Адамс признавал, что возврат к прежнему состоянию человеческой истории невозможен, согласно его же собственной динамической теории и закону об энтропии Вселенной. Однако истинному патриоту и гуманисту, коим Генри Адамс, несомненно, являлся, было сложно смириться с мыслью о регрессивном,

деструктивном характере всеобщей истории. Возможно поэтому, не желая завершать книгу своей жизни на пессимистической ноте, он длит ее за границы своего физического существования. - "Воспитание завершилось... и теперь лишь за далеким горизонтом можно было бы оценить, чего оно стоило, или начать все с начала... Но быть может, когда-нибудь - скажем в 1938-м году, в год их столетия, им позволят провести на земле хотя бы день... и, возможно, тогда впервые с тех пор, как человек, единственный из всех плотоядных, принялся за свое воспитание, они узрят мир, на который ранимые и робкие натуры смогут смотреть без содрогания" (3.с.602).

Примечания:

1. Стеценко Е.А. Судьбы Америки в современном романе США. М., 1994
2. Гегель Г. Философия истории. Соч. в 8 тт. М.-Л., 1935, т.8
3. Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
4. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983
5. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994
6. Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х тт. М., 1989, т.1
7. см. Фукидид. История. Л., 1981
8. см. Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1971, т.2
9. В книге Киссель М. А. Новая история Джамбаттисты Вико. М., 1980
10. см. Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1971, т.3
11. см. Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1971, т.4
12. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992
13. Историография Нового времени стран Европы и Америки. Под ред. Б.Г. Вебера. М., 1987
14. см. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964

15. Николукин А.Н. Живой свидетель истории США // Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
16. Цит. по: Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964, с. 124
17. см. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли, т.Ш, М., 1963
18. Adams H. Essays in Anglo-Saxon Law. N.Y, 1876
19. Adams H. The Tendency of History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949
20. Adams H. Selected Letters. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1992
21. Blackmur R. Henry Adams. N. Y., 1980
22. Спиллер Р. Генри Адамс // Литературная история США. В 3-х тт. М., 1979, т.3
23. Samuels E. Henry Adams. The Major Phase. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1964
24. Porter C. Seeng and Being // The Plaght of the Observer in Emerson, Jams, Adams and Faulkner. Middletown, 1981
25. Wasserstom W. The Ironies of Progress: Henry Adams and the American Dream. Illinois, 1984
26. Koreneva M. Henry Adams and the Crisis of Traditional Ideals of American Democracy // Potsdamer Forschungen. Wissenschaftliche Schriftenreihe der Padagogischen Hochschule "Karl Liebknecht" Postdam. Reihe A-Heft 51, 1982
27. Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960
28. Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992, с.106
29. Цит. по: Godkin E.L. Imperialism and Democracy in America. N.Y., 1932, p. 147
30. Джефферсон Т. Записки о Виргинии // Библиотека литературы США. М., 1993

31. Цит. по: Godkin E.L. Imperialism and Democracy in America. N.Y., 1932, p.154
32. Adams H. The Education of Henry Adams. Boston, 1961
33. Андреев Л.Г. От “заката Европы” к “концу истории” // ”На границах”. Зарубежная литература от Средневековья до современности. М., 2000
34. Мэйтленд Иди. Недостающее звено // Возникновение человека. М., 1987
35. Adams H. A Letter to American Teachers of History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949
36. Американская культура на пороге XX столетия. М., 1995
37. см. Руднев В. Морфология реальности. М., 1996, с.39
38. Больцман Л. Лекции по теории газов, Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961
39. см. Adams H. The Rule of Phase Applied to History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949, p. 274
40. Монтень М. Опыты. В 3-х тт. М., 1979, т.1
41. Термин "биологическое" время впервые был введен А. Бергсоном // Бергсон А. Избранные труды. М., 1964
42. см. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964, с.35
43. Венедиктова Т.Д. Литература на пороге "века толп": "новый человек" как читатель и писатель // "На границах". Зарубежная литература от Средневековья до современности. М., 2000
44. А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1984
45. Данилова И.Е. От средних веков к Возрождению. М., 1975
46. Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг., 1918
47. Харитонович Д.А. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык Средневековья. М., 1982
48. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в средневековом искусстве. М., 1980

49. Adams H. Mont-Saint-Michel and Chartress. N.Y., 1992
50. Introduction of Mamford M. // H. Adams. Mont-Saint-Michel and Chartress. N.Y., 1967
51. Коренева М.М. Творчество Э.Тейлора и пуританская традиция // Истоки и формирование американской национальной литературы XVII-XVIII веков. М., 1985
52. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976
53. Лясковская О.А. Французская готика. М., 1973
54. Цит. по: Руднев В. Морфология реальности. М., 1996

Глава 3. "Воспитание Генри Адамса": от поэтики текста к философии истории

У каждого художника своя вселенная, свой уникальный мир, исследовать который можно только при условии синтеза - гармоничного слияния смыслового, образного и стилистического планов. В данной главе мы попытались охарактеризовать одно из самых сложных и многоплановых произведений американской литературы - "Воспитание Генри Адамса" - в свете его художественных особенностей, неразрывно связанных с философскими воззрениями автора. Американские и отечественные исследования "Воспитания", как правило, строились по традиционному хронологическому или жанровому принципам, ограничиваясь разбором проблематики, либо анализом какой-то отдельной категории поэтики (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8). Осмелимся дать свое толкование художественной палитры "Воспитания", предлагая его как один из возможных вариантов анализа.

Сложность и многогранность "Воспитания Генри Адамса" объясняется использованием автором целого ряда художественных приемов: особой ролью Адамса-рассказчика и Адамса-героя (авторское *ego* и *alter ego* главного действующего лица), наличие нескольких повествовательных планов, хронологического принципа построения повествования, организации сложной пространственно-временной модели произведения. Художественное воплощение философских, социальных, этических, эстетических вопросов, над которыми билась Америка его времени, автор осуществляет с помощью символов, аллегорий, ассоциативных рядов, иронии, гротесковых метафор, аллюзий, проспекций и ряда других средств художественной выразительности, характеризующих своеобразие автобиографии Г. Адамса.

"Любая автобиография, - по замечанию Дж. Гасдорфа,- это прежде всего анализ прожитой автором жизни в контексте конкретной исторической эпохи. Осуществлению данной задачи способствует, в первую очередь, хронологический принцип построения текста, являющийся для этого жанра центральным" (9.с.12). Следовательно, имеет смысл начать наш разговор с категории времени в автобиографии Г.Адамса. Взаимодействие бытового, исторического, эпического, условного и мифологического планов в структуре "Воспитания Генри Адамса" предполагает взаимодействие трех основных временных планов - план реконструкции прошлого, план условного настоящего повествователя, параллельно сосуществующий с воспоминаниями прошлого, и план предполагаемого будущего.

Наблюдение за кратким отрезком времени часто не дает увидеть общее изменение, поэтому чтобы показать читателю историю как движение, как процесс, Адамс превращает "Воспитание" в некий сгусток всемирной истории. Время и пространство - универсальный язык для формирования исторических и философских выводов автора. Ю. Лотман пишет, что "пространственно-временная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия", и что "система пространственно-временных отношений становится языком для выражения идейных категорий" (10.с.435).

Разнообразные факты и сведения, многочисленные пространственные перемещения, приводимые в "Воспитании", обуславливают создание многоплановой повествовательной структуры, которая располагается в собственной системе пространственно-временных координат. Для произведения характерно использование самых разных временных планов, их сложное взаимодействие друг с другом. Они пересекаются, скрещиваются или контрастируют между собой. Подобное взаимодействие временных планов внутри общей линейной композиции "Воспитания" заслуживает особого внимания.

Время как художественная категория используется в автобиографии Адамса для характеристики социальной истории или создания разнообразного по своей наполненности фона произведения, так и для глубокой характеристики общества. Время в "Воспитании" можно рассматривать не просто как прием конструирования сюжета, но и как вполне самостоятельный образ.

Организацию сюжета определяет прежде всего историческое время. Отмечая его соотнесенность с индивидуальным бытием, можно проследить связь между обществом и героем, подчеркивая непереносимость ощущения автором жизненно реального, конкретного времени, которое и называется историческим. Данный тип времени в "Воспитании" характеризуется установкой на описание событий, лиц окружения Адамса-героя. При этом собственно исторические события, выстроенные в определенной последовательности соотнесены с авторским замыслом Адамса-наблюдателя. Автор реконструирует события, объединяя их историческими причинными связями, в результате чего и воссоздаются нравы и психология людей целой эпохи: "эта книга - история воспитания Адамса, а Адамс, как мог, старался образовать себя под стать своему времени" (11.с.323). Уильям Декер считает, что "одним из главных героев "Воспитания Генри Адамса" является Время" (4.с.208).

Черты эпохи возникают перед читателем без каких-либо пояснений, как нечто само собой разумеющееся. Адамс просто рассказывает о прошлом, последовательно описывая произошедшее с ним. Пространство памяти заполняется образами прошедшей эпохи, её знаками, появившимися в то время "новинками" - поездами, пароходами, электричеством, магнитными полями, атомами, рентгеновскими лучами, летательными аппаратами, динамо-машинами и т.д.

Подобная конкретизация действия обусловлена и соотнесённостью событий личной жизни Адамса с историческими и общественными явле-

ниями, ведь при изложении событий возникает весьма сложное соотношение прошлого и "сегодняшнего" опыта. Данное обстоятельство обуславливает и четкую временную дистанцию между повествователем и автобиографическим героем.

Поэтому в "Воспитании" оказываются возможны переходы в другие формы времени, в личное и эпическое. Так Адамсом достигается определённая степень обобщения описываемого. С другой стороны, события отдаленного прошлого воспринимаются весьма конкретно и определённо. Поэтому и возникает двойственность восприятия времени - как личного и исторического одновременно, когда происходящее с Адамсом включается в общий исторический поток.

Следовательно, историческое время выступает как бы в нескольких проявлениях. С одной стороны, оно существует само по себе, в виде исторического фона, основная функция которого - помочь ввести в действие, организовать внутреннее пространство произведения, где отдельные события выступают в виде точек отсчета. Второе бытование исторического времени в "Воспитании" возможно в его соотнесенности со временем личным или биографическим, когда оно проявляется как указание на события в виде опорных повествовательных сигналов, характеризующих процесс воспитания героя.

В главах, посвященных детству, исторический контекст представлен опосредованно (второстепенно). Подобное восприятие действительности, по мнению специалистов, объясняется специфическими (возрастными) особенностями детской психики. В других частях произведения, посвященных становлению авторского "я", вхождению Адамса в социальный, политический и культурный поток, исторические события, прожитые автором, не просто упоминаются, но подробно описываются и комментируются.

Соотношение исторического и эпического времен проявляется прежде всего через ретроспекцию. Данное понятие обозначает взгляд автора из настоящего в прошлое, при котором создается как бы обратная перспектива времени. Наряду с исторической перспективой, ретроспекция способствует появлению отстраненности повествователя, его взгляда на события со стороны. Ретроспекция является ведущим сюжетообразующим приемом Адамса.

"Память следует рассматривать как носителя ретроспективной информации о событиях прошлого, - пишет Дж. Олни в своем исследовании. - Одни впечатления тускнеют, другие приходят им на смену и со временем реальные связи между событиями утрачиваются, в результате чего в сознании автора и возникает некоторый образ прошлого. Именно память помогает корректировке изображаемого, придавая воссоздаваемой картине иллюзию объективности" (12.с.8). Марсель Пруст считал, что память "дает не фотографическое воспроизведение прошлого, а его суть" (13.с.92).

Соединяясь со временем в виде организующего приема, память у Адамса выступает и как тема, и как организующее начало, необходимое для отражения философских, нравственных, этических представлений автора.

В целом же происходит масштабная реконструкция прошлого. Ведь для создания той модели, о которой говорилось выше, Адамс проводит строжайший отбор, а за тем определенное обобщение фактов. Очень интересно о реконструкции исторического сознания рассуждает Элизабет Брасс. Она отмечает, что если событие воспринимается самими современниками, участниками исторического процесса как значимое для истории, то ему придается значение исторического факта, что в свою очередь, "заставляет увидеть в данной перспективе предшествующие события как связанные друг с другом" (14.с.36). Отбор же и осмысление прошлых собы-

тий производится с точки зрения настоящего: "Прошлое... организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего" (14.с.38).

Второй причиной введения Адамсом ретроспекции можно считать наличие временной дистанции, когда точка наблюдения располагается после описываемых им событий и в то же время, как отмечалось, Адамс одновременно присутствует и внутри события и вне его. Он и рассказчик, и персонаж, включенный в единую причинно-следственную и пространственно-временную связь. Благодаря этому и происходит видение событий сразу в нескольких временных плоскостях. Оно приводит к появлению определенной дистанции, с которой Адамс рассматривает события и героев, что в свою очередь, обуславливает введение исторической перспективы. Прием ретроспекции в "Воспитании" становится основным для воспроизведения мира сегодняшнего и мира вчерашнего, каждого со своими собственными оценками и критериями восприятия действительности. Отсюда и вытекает задача конструирования плана внешнего и внутреннего. Историческое время становится своеобразным определителем плана конкретного или реального. Главный действующий герой изображается во временном потоке определенной исторической обстановки.

Многофункциональность ретроспекции способствует введению проспекции. Она проявляется в углубленном представлении автора о жизни своего героя. Ретроспекции обеспечивают свободное перемещение Адамса-героя во времени (в разных временных плоскостях). При этом переход в другой временной пласт происходит как в форме физических перемещений в пространстве, так и в форме виртуальных экскурсов во времени и пространстве. В таком виде читателю "Воспитания" легче постичь "связь времен", представить в воображении единую перспективу разных временных пластов - ретроспекции, настоящего и проспекции. При этом следует учитывать "фактор несовпадения" реального времени и времени повествовательного. План "настоящего" на самом деле относится к

фактически прошедшему (по отношению к моменту написания автобиографии) времени, а то, что условно можно обозначить как "будущее", является настоящим или тем самым моментом, с позиций которого Адамс рассматривает происходящее.

Таким образом, исследование проблемы исторического времени в "Воспитании" позволяет говорить о появлении перспективы времени. Внешним признаком её организации становится переключение времен, создание условной ситуации, когда в сознании читателя сосуществуют прошлое, настоящее времени повествователя и будущее (возможность движения из прошлого).

Часто прошлое вводится Адамсом с помощью постоянного сопоставления - тогда/теперь. Подобные ремарки, обозначающие "выходы" автора из прошлого к событиям настоящего и даже будущего, раздвигают временные рамки и превращают конкретное повествование в концентрированное философское размышление о жизни, о месте личности в происходящих событиях. Чаще всего подобное расширение повествовательного фона и переход в эпический или философский планы происходит, когда время воспринимается как эпоха. В "Воспитании" наблюдаются самые широкие временные параллели. Появление эпохального времени отражается через появление таких образов, как Вечность, Космос, Вселенная, Энергия, Сила, Хаос. Концентрация на одном временном отрезке невозможна, поскольку постоянно происходит укрупнение отдельных событий, введение разнообразных ассоциативных связей, параллельное изображение судеб.

Эпический повествовательный план и соответствующая ему временная система появляются при постепенном усложнении в произведении пространственно-временных отношений, нарастании подробностей в описании событий, когда многое получает все более отчетливый и ясный облик, а вокруг Адамса-героя очерчивают свои круги новые персонажи.

Эпическое время вводится и когда Адамс переходит к обобщению: от разговора о судьбе конкретной личности к анализу судьбы поколения (например, в размышлениях о Кларенсе Кинге или о Джоне Хейе). Эпический фон, соседствуя с философским планом, вносит в повествование характерологическую функцию.

Ещё один вариант времени, присутствующий в "Воспитании" - так называемое биологическое время, которое неразрывно связано с детским мировосприятием героя. Здесь можно говорить о наличии особого ("детского времени") внутри "Воспитания". Мир ребенка тесно взаимосвязан с миром природы, биологическое время в главах, посвященных детству Адамса, оттесняет историческое на второй план. По мнению психолога В.В. Знакова "детскому сознанию несвойственно осознание себя в историческом процессе, оно воспринимает его опосредованно, интуитивно" (15.с.129). Поэтому биологическое время приобретает особую значимость именно при описании начального процесса становления личности. Ощущение себя в историческом потоке на данном этапе воспитания минимально.

Маленького Генри ставит в тупик замечание садовника по поводу того, что "и он небось метит со временем попасть в президенты" (11.с.24), непонятно ему и то, почему все называют дедушку "господин президент", а бабушку "госпожа президентша". Говоря о Бостоне и Куинси, Адамс подчеркивает, что его пристрастия никоим образом не определялись личными мотивами. Различия сводились не к политическим или экономическим оценкам, а к детским ассоциациям, уводящим в сферу подсознательного: "Город воплощал в себе подчинение, регламент, единоначалие. Жизнь за городом, всего в семи милях от Маунт-Вернон-стрит, несла свободу, разнообразие, мальчишескую вольницу, нескончаемые радости, доставляемые одним лишь соприкосновением с природой... В Бостоне всего этого не было" (11.с.14).

Организуя материал подобным образом, автор рисует свойственный юному Адамсу романтический взгляд на мир. В главах, посвященных детству, более всего видна дистанция между героем и автором, оппозиция взрослого и детского сознания. Повествователь корректирует созерцательное восприятие героя-ребенка, происходит соединение непосредственного способа видения с ретроспективной оценкой. Можно сказать, что эта часть автобиографии относительно самостоятельна в сюжетном и стилевом плане и замкнута именно на воспроизведении своеобразия данного возрастного состояния.

Очевидно, что если автор достаточно подробно и обстоятельно переходит от одного временного состояния к другому, он показывает и степень осмысления героем событий, и своеобразие понимания социальных и общественных явлений. Личное, субъективное в таком преломлении объективизируется, предстает как общее, временное, эпохальное. Выше нами отмечалось, что историческое время выступает как ведущее, сюжеттообразующее начало. В нем используются основные приемы, необходимые для организации пространственно-временных координат. Именно с их помощью автор организует композицию "Воспитания" и осуществляет переход от одной формы времени в другую (в частности в эпическую, биографическую, биологическую, мифологическую).

Историческое время является основным и доминирующим при реконструировании Адамсом прошлого, однако в ходе нашего анализа становится очевидно, что мы одновременно говорим о стыке времен, предусматривая постоянную возможность перехода автора в иные повествовательные планы со своей системой времен. Выстраивая повествование на чередовании отдельных картин, Адамс вводит одновременно сразу три временные плоскости: настоящее, прошлое и предполагаемое будущее. В результате этого достигается эффект масштабности, безбрежности времени.

В том случае, когда повествование выходит за пределы конкретно-исторического пространства, проблема текущего времени сопрягается с мифологическим. Тем самым глубже определяется связь с былым и одновременно устанавливается надвременность изображаемого, когда жизнь конкретной личности воспринимается в контексте общечеловеческой истории. Личные и исторические события, пережитые и увиденные Адамсом, образуют опорные ряды, каждый со своей пространственно-временной системой. В процессе восстановления прошлого, к ним добавляются новые события, происходит смещение временных пластов, и в результате образуется единый поток сознания, на котором и строится повествование.

При этом события прошлого и настоящего воспринимаются как единое текстовое пространство, протяженное из далекого прошлого в настоящее. Восприятие себя как универсального человека, свободно живущего в разных мирах (в силурском периоде ганоидной рыбы *Pteraspis*, в средневековом Шартре Девы Марии и Фомы Аквинского, в хаотическом сверхчувственном XX столетии), обуславливает возникновение в повествовании Адамса разомкнутой модели мира. Миф используется автором для углубления основного плана, усиления основного значения и расширения возможностей использования форм времени (это происходит путем взаимопереходов временных планов и их смещения). Мифологическое время можно, с определенной точки зрения, считать универсальным, поскольку оно пересекается с остальными временами, иногда вбирая их в себя. Появление мифологической ситуации в "Воспитании" оказывается возможным и потому, что лишенный стабилизирующих связей, десоциологизированный, одинокий и смятенный современный человек ищет опору в минувших веках и начинает ассоциировать себя с опытом человека первобытного, античного или средневекового времени. Таким образом, в автобиографии Генри Адамса обозначена действительность, фиксирую-

щая наступивший в начале XX века хаос бытия как событие исторической космогонии. Т.С. Элиот писал: "Использование мифа, проведение постоянной параллели между современностью и древностью... ни больше, ни меньше, чем способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история" (16.с.163).

Мифологические мотивы проявляются в тексте "Воспитания" разными способами. Во-первых, на структурном уровне, когда вводятся разнообразные мифологические образы (античной, библейской, европейской мифологии). При этом типичным приемом становится метафора, дополняемая, как правило, цветовым эпитетом. Особую роль играют ключевые слова, становящиеся основой различных описаний. Расширение значения образа происходит через введение смыслового подтекста, реализуемого посредством ассоциативных рядов. Например, говоря о свойственной человеку жажде познания и тщетности подобного рода притязаний, он выстраивает следующий ассоциативный ряд: Эдем, Адам и Ева, семена первородного греха, утрата благодати, Мафусаилов век... Другой ассоциативный ряд иллюстрирует атмосферу XVIII века, представлявшую для автора особую духовную ценность: Первая церковь, Джон Хэнкок и Джон Адамс, Куинси, революционные патриоты, предки, дедушки и бабушки, президенты, дипломаты, красное дерево времен королевы Анны, кресла Людовика XVI, портреты кисти Гилберта Стюарта...

Во-вторых, мифологичность мышления проявляется в мироощущении главного героя, с точки зрения которого изображается окружающий мир. Посредством мифологических приемов мышления, автор глубже прослеживает свои связи с действительностью. Следует помнить и о том, что при мифологичности мышления воссоздаваемая картина основывается на законах мифа, схема которого разворачивается перед читателем и насы-

щается персонажами, основанными на мифологемах и образах из разных мифологических систем.

Необходимо также отметить, что традиционные образы (из библейской, античной, восточной, западноевропейской мифологии) сосуществуют в "Воспитании" с собственно авторскими. Конкретная историческая фигура - Адамс - выполняет функции вечного образа. Уже с первых строк автор в соответствии с главной темой - поиском знаний, в данном случае воспитания, рассматривает Адамса-героя как библейского Адама (11.с.20). Подобная аналогия неслучайна. С самого начала произведение строится на противопоставление мотива "правильного" пути, "правильного" воспитания, позволяющего жить в гармонии с окружающим миром и с самим собой, мотиву утраченной благодати и дисгармонии с Абсолютом. Далее Адамс расширяет ассоциативно-смысловой ряд при помощи следующих вечных образов: Блудный сын, Прометей, Фауст, Гамлет, Парцэфаль, Ланселот, Тейфельсдрек (11.с.26, 273, 279, 392, 458, 459, 490).

Особое место у Адамса занимает мифологема сада. Традиционная и органичная для пуританства, как в целом и для всего христианства, в "Воспитании" она передает идеи автора об обществе, цивилизации, путях и возможностях их развития. Так в "Воспитании" автор рисует образ сада, дары которого не используются в полной мере. Будучи ребенком, Генри собирал лучшие плоды в саду для Джона Куинси Адамса, занимавшегося псевдоселекцией: "Генри Адамс с грустью смотрел на отборные персики и груши, вдыхая их аромат: он знал, что президент возьмет их на семена и поместит на полку, где они превратятся в гниль. Тем не менее, унаследовав добродетели своих предков-пуритан, маленький Адамс сам относил дедушке в кабинет лучшие персики, найденные им в саду, а ел те, что похуже" (11.с.22). На наш взгляд, это не просто эпизод из детства автора - скорее символическая картина американского общества, в котором высокие идеи не всегда находили свое реальное воплощение.

Еще одной характерной особенностью "Воспитания" является частый переход образа на уровень символа. Подобная ситуация, как уже отмечалось, рождает сложные ассоциативные ряды и позволяет одновременно включить огромное количество действующих лиц и более подробно обрисовать внешний фон. Символ связывает начала, принадлежащие к разным параллелям (единство XIII столетия - Дева Шартра, множественности XX - динамо-машина). А. Белый определил символ как "третье двух миров, пересечение параллелей в крест с точкой духовного мира в центре" (17.с.419). Символ всегда больше видимого. К. Юнг пишет: "Термин или образ символичен, когда он означает больше, чем выражает или определяет. У него есть более широкий "несознательный" аспект, который не поддается точному определению или полному объяснению. Причина заключается в том, что, объясняя символ, разум, в конце концов, приходит к идее трансцендентального..." (18.с.58). Символ позволяет кратко сказать о многом. Одним из его преимуществ является экономичность и стенографичность выражения мысли, когда через конкретный предмет или явление читатель проникает в изначальное, в духовное.

Символ у Адамса неразрывно связан с мифом. Трудно представить миф, который не содержит символ или не подпитывается символическим, скрытым значением. Так, например, с мифом у Адамса связана не только символика его имени (Адам), о которой мы уже говорили, но и символика цвета. Детские воспоминания автора выдержаны в теплых, ярких тонах, олицетворяющих жизненную энергию, силу, веру в себя и окружающий мир, гармоничное, созидательное единение с ним. Знакомство со взрослым миром, проблема нравственного, социального, политического и культурного воспитания еще предстоит, а пока в мире Генри светит "полыхающее пожаром массачусетское солнце" и пылает "пунцовый пион с предутренней росой на лепестках"; любимый Куинси с "ярко-желтым кухонным полом, на котором он сидит в ярком солнечном пятне и видит, как входит те-

тушка, держа в руках блюдечко с печеным яблоком" (11.с.11, 15). В дальнейшем теплым цветом, символизирующим состояние гармонии и счастья Генри-ребенка, придет на смену палитра взрослого мироощущения, состоящая из холодных, серых тонов.

Соотношение, соположение микро- и макроструктур, взаимоотношение низшего и высшего, человека, его включенность в социум, планету, мир - все это легко формулируется Адамсом через символ корабля и океана. Соединяя этот символ с символом "жизнь - пустыня", Адамс добивается высокой эмоциональной и идейной насыщенности. - "Генри знал: чтобы пробиться через зыбучие пески житейской юдоли, ему надо держаться курса, который прокладывает отец; но где отец ясно видел фарватер, Генри зрил неведомый океан. Делом жизни отца было провести государственный корабль мимо опасных рифов - власти рабовладельцев..." (11.с.36).

Другим стилевым приемом Адамса, выражающим философский строй мышления автора, его видение окружающего мира, а также участвующим в расширении пространственно-временных координат, становится метафора. Причем она выполняет не только номинативную функцию, как при создании метафорического ряда, но и репрезентативную. И здесь можно согласиться с мнением Томаса Кули о том, что "метафора в "Воспитании" переводит обычные будничные явления и вещи в философский план" (19.с.64). Он полагает, что подобное мировосприятие "свойственно художникам, склонным к парадоксальному типу мировосприятия и прибегающим к использованию метафоры как средству эпизации" (19.Там же).

Вообще, высокая метафоричность произведений автобиографического жанра, на наш взгляд, объяснима осознанной мифологизацией действительности. Подобная ситуация предполагает разное прочтение, так как субъективный опыт автора воспринимается каждым читателем по-своему. И даже сам создатель автобиографии одно и то же событие может представить с помощью разных систем метафор, ибо общеизвестна спо-

способность метафоры воплощать сложнейшие философские построения художника. В.Б. Земсков задает вопрос: "Как литература может иначе философствовать, если не языком метафоры, условной формы, в том числе и с помощью мифометафоры?" (20.с.354).

Прибегая к метафоре (которая как ничто другое обладает способностью выражать парадоксы), Адамс пытается решить задачи, которые ставит перед художником противоречивый XX век. Возникая в силу глубинных особенностей человеческого мышления, метафора становится в "Воспитании" блистательным аппаратом познания мира в его сущностных взаимосвязях, средством, позволяющим воплотить эти знания в художественную ткань. Х.Ортега-и-Гассет считает, что от сопряжения в метафоре двух разных сторон, обычное становится сверхреальным, а сверхреальное - живым из-за внесения в него повседневного и знакомого (21).

При помощи метафоры Адамс меняет наш способ смотреть на изображаемое, раскрывает глубинные структуры реальности, дает возможность иметь две разные точки зрения в одно и то же время. Уже с первых строк, читатель входит в нескончаемый поток метафорических оборотов, пронизывающих художественную ткань произведения. Сравнивая воспитание с костюмом, автор говорит: "Портной подгоняет одежду по желанию патрона-заказчика. Цель, которую ставит себе портной в этой книге, помочь молодым людям обрести широкие познания о жизни, а одеяние, которое здесь демонстрируется, пусть покажет им все недостатки лоскутного наряда, который носили их отцы" (11.с.6). Вообще, говоря, о воспитании, Адамс, осознанно или нет, создает метафору за метафорой. - "Воспитание вновь распалось на куски, и ему, как пауку, которого стряхнули метлой, нужно было все начинать сначала - новую паутину на новом месте и с новыми связями" (11.с.252); "задачи-кролики, связанные с воспитанием, обступили его со всех сторон и тут же, не успев выскочить из сотен норок, бросились врассыпную прежде, чем Адамс смог проследить, куда они скрылись" (11.с.307); "из всех

цветов, выращиваемых в садах воспитания, доверие попадалось все реже и реже" (11.с.177); "Редьярд Киплинг обрушил на него неиссякаемый поток веселья и остроумия - и засохшую, увядшую бегонию словно обдали из садового шланга благодатной струей. Для Адамса подобный вариант воспитания оказался новым" (11.с.381) и т.д.

Наибольшей степенью метафоричности характеризуются те части произведения, которые повествуют о сложном и противоречивом (с точки зрения нравственности) политическом воспитании героя. На наш взгляд, это не случайно. Можно сделать вывод, что сатирическая окрашенность подобных метафор - результат острой эмоциональной рефлексии автора на происходящее. Зачастую негативные оценки автора относительно мира политики достигают такой степени сатирического заострения, которое позволяет говорить о некоторых элементах гротеска в "Воспитании". И это не просто одна из стилевых особенностей данного произведения, но нечто большее, объясняющееся не личными пристрастиями автора, а скорее миром, окружающим его. "Когда все вокруг представляется абсурдом, когда разрушается привычная система, - считает Кайзер, - тогда гротеск становится художественным выражением отчуждения человека от враждебного, иррационального мира" (22.с.69)

При восприятии Адамсом мира как чужого, непонятного и безнравственного сатира и гротеск становятся адекватными ему художественными принципами. Они помогают увидеть явления в их истинном свете, обнажая внутреннюю суть чего-то привычного и, казалось бы, приемлемого. Сочетание двух колоссальных по своим возможностям приемов - метафоры и гротеска - помогают автору показать несовершенство тех или иных общественных институтов и отдельных личностей. Так, явления, представлявшиеся нормальными, видятся сквозь призму гротесковых метафор Адамса нелепыми, а порой и преступными. Проиллюстрируем вышесказанное примерами из текста: "Не успели южане бежать, как тьма

стервятников ринулась вниз, затмевая землю, и принялась рвать клоки и куски, жир и мясо из разлагающегося трупа политического протекционизма прямо на самих ступенях Белого дома" (11.с.133); "13 мая 1861 года миссия прибыла в Лондон: семья ранних христиан-мучеников, готовых к тому, что их бросят на съедение львам под ликующим взором Тиберия-Пальмерстона" (11.с.138); "средние британцы - и американцы - любят чтобы их потешали, а разве не потеха, когда всяких там иностранцев в лентах и звездах поднимает на рога, подбрасывает и бодает этакий жовиальный, разгулявшийся забияка - британский бык" (имеется ввиду лорд Пальмерстон - примечание И.Ш.) (11.с.161); "газетные сороки зорко следили за поквартальной наживой" (11.с.282); "теперь Адамсу предстояло растративать свою энергию на расчистку авгиевых конюшен американского общества, выгребая мерзость коррупции, которую этот второй Вашингтон, несомненно, будет без конца плодить" (речь идет о президенте Гранте - примечание И.Ш.) (11.с.326).

Наряду с гротесковыми метафорами, Адамс широко использует для разного рода разоблачений комическое и ироническое. - "Американское общество всегда пыталось почти вслепую, словно дождевой червь, - познать себя и понять, силясь не оторваться от собственной головы и, отчаянно извиваясь, чтобы не упустить из виду свой хвост" (11.с.288); "мало, что могло сравниться с риском, которому подвергся юный комарик - личный секретарь, - пытавшийся прожужжать свое восхищение в уши обоим мужей сената, не ведая, что каждый из них мгновенно прихлопнет его, как только узнает о сочувствии другому" (11.с.126).

Ироническое изображение составляет характерную стилевую особенность "Воспитания", удовлетворяющую не только художественные пристрастия автора, но и заключающую в себе особую смысловую нагрузку. Кассирер писал об иронии как о "философско-метафизическом принципе позволяющем раздвинуть сцену частной жизни определенной ограничен-

ной эпохи до предельно универсальной общечеловеческой сцены" (23.с.72). Подобная "сцена" и позволяет Адамсу делать глобальные выводы о законах, движении истории человечества.

За счет "размывания" исторического времени и конкретики места, Адамс усиливает вневременное, внепространственное, вечность и бесконечность придают общезначимый масштаб происходящему. Помимо масштабного расширения пространства, "Воспитанию" присуще и сужение его до размеров маленькой сценической площадки, которой через символ и мифологему придается статус сцены универсума, что также способствует, на наш взгляд, философскому обобщению. "Стягивая" времена в одну точку, показывая две эпохи, далеко отстоящие друг от друга, он дает свою модель эволюции мира. Подобный прием демонстрируется автором в главах XXIX и XXXII: "Адамс обратился к Мадонне Шартрской и просил её дать ему возможность узреть бога воочию, лицом к лицу. Мадонна ответствовала, как всегда, ласково, словно современная молодая мать, терпеливо снисходящая к мужской бестолковости: "Знаешь ли ты сам, добрый мой отшельник, чего ищешь? Я и он - едины. Мы - Любовь. Другие энергии, коих бесчисленное множество, нас не касаются... Таков был её ответ, но слова Мадонны звучали не убедительно, и Адамс пошел за ответом к Фоме Аквинскому" (11.с.511); "однажды вечером, в разгар лета, когда наш паломник шел по улицам Труа, погруженный в дружески доверительную беседу с Тибо Шампанским и его высокоумным сенешалем Жаном де Жуанвиллем, его внимание вдруг привлекли несколько зевак, разглядывающих газетную вырезку в окне. Подойдя поближе, Адамс прочел, что в Петербурге убит министр Плеве. Все перемешалось в мыслях - Россия и крестоносцы, ипподром и Ренессанс, мученики и мучители, всевозможные цезари, святые и убийцы - одни в витражах, другие в газетах, - какая хаотическая смесь времен, мест, нравов, силы, побуждений!" (11.с.563). В данном случае Адамс-герой является непосредственным участником скон-

струированной им самим же виртуальной реальности, где слиты воедино разновременные исторические плоскости и персонажи.

Ситуация типичная для "Воспитания": Адамс-герой тесно и гармонично вплетен в сюжетную канву произведения. Иначе обстоит дело с Адамсом-рассказчиком. Повествуя в форме третьего лица единственного числа, приняв статус стороннего наблюдателя, он помещается над текстом. Таким образом, кардинально меняется ракурс видения, масштабы видимого, позиция верх/низ с целью внушить читателю мысль о неоднозначности выводов. Спорность конкретного жизненного опыта и воспитания Адамс-героя неоднократно подчеркивается Адамсом-повествователем с позиций временной отстраненности и расположения над пространством текста. Вследствие такой позиции, читатель также воспринимает происходящее в той или иной степени релятивно. Постоянно смещая точку зрения, автор показывает свое восприятие мира, в котором нет догматизма и косности "конечных истин". Подобное соотношение автора и героя придает "Воспитанию" идейную и сюжетную "полифонию".

Немаловажное значение в структуре исследуемого нами произведения занимают ритм, пауза, формулы умолчания. Это воздействие идет поверх смыслового аспекта слов. Ритм оказывается категорией смыслообразования при определенном интонировании и акцентировании какого-либо выразительного элемента повествования. С ритмом тесно связана композиция. Она сама во многом организует ритм, способствует возникновению гармонии или дисгармонии, соответствующих авторскому самоощущению в мире.

"Воспитанию Генри Адамса" свойственна асимметрия, сравнительно свободная связь между частями, применение контраста для формообразующего построения, инфинитная разомкнутая модель. Все это, на наш взгляд, подчеркивает ощущение потерянности, отчужденности автора, непонимание окружающей его действительности. Так, Адамс на раз-

ных отрезках текста нарочно форсирует темп повествования, сбивая "текстовый пульс" или, наоборот, задерживает его на долгие двадцать лет, которые Кэролайн Портер, назвала "состоянием творческой комы" (24.с.90). В данном случае речь идет о ритмической паузе, разделившей "Воспитание" на две совершенно отличные друг от друга части: до главы XX ("Провал") и после нее. Меняя ритм повествования, автор демонстрирует читателю насколько сильно изменился его внутренний мир после трагического ухода Мэрион Адамс.

Немаловажную роль в тексте "Воспитания" играет деталь. Существовая в составе описания, выполняя основную функцию по объединению разнородных явлений в единое целое, она из простого знака, обозначения конкретного понятия становится органической составляющей описание, элементом развернутой целостной картины. Зачастую деталь отождествляется с подробностью: автор стремится максимально конкретизировать, уточнить, прояснить, а точнее обнажить тот или иной предмет или событие. Как ни парадоксально это звучит, но деталь у Адамса конкретизирует внешнюю сторону той или иной ситуации, лишь подводя читателя к оценке или переоценке тех или иных ценностей. В этом смысле типичны для авторской речи так называемые формулы умолчания, уводящие в подтекст.

Обилие различного рода деталей в "Воспитании" можно рассматривать как результат пересечения многих и многих образно-смысловых и ассоциативных линий. Р.Д. Цивин считает: "Деталь, будучи своего рода точкой, имеет тенденцию расширяться в круг, стремиться сомкнуться с основным замыслом вещи: характерами, конфликтами, судьбами, - и этим предать произведению желанную реальность, законченность, предельную выразительность" (25.с.127).

Так, сравнивая Бостон, как олицетворение "модного и современного детища XIX столетия", и Куинси, чьим стилем навсегда остался XVIII

век, Адамс насыщает эти два мира яркими предметами-характеристиками. Бостон: "ливреи и форменная одежда", "вечерние туалеты", плюшевые гардины", "комфорт", "ванные комнаты", "водопровод", "центральное отопление", "пар", "газ" (11.с.17). С другой стороны, милый старый дом в Куинси выражает иной мир - мир его отца, деда и прадеда: "панели из красного дерева", стулья и диваны эпохи Людовика XVI", "госпожа президентша в отделанной голландскими изразцами комнате", "бюро со стеклянными створками, за которыми виднелись маленькие восемнадцатого века томики в старинных переплетах", "тяжелый серебряный чайник, сахарница и сливочник", "аллея с самшитовым кустарником" (11.с.18,24) и т.д. Эти подробности дают читателю не только детальное описание интерьера: с их помощью автор рисует два полярных мировидения людей, живших на Стейт-стрит и в Куинси.

Большое значение в структуре "Воспитания" Адамс уделяет пейзажу. Очень часто он, как особый компонент художественного произведения, помогает сакцентировать общую мировоззренческую направленность взглядов автора. У Генри Адамса пейзаж является не только емким художественным приемом, но и помогает перевести текст на совершенно новый (философский) уровень прочтения. Так, например, летний, полный жизни пейзаж одурманивает Адамса, притупляет чувство безысходности и горечь утраты любимой сестры, подчеркивает философское осознание законов природы. - "В этом пышном, благодатном краю природа словно радовалась смерти, играла ею, ужас смерти сообщал ей новую прелесть. Никогда еще она не была такой обольстительной. Стояло жаркое итальянское лето, солнце заливало улицу, рыночную площадь, живописных крестьян, и в неповторимых красках тосканской атмосферы Апеннинские горы и виноградники, казалось, вот-вот прыснут красным, как кровь, соком. Даже комнату, где лежала больная, не покидала радость жизни... Она смотрела в

лицо смерти бесстрашно и даже весело..., как сраженный в бою солдат" (11.с.344).

Адамс постоянно ведет неявный диалог с читателем. Он состоит из образных "сигналов" (названий книг, ученых, художников, общественных деятелей, исторических личностей, библейских легенд и т.д.), которые вызывают у читателя разнообразные историко-культурные ассоциации, подключая их к непосредственно изображенной в произведении реальности. Тем самым автор раскрывает горизонты художественного мира "Воспитания", способствуя обогащению его смысловой емкости. Цитируя мнения других людей, приводя ряд аналогий с различными художественными произведениями, автор тем самым раздвигает рамки "Воспитания". Интертекст привлекает целый блок философских представлений, связанных с цитируемым произведением или ссылкой на него.

В одном ряду с цитатами находится и аллюзия, также выполняющая в "Воспитании" функцию своеобразного сигнала, необходимого для появления внутреннего плана. "Собственный смысл цитаты и аллюзии внеположен сюжету, в который они включаются, - пишет в своем эссе Дж. Гасдорф. - Столкновение, пересечение двух и более сюжетов создает возможность возникновения нового, подтекстного сигнала..." (9.с.15).

Нельзя отрицать, что тип речи, стиль повествования также тесно связаны с типом мировидения. Марсель Пруст писал: "Стиль есть аспект мировосприятия, не техники" (13.с.29). Р.Уэллек и О.Уоррен отмечают, что преобладание в тексте тех или иных частей речи, употребление единственного или множественного числа, построение простых или сложных предложений - свидетельство того или иного отношения к миру, степени "овладения им" (26). - У Адамса избыток не просто сложных, а сверхсложных предложений, с массой придаточных, свидетельствующих о видении мира, как труднодостижимой системы, запечатлеть которую в её необъятном пытается писатель. Не только синтаксис, но и лексика позво-

ляет автору неявно подвести читателя к основной идее. Через лексику Адамс передает отношение к событиям и классифицирует разнообразные временные состояния. Анализ словарного состава языка главного героя позволяет прийти к выводу, что в начале он определяется потребностью номинирования окружающего его предметного мира, но с течением времени, происходит его увеличение за счет введения политической, социальной, научной лексики.

Постоянное расширение словарного состава призвано отражать процесс познания мира. Естественно, что на начальной стадии мир героя ограничен. Поэтому в речи Адамса употребляется в основном лексика бытовая, с отдельными вкраплениями слов из других стилей. Постепенно словарный состав главного действующего лица обогащается, становится более разнообразным. Стоит подчеркнуть, что многократно повторяемая лексическая оппозиция - множественность/единство - становится в "Воспитании" ключом к главной мысли. "Язык художественного текста в своей сущности является определенной художественной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой принадлежит содержанию", - пишет Ю. Лотман (27.с.26).

На наш взгляд, нельзя не отметить и тот факт, что помимо всего прочего, "Воспитание" несет на себе некий "эмблемный смысл" (23), обеспечивающий ему своеобразное онтологическое преимущество. Мысль, отмеченная исторической необходимостью, стало быть, мысль, которая не относится к некой эпохе, а делает эпоху, является лишь в ограниченном смысле собственностью того, кому выпадает на долю её авторство. Она принадлежит всему времени; она бессознательно бродит в мышлении всех. О. Шпенглер рассуждает: "случайная частная формулировка какой-либо мысли, без которой не бывает никакой философии, оказывается со своими слабостями и преимуществами судьбой - и счастьем - отдельного человека" (28.с.127).

Л.В. Карасев в своей статье "Текст и энергия" пишет, что любое художественное произведение невозможно рассматривать вне энергетического поля идей, породивших его. - "Энергия предтекста исходно внеидеологична, внекультурна, внеисторична, она природна по определению... Текст, увиденный как событие, как энергийный импульс, оказывается местом осуществления текста-возможности. Исходный смысл, то есть соединение энергии предтекста и авторского замысла, обладает свойством неуничтожимости, поскольку именно это качество и составляет его "идею" и саму причину явления в текст. Авторская мысль, чувство, метафора соединяются с импульсом, идущим от предтекста, то есть с энергией жизненного движения и сопротивления смерти. Одно претворяется в другом: энергийный стержень входит в текст смысла" (29.с.234).

Явления исходного смысла, эмблемы "Воспитания" (в данном случае это: Единство/Множественность, Порядок/Хаос, Дева Мария/Динамо-Машина) становятся "визитными карточками" этого текста. И дело, собственно, не в размерах подобных смысловых точек, а в их "удельном весе", в способности удерживать на себе и сюжет, и весь мир повествовательных подробностей. Вполне естественно, что со временем историческая актуальность текста может "изнашиваться", "стареть", но заложенные в истинном произведении искусства онтологические стержневые проблемы позволяют ему остаться предметом "живой" литературы. Именно эти особенности (характеристики) автобиографии Адамса делают её востребованной столетие спустя.

Центральная тема "Воспитания" - тема бытия-небытия, является смысловым и идейным каркасом произведения. Автор стремится "восстановить" человека, придать его существованию гармоническое единение с миром и с собой. В этом он видит позитивное начало - "жизнь". "Смерть" - множественность, раздробленность, анархия - резко и выразительно оттеняет все то, что связано с витальностью. В этом отношении исходный

смысл, взятый Адамсом в его универсальном, предельном значении, объединяет разные исторические эпохи (авторскую и читательскую), а созданный им текст, целенаправленно отстаивает "жизнь" и не приемлет "смерть" как конечный результат всеобщей истории. Таким образом, несмотря на ярко выраженный пессимизм и разочарование в результатах собственного воспитания и конкретной исторической эпохи, Адамс, тем не менее, создает глубоко гуманистическое по своей сути произведение.

Философичен, на наш взгляд, и финал романа. Используя многоточие вместо константной точки, Адамс дает читателю надежду, возможность поиска других более успешных вариантов воспитания. Борясь с финалом, Адамс намеренно дает тексту возможность бесконечного прочтения или продолжения. "Культура сама по себе обладает правом помочь тексту извне, - считает Л.В.Карасев, - окружая его особым вниманием и, переводя в разряд творений "великих" или "вечных", она снимает не только проблему финала, но и решает вопрос о реальном присутствии текста в новых условиях, обеспечивая ему своеобразное онтологическое преимущество перед другими текстами" (29.с.237). Таким образом, можно предположить, что произведения, подобные "Воспитанию Генри Адамса" в качестве "эмблемы", выразителя некоего исходного, глубинного смысла, составляют часть огромного пространства многомерного текста мировой культуры, переходящего от одного поколения читателей к другому.

Примечания:

1. Blackmur R. Henry Adams. N.Y., 1980
2. Samuels E. Henry Adams. The Major Phase. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1964
3. Porter C. Seeng and Being // The Plight of the Participant Observer in Emerson, James, Adams and Faulkner. Middletown, 1981

4. Decker W. The Literary Vocation of Henry Adams. Corolina, 1990
5. Couser G. American Autobiography: The Prophetic Mode. Massachusetts, 1979
6. Коренева М.М. Адамс Г. // Писатели США. М., 1990
7. Коренева М.М. Адамс Г. // Проблемы становления американской литературы. М., 1981
8. Николукин А.Н. Живой свидетель истории США // Адамс Г. "Воспитание Генри Адамса". М., 1988
9. Gustorf G. Conditions and Limits of Autobiography. Essays Theoretical and Critical. Ed.J.Olney. N.Y., 1980
10. Лотман Ю. Избранные труды. В 2-х тт. Таллин, 1978, т.1.
11. Генри Адамс. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
12. Olney J. Autobiography and the Cultural Moment // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. N.Y., 1980
13. Марсель Пруст. У Германтов. М., 1980
14. Bruss Elizabeth W. Autobiographical Acts. The Changing Situation of a Literary Genre. London, 1976
15. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Психология личности в трудах отечественных психологов. С.-П., 2000
16. Элиот Т. Бесплодная земля. М., 1971
17. Белый А. Символ как миропонимание. М., 1994
18. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991
19. Cooly T. Educated Lives: The Rise of Modern Autobiography in American. Ohio, 1976
20. В. Земсков. Мерио Варгас Льоса: сознание художника и реальность // "Приглашение к диалогу". Латинская Америка: размышления о культуре континента. М., 1986
21. Теория метафоры. М., 1990

22. Kayser W. The Grottesque in Art and Literature. N.Y., 1981
23. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Form. v.1, Gale university, London, 1968
24. Porter Carolyn. Seeing and Being. Westleyan, 1981
25. Цивин Р.Д. Роль художественной детали в изображении характера. Л., 1967
26. Р.Уэллек и О.Уоррен. Теория литературы. М., 1978
27. Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970
28. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 тт. М., 1993, т.1
29. Карасев Л.В. Текст и энергия. М., 1998

Заключение

Проблема самосознания личности в окружающем ее мире - это проблема, волнующая человека на протяжении всей его истории. Каждая эпоха конструировала свою картину мира, формируя тем самым отличные друг от друга социально-политические модели и культурно-исторические пласты. Желая понять настоящее, мы всегда обращаемся к опыту прошлого. Именно это качество человеческой природы, как уже отмечалось, объясняет тот факт, что автобиография всегда была и остается весьма популярным жанром мировой литературы.

"Для чего мы приходим в мир?" "В чем смысл нашего существования?" "Каковы результаты пути длиной в человеческую жизнь?" - эти философские проблемы объединяют создателей практически всех автобиографических произведений. Попытка оценить свой жизненный опыт, как отдельный эпизод масштабного целого - это, с одной стороны, желание постичь частное, единичное, а с другой - общее, глобальное.

Еще раз напомним, что главной особенностью автобиографии XX века явилось то, что авторы стремились не просто к созданию масштабной картины жизни американского народа на протяжении нескольких десятилетий, но и ставили своей целью рассмотрение американской истории в контексте мировой, всеобщей истории. Ярким примером автобиографии подобного рода явилось произведение знаменитого историка, философа, публициста, общественного деятеля и писателя Генри Адамса. В "Воспитании" он разрушает узко националистический взгляд на историю Соединенных Штатов, анализируя пройденный цивилизацией путь в связи с общим мировым процессом. Обращаясь к прошлому человечества, Адамс пытается постичь механизмы всемирно-исторического процесса, найти причинно-следственные связи между различными историческими эпохами

и на основе полученных результатов предугадать будущее человеческой цивилизации.

Идеи философии истории, разработанные Кантом, Шеллингом, Гегелем, Махом, оказали на Адамса решающее влияние. В теориях немецких философов он увидел подтверждение собственных мыслей о законах истории, общественном прогрессе, источниках исторического развития. Он стремился обнаружить аналогии между разными эпохами, подчеркнуть всеобщий характер и единство исторического процесса. При таком подходе становится возможным, верил он, объяснить историю, исходя из опыта отдельного человека. Сквозь призму собственной автобиографии Адамс пытается рассмотреть все многообразие стремительно трансформировавшейся картины мира XX столетия. В нашем исследовании мы хотели показать, как научные взгляды Адамса, его историческая концепция взаимосвязаны с историей отдельной личности, описанной в "Воспитании".

В "Воспитании Генри Адамса" прослеживается, как нам кажется, сильное влияние Канта, с его концепцией времени. Вслед за известным философом Адамс как бы "растворил" прошлое в настоящем, "уничтожил" время, с тем, чтобы подчеркнуть значение индивидуального опыта. Каждый, по мнению автора, может "пережить" историю цивилизации, ибо в его сознании заключено все прошлое человечества, а его личный опыт содержит параллели историческим фактам. История сквозь призму автобиографии, с одной стороны, становится субъективной, ее как бы не существует, а существует лишь индивидуальный опыт, а с другой стороны – из субъективного, считает Адамс, складывается объективное понятие истории, так как она – это глобальное соединение субъективного опыта людей, их поступков и побуждений. Таким образом, можно заключить, что для концепции Адамса важна не только идея преемственности эпох, но и возможность субъективного анализа всемирной истории. Следовательно, автор "Воспитания" является сторонником традиционно позитивистского взгляда на природу познания и роль личности в развитии истории.

Наиболее остро проблема преемственности эпох встает в середине XIX столетия. Под влиянием теории эволюции Дарвина складывается особый взгляд на историю, согласно которому исторический процесс неизменно направлен на все более усложняющиеся формы общественной организации. В свете подобных концепций возникают новые течения в европейской и американской историографии, социологии и политологии. Изучение творчества Адамса в контексте эпохи, в связи с развитием философской мысли рубежа XIX-XX веков позволило нам выявить эволюцию взглядов историка от идей социал-дарвинизма к законам физики и химии, согласно которым он разработал свою динамическую концепцию истории, представленную в “Воспитании” и поздних научных статьях (“О роли фаз в развитии истории”, “Послание американским историкам”).

Научная мысль XIX века вызвала необычайный эффект в человеческом мышлении и в отражении его в жизни, быте и идеалах человека. Коренным образом изменилось представление о Вселенной. Начались кардинальные изменения в человеческом сознании, в восприятии им окружающего мира. Бурный рост прикладных наук оказал большое влияние на трансформацию гуманитарных дисциплин, большинство из которых на пороге XX столетия стремилось к синтезированию опыта естествознания и гуманитарных наук. Данное обстоятельство послужило возникновению ряда исторических концепций, апеллирующих к точным дисциплинам. В частности, в основе динамической концепции Г. Адамса лежит второй закон термодинамики, разработанный в 1850 году английскими физиками Клаузиусом и Кельвином, и закон о фазах вещества, предложенный в 1878 году американским естествоиспытателем У. Гиббсом. Опираясь такими понятиями, как “энергия”, “сила”, “инерция”, “энтропия”, “ускорение” и размышляя о статусе человека во вселенной, Адамс приходит к выводу, что он есть некий сгусток энергии, подвластный общим физическим законам, как и все в этом мире. В своей динамической теории историк утвер-

ждает, что человеческая раса прошла три глобальных этапа своего развития: “кристаллическую” фазу, “жидкое” и “газообразное” состояния. Ученые грядущих десятилетий, по его мнению, зададут научно-техническому прогрессу гораздо больший динамизм, согласно закону энтропии. В связи с этим, в ближайшие сто-сто пятьдесят лет наступит “критический предел” человеческой цивилизации – “эфирная” фаза, переход материи в состояние плазмы.

Концепция истории, предложенная в “Воспитании”, основывалась на характерных для рубежа XIX-XX веков взглядов на будущее человека, на пути его развития, на пределы роста и конечную цель научно-технического прогресса. В одном из своих поздних эссе Адамс заметил, что “Начало XX века было благодатной почвой, на которой произрастал нигилизм и отчаяние людей, чьи идеалы и ценности остались в далеком XVIII веке и не прижились в условиях иррационального и непостижимого XX столетия” (1.с.195). Став свидетелем революционных научных открытий, он пришел к пониманию того, что человечество подверглось серии технологических потрясений, на уяснение и освоение которых требовались десятилетия. Каждое из этих потрясений ускорило движение истории. Адамс был твердо уверен, что пройдет немного столетий, прежде, чем наука станет полновластным хозяином человека.

Автор подчеркивает, что научное знание изначально ориентировано на противоречие, так как по своей сути оно высокоэнтропийно – в этом заключается его динамизм. Именно в смене религиозной парадигмы парадигмой научной, историк видит основную причину разрушения эсхатологической модели мира, существовавшей на протяжении многих тысячелетий человеческой истории. Наука, призванная стать новой религией человека XX столетия, не в состоянии была обеспечить гармоническое соотношение человека и вселенной. Напротив, научное мировоззрение “нового человека” привело в итоге к разрушению антропоцентристской картины

мира, с ее естественным стремлением к “реабилитации человека”, провозглашением его сопричастности космическим ритмам.

“Воспитание Генри Адамса” стало выражением идей и мыслей целого поколения американцев, вступавших на путь научно-технического прогресса. В нем, по выражению Р. Блэкмура, “отразился глубочайший кризис эпохи”, в которой происходила острая и непримиримая борьба “оптимистов” и “пессимистов” (2.с.315).

Научное знание, призванное объединить и систематизировать различные аспекты человеческого бытия, в конечном счете, привело к дроблению его на множество составляющих, считает Адамс. “Новый человек”, по его мнению, не находил ориентира ни в разуме, ни в воле, ни в чувстве. Его природные инстинкты самосохранения диктовали ему единственно возможный способ снижения количества энтропии – обращение к религиозной вере, с ее эсхатологической концепцией времени. Но автор считает, что в контексте XX века роль религии свелась к минимуму, а гармоническое соотношение человека с окружающим его миром, характерное для средних веков, утрачено навсегда. Человек XX столетия противопоставил себя внешнему миру, стремясь подчинить его своим практическим нуждам. Единство, как главная жизненная установка людей XIII столетия, заменилось множественностью XX века.

Таким образом, начиная свою автобиографию с, “казалось бы совершенно отвлеченных эпистомологических проблем, связанных с расширением горизонтов мышления и децентрацией, свержением идеи порядка, иерархии, как идеала” (3.с.63), Адамс переходит к анализу онтологических проблем человеческого бытия. Повествование о приобретенном опыте конкретной личности – человеческом воспитании – постепенно превращается автором в масштабную “автобиографию всего человечества”. “Воспитание” – произведение сложное и многоплановое, как в идейном, так и в художественном его воплощении. Исследование различных сторон адам-

совского мировидения – взглядов на природу, общество, государство, мораль, искусство, историю, политику, науку, религию, процесс познания – помогает увидеть в нем мыслителя, немало способствовавшего развитию философской и исторической мысли в Америке середины XIX- начала XX веков, и художника, чей яркий и многогранный талант делает “Воспитание” одной из самых читаемых книг американской и мировой литературы.

Примечания:

1. Adams H. A Letter to American Teachers of History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949
2. Blackmur R. Henry Adams. N.Y., 1980
3. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000

Библиография:

Художественные и художественно-документальные произведения
Г.Адамса

1. Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
2. Адамс Г. Демократия. М., 1989.

3. Adams H. Esther. N.Y., 1984
4. Adams H. Letter to a Niece and Prayer to the Virgin of Chartres. Boston - N.Y., 1920

5. Adams H. The Education of Henry Adams. Boston, 1961

Исторические и культурологические произведения Г.Адамса

6. Adams H. Letter to American Teachers of History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949
7. Adams H. Essays in Anglo-Saxon Law. N.Y., 1876
8. Adams H. Mont-Saint-Michel and Chartres. N.Y., 1992
9. Adams H. The Rule of Phase Applied to History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949
10. Adams H. The Tendency of History // Adams H. The Degradation of the Democratic Dogma. N.Y., 1949

Письма Г.Адамса

11. Adams H. Selected Letters. Mass., Harvard Univ. Press, 1992
12. Ford W.C. A Cycle of Adams Letters. 1861-1865. Boston, 1920
13. Henry to Brooks Adams. Henry Adams and Friends. Unpublished Letters. Boston, 1947

Монографии и статьи о творчестве Г. Адамса

14. Коренева М.М. Генри Адамс // Писатели США. М., 1990
15. Коренева М.М. Генри Адамс // Проблемы становления американской литературы. М., 1981
16. Николюкин А.Н. Живой свидетель истории США // Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988
17. Спиллер Р. Генри Адамс // Литературная история США. В 3-х тт. М., 1979, т.3

18. Blackmur R. Henry Adams. N.Y., 1980

19. Decker W. The Literary Vocation of Henry Adams. Corolina, 1990
20. Koreneva M. Henry Adams and the Crisis of Traditional Ideals of American Democracy // Potsdamer Forschungen. Wissenschaftliche Schriftenreihe der Padagogischen Hochschule "Karl Liebknecht" Postdam. Reihe A-Heft 51, 1982
21. Mane R. Henry Adams on Road to Chartres. Harvard, 1971
22. Porter C. Seeng and Being // The Plight of the Participant Observer in Em-
erson, Jams, Adams and Faulkner. Middletown, 1981
23. Samuels E. Henry Adams. The Major Phase. Cambridge, Mass., Harvard
Univ. Press, 1964
24. Wasserstom W. The Ironies of Progress: Henry Adams and the American
Dream. Illinois, 1984

Сопутствующие художественные тексты

25. Бредфорд У. История Плимутского поселения. Франклин Б. Автобио-
графия. Памфлеты. Кревекер С.-Дж. Письма американского фермера // Библиотека литература США. М., 1987
26. Монтень М. Опыты. В 3-х тт. М., 1979
27. Пруст М. У Германтов. М., 1980
28. Твен М. Из "Автобиографии". Собрание сочинений в 8 томах. М.,
1980, т.8
29. Эмерсон Р. Очерки и эссе. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу // Биб-
лиотека литературы США. М., 1986

Монографии и статьи о жанрах художественно-документальной литературы

30. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-документальных
жанров. М., 1965
31. Колядич Т.М. Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М.,
1988

32. Blasing M.K. *The Art of Life. Studies in American Autobiographical Literature.* Texas, 1977
33. Bruss E.W. *Autobiographical Acts. The Changing Situation of a Literary Genre.* L., 1976
34. Burr A. *The Autobiography. A Critical and Comparative Study.* N.Y., 1909
35. Cooly T. *Educated Lives: The Rise of Modern Autobiography in America.* Ohio, 1976
36. Couser G. *American Autobiography: The Prophetic Mode.* Massachusetts, 1979
37. Cox. J.M. *Recovering Literature's Lost Ground: Essays in American Autobiography.* Louisiana, 1989
38. Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* Ed. By J. Olney. N.Y., 1980
39. Howarth W.L. *Some Principles of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* N.Y., 1980
40. Kuczynsky J. *Problem in Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* Ed. by J.Olney. N.Y.,1980
41. Mandel B. J. *Pull of Life Now // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* Ed. by J.Olney. N.Y., 1980
42. Morris J. *Version of the Self.* N.Y., 1966
43. May G.L. *Autobiography.* N.Y., 1979
44. Olney J. *Autobiography and Cultural Moment // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* Ed. by J.Olney. N.Y., 1980
45. Olney J. *Metaphors of Self. The Meaning of Autobiography.* Princeton, 1972
46. Pascal R. *Desiyn and Truth Autobiography.* L., 1960
47. Renza L. A. *The Veto of the Imagination: A Theory of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical.* Ed. by J.Olney. N.Y., 1980

48. Shumaker W. English Autobiography. Materials and Forms. Los Angeles, 1954
49. Spender S. Confessions and Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Ed. by J.Olney. N.Y., 1980
50. Spengeman W.C. The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre. L., 1980
51. Starobinski J. The Style of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Ed. by J.Olney. N.Y., 1980
52. Steele P. The Autobiographical Passion: Studies in the Self on Show. Melbourne, 1989

Монографии и сборники статей по истории и философии

53. Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1971
54. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990
55. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986
56. Гемпель К. Мотивы и "охватывающие" законы в историческом объяснении // Гобозов И. Введение в философию истории. М., 1993
57. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995
58. Историография Нового времени стран Европы и Америки. Под ред. Б.Г. Вебера. М., 1967
59. История Соединенных Штатов Америки. М., 1985, тт. 2-3
60. Кант И. Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1987, т.1
61. Карсавин Л. Философия истории. СПб, 1993
62. Киссель М.А. Новая история Джамбатисты Вико. М., 1980
63. Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980
64. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964
65. Ламберг - Карловски К., Саблов Д. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992

66. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод. М., 1969
67. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992
68. Лооне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980
69. Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т.1
70. Проблема человека в западной философии. М., 1988
71. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. М., 1993
72. Тоинби А. постижение истории. М., 1991
73. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992
74. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994
75. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964
76. Факуяма Ф. Конец истории? // США: ЭПИ. 1990, № 5
77. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1993
78. Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992
79. Шопенгауэр А. Избранные труды. М., 1987
80. Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х тт. М., 1989, т.1
81. Элиаде М. Космос и история. М., 1987
82. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991

Работы общего и теоретического характера

83. Адмони В. Поэтика и действительность. Л., 1976
84. Анреев Л.Г. От "заката Европы" к "концу истории" // "На границах". Зарубежная литература от Средневековья до современности. М., 2000
85. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965
86. Белый А. Символ как миропонимание. М., 1994
87. Бергсон А. Избранные труды. М., 1964
88. Больцман Л. Лекции по теории газов. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961

89. Бор Н. Структура атомного ядра. М., 1974
90. Венедиктова Т.Д. Литература на пороге "века толп": "новый человек" как читатель и писатель // "На границах". Зарубежная литература от Средневековья до современности. М., 2000
91. Венедиктова Т.Д. Обретение голоса. Американская поэтическая традиция. М., 1994
92. Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М., 1982
93. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984
94. Данилова И.Е. От средних веков к Возрождению. М., 1975
95. Доманский Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь, 1999
96. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического значения и религиозной веры // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000
97. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994
98. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М., 1992
99. Карасев Л.В. Текст и энергия. М., 1998
Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг., 1918
100. Клименкова Т.А. От феномена к структуре. М., 1991
101. Карсавин Л.П. Культура средних. Пг., 1918
102. Коренева М.М. Творчество Э.Тейлора и пуританская традиция // Истоки и формирование американской национальной литературы XVII-XVIII вв. М., 1985
103. Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979, т.3
104. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера истории. М., 1996
105. Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970
106. Ляковская О.А. Французская готика. М., 1973

107. Майер Р. В пространстве время здесь. М., 1989
108. Манн Ю. О гротеске. М., 1976
109. Мейтленд Иди. Недостающее звено // Возникновение человека. М., 1987
110. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976
111. Метафора в языке и тексте. М., 1988
112. Муратова К. Мастера французской готики. М., 1988
113. Мухина Т.А. Категория времени в культуре и искусстве современного человека. М., 1991
114. Нибур Р.Х. Христос и культура // Избранные труды. М., 1996
115. Осипова Э.Ф. Генри Торо. Очерк творчества. Л., 1985
116. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991
117. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. М., 1963, т.3
118. "Приглашение к диалогу". Латинская Америка: размышления о культуре континента. М., 1986
119. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в средневековом искусстве. М., 1980
120. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974
121. Романтические традиции американской литературы XX века и современность. М., 1982
122. Руднев В. Морфология реальности. М., 1996
123. Стенценко Е.А. История, написанная в пути. М., 1999
124. Стеценко Е.А. Судьбы Америки в современном романе США. М., 1994
125. Теория метафоры. М., 1990
126. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000
127. Уэллке Р. и Уоррен О. Теория литературы. М., 1978

128. Фромм Э. Ситуация человека - ключ к гуманистическому психоанализу. М., 1988
129. Харитонович Д.А. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык Средневековья. М., 1982
130. Хейзинга И. Homo Ludens. М., 1992
131. Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1982
132. Цивин Р.Д. Роль художественной детали в изображении характера. Л., 1967
133. Шарден П.Т. Феномен человека. М., 1986
134. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992
135. Шогенцукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. М., 1995
136. Элиот Т. Бесплодная земля. М., 1998
137. Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988
138. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991
- ***
139. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Form. V.1, Gale University, London, 1968
140. Columbia Literary History of the USA. N.Y., 1988
141. Contosta D.R. America in the XX Century: of Age D.R. Contosta. N.Y., 1988
142. Fuller M. Woman in XIX Century. N.Y., 1971
143. Janeway E. Man s World, Woman s Place. N. Y., 1989
144. Kayser W. The Grotesque in Art and Literature. N. Y., 1981
145. Minter D. The Interpreted Desihgn as a Structural Principle in American Prose. L., 1969
146. Rayn M. Womanhood in America. N. Y., 1965
147. Stone M. When God Was Woman. N. Y., 1976
148. Wilson E. Patriotic Gore. Studiesin the Literary of the American Civil War. Boston, 1984